

НЕВОЛЯ

44

ISSN 1813-3541

НЕВОЛЯ 44 2015

Приложение к журналу
«Индекс/Досье на цензуру»

НЕВЮЛЯ

44 • 2015

СОДЕРЖАНИЕ

НАКАЗАНИЕ ОБЩЕСТВА

УИС в цифрах	4
Юрий Александров Юридический практикум	6
Фима Жиганец Закройщик с добрыми глазами	17
Вячеслав Долинин Жизнь кружится вокруг тюрьмы	47
Александр Август Два рассказа	57
Тюремные новости	63
Положение в местах заключения, акции протеста, хроника нарушений в местах заключения (июнь 2015 года)	71
Александр Пирогов Дневник обвиняемого	79
Борис Пантелеев Профессиональная защита – не верь, не бойся и вежливо требуй!	128

ИСТОРИЯ

Александр Сидоров Валюта Зекландии: «колючая бонистика»	136
По материалам зарубежных СМИ Легендарные тюрьмы, знаменитые заключенные и знаменитые преступления	145
Алексей Мокроусов По скользкой тропе воспоминаний	154

Редакция не имеет возможности оказывать юридические услуги и содействовать процессуальному сопровождению конкретных уголовных дел.

Редакционный совет

Людмила Альперн
Валерий Борщев
Владимир Буковский
Сергей Ковалев
Нильс Кристи
Алексей Симонов

Финансирование
Норвежский Хельсинкский
комитет

Учредитель:
Редакция журнала
«Индекс/Досье на цензуру»

Редакция

Главный редактор
Наум Ним
Ответственный секретарь
Наталья Малыхина

Макет
Лев Михалевский

Обложка
Василий Валериус

Верстка
Анна Фролова

Бухгалтер
Наталья Максимова

УИС в цифрах

По состоянию на **1 июня 2015 г.** в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержалось 667 546 чел. (– 4103 чел. к началу года), в том числе:

в 729 исправительных колониях отбывало наказание 542 503 чел. (– 8 349 чел.), в том числе:

– **в 128 колониях-поселениях** отбывало наказание 37 311 чел. (– 2 784 чел.);

– **в 6 исправительных колониях для осужденных к пожизненному лишению свободы** отбывало наказание 1917 чел. (+ 20 чел.).

В 219 следственных изоляторах и 106 помещениях, функционирующих в режиме следственных изоляторов при колониях содержалось – 121 745 чел. (+ 4343 чел.);

в 8 тюрьмах отбывало наказание 1661 чел. (+ 45 чел.);

в 39 воспитательных колониях для несовершеннолетних – 1637 чел. (– 142 чел.).

В учреждениях содержится 54 096 женщин (– 606 чел.), в том числе 43 589 осужденных, содержащихся в исправительных колониях, лечебно-исправительных учреждениях, лечебно-профилактических учреждениях и 10 507 чел., содержащихся в следственных изоляторах и помещениях, функционирующих в режиме следственных изоляторов при колониях. При женских колониях имеется 13 домов ребенка, в которых проживает 682 ребенка.

Медицинское обслуживание осужденных и подследственных обеспечивают 136 больниц различного профиля, а также медицинские части или здравпункты в каждом учреждении, 61 лечебное исправительное учреждение для больных туберкулезом, 9 лечебных исправительных учреждений для больных наркоманией.

В состав УИС также входят:

81 федеральное казенное учреждение «Уголовно-исполнительная инспекция» и 2407 их филиалов, в которых состоят на учете 437 918 чел., осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, и 3167 чел., подозреваемых и (или) обвиняемых в совершении преступлений, находящихся под домашним арестом;

7 государственных унитарных предприятий исправительных учреждений, 566 центров трудовой адаптации осужденных, 80 производственных мастерских.

При исправительных и воспитательных колониях функционируют 325 общеобразовательных организаций и 522 их филиала, 307 федеральных казенных профессиональных образовательных учреждений, действуют 621 культовый объект: 547 храмов, церквей РПЦ, 61 исламская мечеть, 10 буддийских дуганов, 3 костела РКЦ; 704 молитвенные комнаты.

Штатная численность персонала УИС, финансируемого из средств федерального бюджета составляет 295 963 чел., в том числе аттестованных сотрудников – 225 276 чел. (кроме того, переменного состава – 6662 чел.).

Медицинское обслуживание личного состава осуществляют 127 учреждений здравоохранения, в том числе 51 центр медицинской и социальной реабилитации, 8 больниц, 68 военно-врачебных комиссий и 3 санатория.

В составе УИС действуют **7 учреждений высшего образования** с 1 филиалом, 3 института повышения квалификации, 2 межрегиональных учебных центра, 29 учебных центров территориальных органов, научно-исследовательский институт уголовно-исполнительной системы, научно-исследовательский институт информационных технологий.

Имеется Объединенная редакция, издающая журналы «Преступление и наказание», «Ведомости УИС» и газету «Казенный дом».

Юрий Александров

Юридический практикум

Новое в законодательстве

В УПК РФ прописаны особенности обжалования постановлений о прекращении уголовного дела или уголовного преследования (Федеральный закон от 8.03.2015 № 36-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»).

Скорректирован УПК РФ. В него введена статья об особенностях рассмотрения отдельных категорий жалоб. Это жалобы на постановление дознавателя, следователя, руководителя следственного органа, прокурора о прекращении уголовного дела или уголовного преследования.

Во-первых, это возможно, когда до вступления приговора в законную силу преступность и наказуемость деяния были устранены новым уголовным законом.

Во-вторых, когда лицо не достигло к моменту совершения преступления возраста, с которого наступает уголовная ответственность, либо несовершеннолетний, который хотя и достиг указанного возраста, но из-за отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) и руководить ими в момент совершения преступления. Данные жалобы будут рассматриваться судьей. Он проверит законность и обоснованность решения, а также законность и обоснованность возбуждения дела, привлечения лица в качестве подозреваемого, обвиняемого и применения к нему мер процессуального принуждения.

По результатам постановление может быть признано незаконным.

Наказание за взяточничество должно быть эффективным (Федеральный закон от 8.03.2015 № 40-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»).

Внесенные поправки касаются противодействия преступлениям коррупционной направленности. Они содержат ряд мер, призванных повысить эффективность исполнения уголовного наказания в виде штрафа.

Во-первых, снижена минимальная кратность штрафа, предусмотренного за коррупционные преступления небольшой тяжести. Дело в том, что одним из основных наказаний за взяточничество является штраф, кратный сумме взятки. Назначение судами несоизмеримо крупных штрафов лицам, очевидно не имеющим реальной возможности их уплатить, не обеспечивает неотвратимости наказания. В итоге судебные приставы-исполнители вынуждены обращаться в суды с ходатайством о замене штрафа лишением свободы.

Во-вторых, за коррупционные преступления небольшой тяжести введены альтернативные виды наказаний – исправительные работы и штраф в фиксированном размере с дополнительным наказанием в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 3 лет.

Кроме того, поправки предусматривают, что вместе с наиболее строгим наказанием в виде лишения свободы кратный штраф в качестве дополнительного наказания назначается по усмотрению суда (а не в обязательном порядке, как ранее).

Срок добровольной уплаты штрафа увеличен с 30 до 60 дней. Помимо этого, до 5 лет увеличен период предоставляемой осужденному рассрочки внесения штрафа (ранее – до 3 лет).

Кроме того, в целях обеспечения исполнения наказания в виде штрафа можно налагать арест на имущество подозреваемого (обвиняемого).

Дела об изнасиловании лиц, не достигших 14 лет, и некоторые другие теперь рассматривают не областные, а районные суды (Федеральный закон от 8.03.2015 № 47-ФЗ «О внесении изменений в статьи 30 и 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»).

Изменилась подсудность уголовных дел об изнасиловании и насильственных действиях сексуального характера, которые повлекли по неосторожности смерть потерпевшей (потерпевшего) или совершены в отношении лица, не достигшего четырнадцатилетнего возраста.

Ранее указанные дела рассматривались высшими судами республики, краевыми или областными судами, судами городов федерального значения, автономных областей (округов), окружными (флотскими) военными судами. Согласно внесенным поправкам, эти дела теперь относятся к подсудности районных судов.

Лицо, в отношении которого уголовное дело прекращено на досудебной стадии в связи с устранением законом преступности и наказуемости инкриминируемого ему деяния, получило право на судебную защиту (*Федеральный закон от 8.03.2015 № 36-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»*).

Федеральным законом реализовано Постановление КС РФ от 19.11.2013 № 24-П. Данным Постановлением были признаны неконституционными ряд положений УК РФ и УПК РФ в той мере, в какой они лишают лицо, уголовное преследование которого прекращено на досудебной стадии уголовного судопроизводства вследствие принятия нового уголовного закона, устраняющего преступность и наказуемость инкриминируемого ему деяния, возможности обжалования в судебном порядке законности и обоснованности вынесенных в ходе осуществления уголовного преследования этого лица актов органов дознания и предварительного следствия, в том числе фиксирующих выдвинутое подозрение, обвинение в инкриминируемом ему деянии, применение мер процессуального принуждения в ходе производства по уголовному делу, а в случае установления их незаконности и необоснованности – возможности признания за ним права на реабилитацию.

Федеральным законом предусмотрены особенности обжалования решений органов предварительного расследования о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в связи с изданием закона, устраняющего преступность и наказуемость деяния, либо в связи с недостижением лицом к моменту совершения деяния возраста, с которого наступает уголовная ответственность, либо в связи с тем, что лицо хотя и достигло возраста уголовной ответственности, но вследствие отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, не могло в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) и руководить ими в момент совершения деяния.

Установлена обязанность судьи проверять законность и обоснованность указанных решений, законность и обоснованность возбуж-

дения уголовного дела, привлечения лица в качестве подозреваемого, обвиняемого, применения к нему мер процессуального принуждения путем исследования в судебном заседании имеющих в уголовном деле доказательств.

По результатам рассмотрения судья выносит постановление об удовлетворении жалобы на решение органов предварительного расследования и о признании незаконным постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования, а также о наличии (отсутствии) оснований для применения процедуры реабилитации либо об оставлении жалобы без удовлетворения.

Суды разъясняют

Актуализированы некоторые разъяснения по вопросам применения уголовного законодательства.

В связи с принятием многочисленных поправок внесены изменения в ранее сформулированные разъяснения. В подавляющем большинстве редакция коснулась разъяснений по вопросам применения уголовного законодательства, включая процессуальные нормы.

В частности, внесены уточнения в указания относительно квалификации разбоя, в т. ч. с применением оружия, группой лиц. Так, дополнительно поясняется, как следует квалифицировать действия участников в случае, когда умыслом виновных, совершивших разбойное нападение группой лиц по предварительному сговору, охватывалось причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего или лишение его жизни, но только один из них причинил такой вред либо смерть. Действия всех участников группы следует квалифицировать как соисполнительство в разбое, совершенном с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего. При этом действия лица, причинившего тяжкий вред здоровью потерпевшего, повлекший по неосторожности его смерть, или совершившего его убийство, дополнительно квалифицируются также по соответствующим нормам УК РФ. Также указывается, как квалифицируется содеянное в случае, когда группа лиц предварительно договорилась о совершении кражи, но кто-либо из соисполнителей вышел за пределы сговора, совершив грабеж или разбой.

Разъяснения по квалификации убийства пересмотрены из-за поправок к УК РФ, которыми малолетние дети были выделены в отдельную категорию потерпевших (ранее они подразумевались в такой категории потерпевших, как «лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии»).

Разъяснения относительно производства в суде кассационной инстанции уточнены в т. ч. в связи с поправками к УПК РФ, принятыми 31.12.2014 года. Согласно этим поправкам был отменен годичный срок, установленный для обжалования судебного решения в кассационной инстанции. Поясняется, что акты суда, вступившие в силу до 01.01.2013 года, пересматриваются по правилам, предусмотренным для кассации и надзора. Причем речь идет о жалобах, представлениях лиц, которые ранее либо не обжаловали эти судебные решения в порядке надзора, либо осуществили свое право обжалования не в полном объеме. В этом случае жалоба, представление подаются в соответствующий суд кассационной инстанции, в который ранее судебное решение не обжаловалось, либо в суд надзорной инстанции.

Часть вносимых изменений, по сути, носит технический характер (например, уточняются реквизиты некоторых актов, наименования органов власти, учреждений, упоминаемых в разъяснениях).

(Постановление Пленума ВС РФ от 3 марта 2015 г. № 9 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации»)

Конституционный суд РФ об обжаловании приговора

Раскрывая конституционное содержание права на судебную защиту, КС РФ пришел к выводу, что в рамках судебной защиты прав и свобод возможно обжалование в суд решений и действий (бездействия) любых государственных органов, включая судебные, а потому отсутствие возможности пересмотреть ошибочный судебный акт не согласуется с универсальным требованием эффективного восстановления в правах посредством правосудия, отвечающего критериям справедливости, умаляет и ограничивает данное право.

Применительно к уголовному судопроизводству Конституция РФ специально гарантирует каждому осужденному право на пересмотр приговора вышестоящим судом в порядке, предусмотренном федеральным законом (статья 50, часть 3). При этом, поскольку право на справедливое разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом предполагает окончательность и стабильность судебных актов, вступивших в законную силу, и их исполнение, основное бремя пересмотра решений суда первой инстанции должно возлагаться на обычные (ординарные) судебные инстанции, что обязывает государство к созданию необходимых условий для эффективного и справедливого разбирательства дела именно в суде первой инстанции, где подлежат разрешению все существенные для опреде-

ления прав и обязанностей сторон вопросы, а также – для исправления допущенных судом первой инстанции ошибок – в суде второй инстанции (в настоящее время – апелляционном) в процедурах, наиболее приближенных к производству в суде первой инстанции.

КС РФ отметил, что, прямо не предоставляя осужденному право на пересмотр вынесенного в отношении него приговора после его вступления в законную силу, статья 50 (часть 3) Конституции РФ не исключает, однако, возможность создания – исходя из конституционных целей и ценностей, общепризнанных принципов и норм международного права и международных обязательств Российской Федерации – дополнительных процессуальных механизмов проверки вступивших в законную силу судебных решений, определения системы и полномочий судебных инстанций, последовательности и процедуры обжалования, оснований для отмены судебных решений вышестоящей судебной инстанцией. Поскольку подобная проверка означает, по существу, возможность преодоления окончательности судебных актов, вступивших в законную силу, федеральный законодатель, учитывая конституционное и международно-правовое требование окончательности и стабильности судебных решений, должен устанавливать такие институциональные и процедурные условия их пересмотра, которые, имея резервное значение, исключали бы возможность необоснованного возобновления судебного разбирательства и использовались лишь в случаях, когда ошибка, допущенная в ходе предыдущего разбирательства, предопределила исход дела. В связи с этим введение дополнительных процессуальных механизмов проверки вступившего в законную силу судебного решения не предполагает предоставление лицу неограниченных возможностей требовать его пересмотра, в том числе путем многократного обращения в суды одной – кассационной – инстанции, включая разные по уровню суды, компетентные рассматривать дела в кассационном порядке, равно как и выбор по собственному усмотрению способа и процедуры судебного обжалования, которые устанавливаются на основе Конституции РФ, ее статей 46, 123 и 128, федеральным законом.

Пересмотр в кассационном порядке вступивших в законную силу судебных актов (глава 47.1 УПК РФ) предусмотрен в качестве дополнительного способа исправления судебной ошибки и обеспечения законности судебных решений по уголовным делам, который используется, когда неприменимы или исчерпаны все ординарные средства процессуально-правовой защиты. По своей конституционно-правовой природе подобный пересмотр предполагает установление таких

оснований и процедурных правил, которые, отвечая предназначению именно данной стадии процесса, исключают возможность использования кассационной процедуры вопреки принципу *res judicata*, не нарушая при этом конституционные требования законности и справедливости.

Так, в соответствии с УПК РФ основаниями отмены или изменения приговора, определения или постановления суда при рассмотрении уголовного дела в кассационном порядке являются существенные нарушения уголовного и (или) уголовно-процессуального закона, повлиявшие на исход дела (часть 1 статьи 401.15); для выявления таких нарушений и исключения судебного рассмотрения явно необоснованного обращения поступившая жалоба предварительно изучается судьей суда кассационной инстанции, правомочного пересматривать обжалуемое судебное решение (статья 401.7); по результатам данного изучения выносится постановление о передаче кассационной жалобы с уголовным делом для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции либо, если отсутствуют основания для пересмотра судебного решения в кассационном порядке, об отказе в такой передаче (часть 2 статьи 401.8). Установленный же данным Кодексом запрет на внесение повторных или новых кассационных жалоб по тем же или иным правовым основаниям, теми же или иными лицами в тот же суд кассационной инстанции, если ранее жалоба в отношении одного и того же лица рассматривалась этим судом в судебном заседании либо была оставлена без удовлетворения постановлением судьи (статья 401.17), коррелирует с возможностью последовательной подачи кассационной жалобы одним и тем же лицом в суды разного уровня с соблюдением требования инстанционности, в силу которого судебное решение может быть обжаловано в Судебную коллегия по уголовным делам Верховного суда РФ при условии, что оно обжаловалось до того в кассационном порядке в президиум областного или равного ему по уровню суда (пункт 2 части 2 статьи 401.3), а также с правом Председателя ВС РФ, его заместителя при несогласии с решением изучавшего кассационную жалобу судьи ВС РФ об отказе в передаче ее для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции отменить это решение и вынести постановление о передаче кассационной жалобы с уголовным делом для рассмотрения в судебном заседании соответствующего суда кассационной инстанции (часть 3 статьи 401.8).

Такого рода инстанционность производства по обжалованию вступивших в законную силу судебных решений по уголовным делам, не

исключающая возможности неоднократного обращения с кассационной жалобой и ее изучения судьями судов разного уровня, предоставляет дополнительные гарантии выявления и устранения судебных ошибок, предопределивших исход дела в судах первой и апелляционной инстанций.

В силу пункта 5 части 1 статьи 401.4 УПК РФ кассационная жалоба должна содержать указание на допущенные судами существенные нарушения уголовного и (или) уголовно-процессуального закона, повлиявшие на исход дела, с приведением свидетельствующих о таких нарушениях доводов. Соответственно, закон не ограничивает, в том числе каким-либо процессуальным сроком, лицо, подающее кассационную жалобу, в возможности исчерпывающим образом изложить в ней – как самостоятельно, так и с помощью адвоката (защитника) – те допущенные судом нарушения, которые, по его мнению, являются существенными, а потому могут выступать основаниями отмены или изменения судебного решения при рассмотрении дела в кассационном порядке, а также привести необходимые и достаточные, с его точки зрения, доводы, подтверждающие обоснованность обращения в суд кассационной инстанции.

Все это позволяет судье, изучающему кассационную жалобу в предварительном порядке, дать ей всестороннюю оценку, истребовать при необходимости уголовное дело и проверить оспариваемые судебные решения на предмет допущенных судом в ходе предшествующего разбирательства нарушений уголовного и (или) уголовно-процессуального закона, оценить их существенность и влияние на исход дела. При этом, по смыслу части 4 статьи 7 УПК РФ во взаимосвязи с его статьями 401.7 – 401.11, при решении вопроса о наличии или отсутствии оснований для передачи уголовного дела в суд кассационной инстанции для рассмотрения по существу во всяком случае необходимо вынесение мотивированного постановления; положения статьи 401.7 УПК РФ, предусматривающие предварительное рассмотрение судьей кассационной жалобы, во взаимосвязи с нормами статей 401.2, 401.4, 401.5, 401.10 и 401.11 данного Кодекса не предполагают возможность принятия им произвольных решений: судья обязан проанализировать обжалуемый судебный акт и все изложенные в жалобе доводы относительно допущенных нарушений закона на основе приложенных к ней документов либо материалов истребованного уголовного дела и – если у него возникли сомнения в законности приговора, определения или постановления суда и он полагает, что имеют место существенные нарушения уголовного и (или) уголовно-процессуального закона, по-

вливающие на исход дела, – передать жалобу для рассмотрения по существу в суд кассационной инстанции.

Кроме того, в течение установленных УПК РФ сроков предварительного изучения кассационной жалобы и рассмотрения уголовного дела по ней в судебном заседании суда кассационной инстанции (статья 401.9 и часть 1 статьи 401.13) лицо, требующее изменения или отмены вступивших в законную силу судебных решений, не лишено возможности подготовить дополнительную жалобу, а также отозвать поданную жалобу, в том числе чтобы изложить новые основания для признания состоявшихся в его отношении судебных актов неправосудными. При этом решение суда о прекращении кассационного производства в связи с отзывом жалобы не является обстоятельством, препятствующим тому же лицу повторно обратиться в тот же суд кассационной инстанции с жалобой по тем же или иным правовым основаниям.

Вынесение же судьей областного или равного ему по уровню суда постановления об отказе в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции является достаточным основанием для подачи кассационной жалобы в ВС РФ, не исключает возможность лица дополнить ее новыми доводами и указанием на ранее не исследовавшиеся обстоятельства, что равнозначно, по существу, возможности подачи новой жалобы.

В силу ранее выраженной КС РФ правовой позиции запрет на подачу кассационной жалобы тем же лицом, в том числе после того, как предыдущая его жалоба была отвергнута, не является препятствием для устранения судом экстраординарной судебной инстанции существенных нарушений уголовного и (или) уголовно-процессуального закона, повлиявших на исход дела, которые не предполагают отказ в рассмотрении жалобы в случае обнаружения ранее не выявленной судебной ошибки, подлежащей исправлению; вместе с тем обращение с такой жалобой без надлежащих правовых оснований к отмене или изменению судебного решения влечет оставление ее без рассмотрения.

Лимитирование уголовно-процессуальным законом обращений одного и того же лица в соответствующие суды кассационной инстанции само по себе не означает отказа в праве на судебную защиту для граждан, чьи права нарушены в результате судебной ошибки, поскольку вступившие в законную силу приговор, определение и постановление суда могут быть отменены в предусмотренной главой 49 УПК РФ процедуре возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств. Выступая в системе действующего уголовно-процессуального регулирования в качестве

резервного способа обеспечения правосудности судебных решений, такой пересмотр согласно части 1 статьи 414 данного Кодекса никакими сроками не ограничен и не исключает устранения допущенных при рассмотрении уголовных дел судебных ошибок, которые не были или не могли быть выявлены ранее.

(Определение КС РФ от 5.02.2015 № 430-0)

Нарушают ли пункты 148 и 154 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений Уголовно-исполнительный кодекс РФ и, соответственно, право осужденных на свободу вероисповедания и право действовать в соответствии со своими религиозными убеждениями?

Верховный суд РФ дал следующие разъяснения. Согласно пункту 148 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений осужденным запрещается брать с собой в штрафные изоляторы имеющиеся у них продукты питания и личные вещи, за исключением полотенца, мыла, зубной щетки, зубной пасты (зубного порошка), туалетной бумаги, средств личной гигиены (для женщин), выписанных ими журналов и газет, а также религиозной литературы, предметов культа индивидуального пользования для нательного или карманного ношения.

В соответствии с пунктом 154 названных Правил осужденным, переведенным в помещения камерного типа, ЕПКТ или одиночные камеры в порядке взыскания, не разрешается брать с собой имеющиеся у них личные вещи, кроме продуктов питания, полотенца, мыла, зубного порошка, пасты, зубной щетки, туалетной бумаги, табачных изделий и спичек (для женщин предметов гигиены), а также религиозной литературы, предметов культа индивидуального пользования для нательного или карманного ношения.

Пункты 148 и 154 Правил не изменяют закрепленных УИК РФ условий обеспечения свободы совести и свободы вероисповедания и воспроизводят ее положения, разрешая осужденным, помещенным в порядке взыскания в штрафные изоляторы, помещения камерного типа, ЕПКТ, одиночные камеры, иметь при себе религиозную литературу, предметы культа индивидуального пользования для нательного или карманного ношения, в частности принадлежащие им Библию, Коран, нательный крестик с цепочкой, молитвенный коврик для карманного ношения.

Эти положения ПВР ИУ соответствуют общепризнанным нормам международного права, регламентирующим права осужденных, в

частности Минимальным стандартным правилам обращения с заключенными, принятым на первом Конгрессе Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями 30 августа 1955 г. Из содержания Рекомендаций REC (2006)2 Комитета Министров Совета Европы государствам-членам о правилах содержания заключенных в Европе, принятых 11 января 2006 г., следует, что внутренний режим, насколько это возможно, должен быть организован таким образом, чтобы давать заключенным возможность исповедовать свою религию и веру, посещать службы или собрания, проводимые получившими соответствующее разрешение представителями таких религий или верований; такие представители религий или верований должны иметь возможность посещать заключенных и общаться с ними в конфиденциальной обстановке; заключенным следует разрешать иметь у себя книги и литературу, относящиеся к их религии и верованиям.

(Решение ВС РФ от 4 марта 2015 г. № АКПИ14-1675)

Фима Жиганец

Закройщик с добрыми глазами

(из рассказов о Коле Тайге)

Совпадения с действительными событиями уголовно не наказуемы

Орган в реанимации

– Да ты, мать, обалдела?! – Опер Серега Степцов сунул свою «ксиву» под нос старшей медсестры реанимационного отделения. – Нам свидетеля нужно срочно допросить!

– Ну-ка, убрал эту дрянь! – огрызнулась медсестра Валя. – Еще палочку Коха занесешь. Свидетель твой паршивый лежит без сознания, вход – только с разрешения врача!

Из-за спины Сереги вынырнул новый персонаж.

– Майор юстиции Костанов, старший следователь, – представился он. – Так где ваш врач?

– Не мой, а дежурный! На третьем этаже.

– Телефон у него есть?

Телефон был, но главлекарь на звонки не отвечал.

– И что теперь? – Костанов начал закипать.

– Мальчонку пошлите на поиски. – Валя кивнула на Степцова. – Доктор Байдаков, Вениамин Семенович. С козлиной бородкой.

Опер со скрежетом зубовым ускакал вверх по ступеням – искать козлину с бородкой.

– А мне что, снаружи торчать? – спросил Костанов.

Валя оглядела следака. Моложавый мужчинка лет под сорок, симпатичный...

– Заходи уже, – смиловалась она. – Девочки, принимайте органа!

Коллектив хрюкнул, и орган оказался за столом, заставленным обильными яствами и бутылками различных конфигураций.

– Хорошо живете, – оценил Костанов.

– Это же ЦГБ, – пояснила Валя. – Скромные презенты от выздоравливающих.

– А как насчет почивших?

– Им в другом месте наливают, – пояснила сестрица Оля. – Наполний сосуды, пора разговляться.

– Я же на работе!

– А мы на чем?! У Валентины Михайловны сегодня день рождения!

– Эй, на корабле! – раздался хриплый голос из дальнего угла. – Мне тоже налейте! Помираю...

– Не хами! – каркнула Валя и пояснила следаду: – Твой бомжик бесчинствует.

– Не, ну вы люди или полузмеи в белых ботах? – не унималась дальняя постель. – Хоть глоток в клюве принесите!

– Ты же клялась, что он – полутруп, – удивился Костанов.

– Симулянт. Привезли кучу вонючих тряпок, внутри шевелится... Подкидыш, блин. Ходячий триппер.

– Так что с пациентом? Seriously ранен или как?

– Или как. Хоть бы башку ему для порядка проломили... Здоровый черт, а на вид – труха занюханная.

– Не такая занюханная, – заступился следак. – Вы что, телек не смотрите? Он сегодня девице жизнь спас.

– Ладно, топай к своему герою. Вот бутылка, вот закусь.

– А ему не вредно?

– Тебе же не вредно...

– Логично.

Любимый город может спать спокойно

– Ну, здравствуйте, – приветствовал героя следователь.

– Ну, наливай, – кивнул тот.

Первый шаг был сделан.

– Майор Костанов, – представился Костя. – Следственный отдел прокуратуры Советского района. Меня зовут Константин Константинович. А вас как?

– Как хочешь. Только не козлом.

– Петухом тоже не надо?

– Не рекомендую.

– И все-таки – имя-отчество, место рождения...

– Пиши: звать – Никто, фамилия – Никак.

Костанов оглядел гражданина Никака. Старый «сиделец», на вид – далеко за шестьдесят. Судя по «перстням»¹ на пальцах, не одну зону оттоптал.

– Все сфотографировал? – ухмыльнулся гражданин Никто.

– Тебя камеры наружного наблюдения запечатлели. И свидетельница Маруся Викторовна. Плюс пальчиков ты оставил безмерно. Так что нет смысла темнить, все равно вычислим.

– Чем позже, тем лучше. К тому же я деваху защищал.

– Я в курсе. Но что тебя, старче, занесло в ненужное время в ненужное место?

– Закроем тему. Напиши, что нашел меня в полной бессознанке. А то щас в припадке забьюсь, с кровавой пеной. Не доводи отважного гражданина до кондратия².

– Скажи, отважный гражданин, откуда взялось столько силы в руках? С виду ты такой неказистый... Спецвойска, что ли?

– Охренел? Я из правильных³, от вашей армии откосил⁴.

– Разве у нас не одна армия?

– У нас с тобою даже кислород разный, – отрубил «правильный». – Но это – высшая химия, ее тебе, легашу, даже сам Мандалеев не растолкует. Лучше просвети, по ходу, кто меня с тылу вырубил?

– Тайна следствия. Как ты ко мне, так и я к тебе.

Знарок таблицы Мандалеева потер свой щетинистый подбородок.

– Лады, за себя расклад дам. А ты курсанешь, кому я хвоста заще- мил. Я-то сам не местный. Недавно откинулся звонком⁵ со строгача в Заграйске.

– И где справка об освобождении?

– Посеял в дороге.

– Сказки братьев Гимлер?

– Воля по мозгам шибанула. Гульнул по буфету, очнулся помытый⁶ и подоенный. Хоть не отбуцкали до смерти, и то в радость.

– Героизм на глазах блекнет, – вздохнул Костанов. – Ну слушай. Ты наехал на ребят Мавлана Мадалова.

¹ Уголовная татуировка в виде перстня с разными символами на «печатке».

² Кондратий – смерть (от русск. просторечного «кондрашка»).

³ Правильный – арестант, который придерживается уголовных понятий и традиций.

⁴ По старым воровским традициям «честный» уголовник не имеет права брать оружие из рук власти.

⁵ Освободился по окончании срока.

⁶ Помыть – обкрасть жертву (*жарг.* карманников).

– «Зверьки»?

– Мавлан – узбек. Стоят за ним Тавро и Омарчик Горийский. Тавро – вор, с Омарчиком мутно, вроде как его тормознули⁷. Короче, интернационал: русские, хохлы, даже два брата бурята. Группировка серьезная. Теперь моя очередь. Уговор помнишь?

– Не бзди, все по чесноку⁸, – заверил пациент. – Зовут меня Ничкаев Александр Степанович, 65 лет, погоняло Санек Ничтенка.

– А в Паханске решил начать честную трудовую жизнь?

– Начать и кончить. Душа к пролетарскому делу не лежит. Семь ходок, сперва по карманной тяге⁹, за другое умолчим из скромности.

– А где родился, семья, мать, отец?

– Не дрочи на природу. Завтра в деле глянешь. Если, конечно, завтра встретимся.

– И не мечтай, симулянт погорелого театра, – охолонул бомжа следак. – Охрана надежная.

В дверях послышались перегуды Сереги Степцова с трагическим рефреном «А вы тут амаретто жрете!».

– За надежную охрану? – предложил Ничтенка.

– Наливай.

Опустошив стакашек, бомж поинтересовался:

– А кто из воров за городом смотрит?

– Коля Тайга.

– Николай Палыч? Он вроде в воры не стремился, а Паханск – город хлебный, охотников порулить много.

– Раньше Тавро смотрящим был. Потом свистопляска пошла – девушек похищают, насилуют, убивают. Шестой случай.

– А Тайга при каких делах?

– Тавро со смотрящих подвинули – за нерасторопность. Других воров в области нет, а Тайга – хоть не вор, но в авторитете.

– Выходит, вор под бродягой ходит? Нехорошая тема. Но меня она мало чешет. Лучше скажи, кто меня со спины ушатал?

– Башкир, человек Омара. Взяли их на месте преступления и, выходит, по твоей милости. Так что за спиной следи. Я тут Серегу оставлю на карауле, сам смотаюсь в реанимацию БСМП, туда мадаловских быков доставили, над которыми ты зверски надругался.

⁷ Тормознули – лишили воровского звания.

⁸ По чесноку (*искаж.* «по честняку») – все честно.

⁹ Карманные кражи.

- Богат ваш городок на реанимации...
- Он и на морги не беден.

По следу Синей Бороды

Коля Тайга шпилит в шахматы с верным адъютантом, осетином Алиханом Джичоевым, он же Князь.

В комнату ввалился верзила Валера Битюг.

– Что вынюхал? – коротко бросил Тайга.
– Непонятки, Николай Палыч, – захохотал Валера. – Короче, пытались похитить дочку этого... ну, коммерс известный, по строительному делу.

– Ящик кипишный¹⁰ не пересказывай. Выяснил, кто? Они или?..

– Они, суки! Бульдоги мадаловские! На месте их хлопнули. Говорят, сработала система «Безопасный город». Но хрен бы менты успели, если бы какой-то бичегон¹¹ за халяву¹² не вписался...

– Это как? – удивился Тайга. – Про бича в ящике ни слова...

– Спал он тихо в закутке на сáдке¹³, а как эти твари девку в тачку кинули, такую мясню замутил – полджипа снес на хрен!

– Он что, с РПГ в обнимку дремал? – удивился Алихан.

– За РПГ не знаю. Вроде у него только пивная бутылка была.

– Герой майдана? С «коктейлем Молотова»?

– Не в курсах я...

– Халява хоть живая?

– Девка в порядке, а уродов из джипа «скорая» увезла на крест¹⁴.

– И где этот поджигатель? – хмуро спросил Тайга.

– В реанимации ЦГБ.

– Он что, сам себя подорвал?

– Не знаю...

– Твою медь... – Тайга дошел до белого каления. – Как с вами, дятлами, работать?!

Действовать надо было быстро. Но что делать? Идти не знаю куда и творить не знамо что?

¹⁰ Телевизор.

¹¹ Бичегон, бич – бродяга, опустившийся человек.

¹² Халява – здесь: девушка, а не дармовщинка. В уголовном языке существуют даже особые женские, «халявные» татуировки.

¹³ Сádка – остановка общественного транспорта.

¹⁴ Крест – больница.

Николай Палыч давно жил на нервах. С той поры, как к нему в однокомнатную хрущевку наведались гости высокого сословия: Аршак Арарат, Андрюша Сазанок и Сережа Гомельский. Оглядев таежную заимку, воры сильно опечалились.

– Дядя Коля, у тебя на зоне по сравнению с этой хаткой президентские палаты были, – покачал головой Гомельский.

– Назад приглашаешь?

– Что ты, что ты...

– Тогда не будем тянуть кота за бейцы¹⁵. Базар, я так понимаю, не за мои апартаменты...

– Правильно понимаешь, – вклинился Арарат. – Непокойно тут у вас, Тайга. Обстановка нервная.

Паханск и впрямь стоял на ушах. Началось с похищений молодых девчушек среди бела дня. Идет одинокая студенточка, размышляет насчет коллоквиума по инфузориям. Вдруг тормозит тачка – и подруга уже внутри, мявкнуть не успела. Тачка растворяется, и с тех пор о студенточке ни слуху ни духу.

Первое похищение прошло как нетипичное. Второе встряхнуло обывателей. Потом – третье, четвертое... А серийные преступления сильно возбуждают ментов всех мастей. Начались «маски-шоу»: планы-перехваты, шмоны-перематы, рейды-налеты ОМОНов, СОБРов и прочей доброй нечисти.

В те поры за Паханском смотрел Тавро – Тенгиз Чантурия, 46-летний грузинский вор с тремя ходками. После пятого похищения прикатила смотрящему предъява от «братьев»: Тавро, дорогой, что-то у тебя медвежатники мохнатые¹⁶ распоясались. Не справляешься, кинто¹⁷. Гляди, пристроим тебя в шапито, за макаками сранки подчищать. Или головы отчаянных парнишек предоставь нам по-любому.

Похищения прекратились. Видно, Тавро провел серьезную работу среди местного криминала. Но исполнителей так и не нашел. Зато мусора отыскали тела двух девиц в лесополосе: одно зарыто, другое сожжено. Город снова всколыхнулся. А с ним – и воровская верхушка.

– Нехорошо получается, Тайга, – пояснил Арарат. – Вопросов много... После нашего базара с Тавро девок перестали красть, но негодяи так и не наказаны.

¹⁵ Бейцы – мужские яички (*иврит*).

¹⁶ Лохматый медвежатник – насильник; взлом лохматого (мохнатого) сейфа – изнасилование.

¹⁷ Кинто – то же, что и кент: друг, приятель.

– А он только отмазы строит, – подхватил Сазанок. – Типа, гастролеры накуролесили. Пусть гастролеры. Но этим гаденышам где-то жить надо, кушать, тачки угонять... Слишком долго эта погребень тянется. Что за смотрящий, если у него ни глаз, ни ушей?

– Я тут с какого боку? – пожал плечами Тайга. – Я давно затихарился. С сеструхой хату продали, бабла чуть перепало. С ребятней вожусь в шахматном клубе: городские соревнования взяли, на области выступили удачно...

– Щас разрыдаюсь, – не выдержал Гомельский. – А как же твое казино, катран тихушный¹⁸, где Алихан исполняет с лохами такие вольты, что в цирк ходить не надо? Чему ты детишек научишь – подумать страшно. Это ж, итит, поколение, ему наше будущее строить...

– Короче – что из-под меня надо? – поморщился Тайга.

– Прогон мы тебе доставили воровской, – сообщил Сержик. – С нынешнего дня ты – смотрящий за городом. Вместо Тавро.

– Не, я в эти игры...

– Кто б тебя спрашивал, дядя Коля, – перебил Гомельский. – Все, убитый рамс¹⁹. Внизу пацаны ждут, отвезут тебя в новую резиденцию. Их немного, дальше сам подберешь.

– Нам в городе ментовской кипиш²⁰ не нужен, – завершил беседу Аршак. – Нам нужны эти твари. В собственном соку. Дохлые, живые – без разницы. Желательно – немножко живых. Чтобы потешиться. Короче, теперь ты – воровской положенец²¹. Но учти, дело не терпит...

И Тайга, казалось, все учел. Вплоть до припадков Тавро. На того быстро с верхов угомон нашли. А тем временем нарыл Палыч информаторов среди братвы. Живем не в стране глухих. Скоро Тайга уже знал, что похищения девиц странно совпали с отъездом Омарчикова племянника Бобрика, он же Омарчик-малый – пузатый 22-летний парень, бывший борец, дурковатый и отороженный на все поломанные уши.

Совпадение? Но тут один из «мадаловских» цинканул²², что против Тайги готовят поганую зámуть. Надо ожидать новых похищений. Жертвы – юные дочурки крупных городских «шишек». Паханск реши-

¹⁸ Катран – место для азартных игр; катран тихушный – подпольное казино.

¹⁹ Разговор окончен, тема закрыта.

²⁰ Тревога, возмущение.

²¹ Уголовник, наделенный правами вора и подотчетный ворами.

²² Цинканул – просигналил.

ли «взорвать» по-полной, чтобы показать, что с приходом Коли бардак только усилился. Но кто они, эти папины дочки? Кого обрекли на заклятие? И главное, когда именно и в каком порядке? Этого источник не ведал. А с таким багажом на Тавро не наедешь.

Тайга подключил всех, кого мог. Но опоздал... Хорошо, бомж помог. Откуда он взялся? Тайга склонялся к тому, что тут не без «свояков»²³. Может, подстраховали? Могли бы курсануть²⁴ для верности.

Бродяга вздохнул и нажал на кнопку пульта телевизора.

«...лось достать запись с камер уличного слежения, – сообщил телевизор. – Наши зрители будут первыми, кто увидит, как все происходило!»

Смотрящий прибавил звук.

Некоторое время Тайга, Алихан и Битюг, распахнув очи, наблюдали за событиями на экране. Вдруг геройский бомж развернулся в сторону камеры перекошенной геройской рожей.

– Стоп! – грохнул Тайга. – Останови!

– Прямая передача, Палыч, – развел руками осетин. – Не кинушка же.

– Мля... – протянул смотрящий. – Привет с ростовского базара...

«Неизвестный заступник в бессознательном состоянии доставлен в реанимационное отделение Центральной городской больницы», – сообщил комментатор и скорчил скорбную физиономию.

– Князь, Битюг – вперед, шéметом²⁵! – рявкнул Тайга. – Пару надежных пацанов зацепите. Доставить мне этого пассажира в целости. Не дай бог с ним что случится!

– Там наверняка мусорня. Как с ними?

– Нежно. Никаких безобразий. Еще с ментами проблем не хватало. Только без человечка этого даже не кажите сюда глаз.

Князь уже выскакивал в дверь, но Тайга тормознул его:

– Сперва сам пробей, а там – действуй по обстоятельствам. И аккуратнее с пациентом.

– Ты его знаешь, Николай Палыч?

– Шарик тесный, – неопределенно ответил Тайга. – Погоди, есть у меня кое-что... На случай непоняток.

²³ Так воры называют друг друга. Обозначая свой статус, воры говорят нередко «При своих».

²⁴ Курсануть – поставить в известность.

²⁵ Шéметом – быстро.

Не все скальпели одинаково полезны

Врача Серега не нашел. Зато, окинув хищным взором медицинскую «поляну», охотно взял на себя роль бомжацкого телохранителя. Костанов обещал вскоре прислать подмену.

– На хрен она нужна? – отмахнулся Степцов. – За русским инвалидом я и сам пригляжу, а полицейные – они, суки, прожорливые...

– Это еще тот паралимпиец, – предупредил Костя. – Ты же видел, что он натворил.

– Так он в отключке, его же отбуцкали.

– Такого отбуцкаешь. Полбутылки коньяка выжрал, не поморщился.

– Скотина, – согласился опер. – Но у меня пушка всегда расчехлена. А он что, сдернуть собирается?

– Не исключаю. Мутный тип. Так что не расслабляйся. И еще заглядка. Полицаи его сюда как полутруп сбросили, но кое-кто за ним будет охотиться. Те, кого он забил, как мамонтов, – мадаловские ребята...

– Знаю. Но их же всех приняли: и из джиба, и бурятов с Бобриком.

– Скоро отпустят.

– Как – отпустят?!

– А что им предъявить? Ехали мимо, увидели драку. Вмешались, остановили кровопролитие. Все.

– Да на них оперативных данных твоева хуча! А прокрутить записи с мониторов, всю гоп-компанию вместе можно отследить! Из обеих машин...

– И что? Бобрик и буряты в похищении не участвовали. Подкатили позже, вступились за знакомцев. Хотя ясно, племяш с этим делом связан. Потому и личность бомжа ему ох как интересна. Случайно этот герой забрел на остановку или кто послал? А если послал, то кто? Через адвокатов Бобрик уже мог со своими бойцами связаться и пустить их по следу.

– Так почему здесь пост не выставили?! Это же азбука. Бомж все-таки фигурант. Хотя бы и полудохлый.

– Да, за такие проколы надо пороть нагайкой. Но тут, Серега, стечение обстоятельств. По делу работает особая следственная группа. Прибыли на место, а этого кузьму увозят в клиническом виде. Они на бандюков кинулись, доходягу нам оставили, районным бобикам.ковыряйтесь и несите ответственность.

– Вызывай полицаев! Я в конвойники не нанимался!

– Не психуй. По дороге звякну, подгоню тебе на смену доbermanов. А сам пока мотнись к терпилам-громилам. Ночка обещает быть веселой.

Не доверяя Косте, после его отъезда Степцов сам позвонил в родной райотдел и попросил подмоги. Однако ЦГБ находилась не в Советском районе, а в Октябрьском. В Октябрьском заявили, что охрана бешеных бомжей – головняк городского УВД, раз дело о похищениях расследует особая группа. Никого из группы Степцов так и не вызволил – она же, плять, особая... Аппетит пропал, опер мрачно потребовал от медсестер запереть дверь, а по надобности отлучаться лишь с его дозволения. Ответ был очевиден, и опер прижух, заняв позицию напротив двери – за койкой самопердящего старика Калобухина.

Подмога явилась, когда Серега уже расслабился и пускал сигаретный дым во мглу на приступках лестницы бокового входа (главный вход в приемник реанимации находился за углом). Полиции подкатили на белой «дэу» с мигалкой. Двое потопали к входу, водитель остался в салоне.

– Наконец-то! – шагнул навстречу Серега и сходу получил короткий удар в печень, а затем добавку по затылку. Злобные полицаи оттащили обмякшее тело опера в машину. Затем бравая парочка вбежала по ступеням, прошла по коридору и ввалилась в реанимацию. Служивые сообщили персоналу, что прибыли забрать свидетеля по делу о сегодняшнем похищении.

– Как – забрать? – нахмурилась Валя. – Здесь вам больница, а не шарашкина контора. И вообще, свидетель под охраной...

– Заткнись, сука, – тихо цыкнул полисмен. – Защелкни клюв.

– Это у меня – клюв?! – оцетинилась медсестра. – Ах ты, свинья...

Здоровяк огромной ладонью залепил Вале по лицу, сестричка порхнула через койку, смахнув с постели древнюю ветераншу ленинградской блокады. Из перебитого клюва на блокадное тело хлынула кровь.

– Где бомжара? – спросил сестричку Лену полицейский-свинья. Та в ужасе ткнула в направлении дальней койки.

Свинорыл проследовал к кровати. Бомж мирно дремал, скукожившись под одеяльцем.

– Хорошо отделали, – обратился полицай к напарнику. – А от него бухлом несет...

– Это моча! – вдруг вскрикнул бомж и, сбросив одеяло, плеснул какую-то жидкость в лицо амбалу. Тот отпрянул, зацепился за столик на колесах и чуть не загремел на пол. Ничтенка был уже на ногах.

– Ах ты, сука помойная! – заревел полицай. – Да это же коньяк... – приняв хавшись, растерянно протянул он.

– Вдыхни перед смертью, – разрешил Санек и замахнулся на верзилу скальпелем, зажатым в левой руке.

«Толстолобик» гоготнул. В десантуре он когда-то почти сдал на «краповый берет».

– Дед, хорош народ смешить...

Но случилось невероятное. Ничтенка сделал шаг вперед правой ногой, вертанулся на ней и оказался спиной вплотную к «полицаям». Скальпель нырнул сверху вниз и вынырнул снизу вверх. Острая боль пронзила левое бедро бандита, тут же он получил от Ничтенки удар затылком в лицо, впечатался в стену и стал медленно по ней сползать. Бомж выдернул скальпель из лжеполицейской ноги и, развернувшись в обратку, всадил его сверху в помутневшее бандитское око.

Второй полицай на миг оцепенел. Затем схватился за рукоять пистолета, торчавшего из-под мышки.

Но, как справедливо заметил убывший следак Костанов, ночка выдалась веселой. Беда пришла, откуда не ждали. Звали беду баба Шура – та самая блокадница, сухонькое существо девяноста с лишком лет, уже больше недели недвижно лежавшее в постели. Кровавый фонтан из носа Валентины оказал на Шуру чудесное воздействие. Она очнулась и поднялась, а, когда бандюк почти вытащил «пушку», со всего маху обрушила на него сосуд, известный под пернатым названием «утка». Удар вышел слабенький, но на сей раз «полицая» окатило явно не коньяком.

Боец оторопел от такого сеанса уринотерапии. Тем моментом бомж успел выдернуть скальпель из глазницы первого негодяя и, почти не целясь, метнул его в окрещенного мочой налетчика. Скальпель вошел точно в ямочку под кадыком. Бандит упал на колени, аки тать перед иконой, затем грохнулся ничком на пол.

– Глянь, нет еще кого в коридоре, – приказал убивец сестричке Оле. Оля опасливо выглянула и отпрянула назад:

– Есть!

– Сколько? – спросил грозный пациент – уже с пистолем наперевес.

– Один... Доктор Байдаков!

– Дура! – хором выдохнули медсестры в унисон Ничтенке.

Тут же в дверях возник доктор.

– Какого черта у вас происходит?! – сходу зарычал он. – По какому поводу пьянка? Валентина, я тебя пре?..

Тут он наконец заметил, что халат старшей медсестры залит кровью, да и на лице ее, говоря поэтически, есть особый отпечаток.

– А что происходит? – испуганно повторил доктор.

– Раздевайся, Бардаков, – бросил бомж.

– Как это – раздевайся? – не понял доктор.

– Шустро, до труселей.

Байдаков хотел было возразить, но на него в упор смотрел ствол тульского «Токарева», из которого с двух метров по байдаковым еще никто не промахивался.

– Раздевайтесь, Вениамин Семенович, – ласково попросила Оля. – Мы отвернемся...

Дима Семин прибил к бригаде Вовы Колошматого около года назад. Сперва выколачивал с пацанами долги из мелких торгашей, выезжал с шарагой на «стрелки» – «жути нагнать». Но сегодня Вова впервые пристрочил его к серьезному делу – пока как водилу, а там... Дима хотел поучаствовать, но Вова рыкнул:

– Твое дело телячье: насрал – и в закут!

Что-то они подзадержались. Вдруг на ментов напоролись? Ага, выходит кто-то. Нет, это доктор, в халате. Покурить выскочил. Сигарету пинцетом зажал, в правой руке. Спросить у него, что ли? А че спрашивать? Типа – никто не стрелял, трупов не оставил?

Дима поднялся по ступеням. Да, точно доктор. На руке – резиновая перчатка.

– Добрый вечер, – поздоровался Дима и улыбнулся. – А что, разве курить не вредно?

– Нюхать вредно, – пояснил врач и ударил Диму скальпелем с левой руки в печень. Дима сполз на ступени и умер.

Доктор прислонил его к металлическим перилам. Казалось, Дима присел отдохнуть. Затем врач спустился и подошел к машине. В салоне горел свет. Злой доктор заглянул внутрь. На заднем сиденье лежало недвижимое тело Сереги Степцова, перемотанное скотчем. На месте водителя валялся томик карманного формата – «Три мушкетера».

– Хорошие книжки читал, – мрачно одобрил врач. – Жаль, не узнает, чем дело закончилось.

– Плохо закончилось, Степан Леонидович, – сообщил тихий голос за спиной. – Жизнь, она для всех плохо кончается.

– Ты что, по мою душу? – с легким напряжением в голосе спросил доктор Ничтенка, не оборачиваясь.

– По вашу душу архангел снизойдет, – заметил голос. – Но хотелось бы верить, что не сегодня. А то Николай Палыч с меня семь шкур сдерет.

– Так ты от Коли? – облегченно выдохнул Ничтенка и обернулся. Перед ним во мгле смутно обрисовалась крепкая спортивная фигура.

– Вы бы «пушку» убрали, Степан Леонидыч, – продолжая именовать Ничтенку неизвестным именем-отчеством, попросила фигура.

– Откуда мне знать, что тебя Коля прислал? – спросил бомж. – Может, ты из этих.

– Да бросьте...

– Значит, втроем меня брать приехали, волки тряпошные, – расстроился липовый доктор. – Такого даже настоящие менты себе не позволяли.

– Это они погорячились, – согласилась фигура. – Я бы на их месте БТР подогнал. И систему «Град».

– Привяжи метлу²⁶. Чем докажешь, что ты – от Тайги?

Незнакомец медленно поднял руку, держа двумя пальцами светлую тряпицу:

– Как говорил Конфуций, чем острее заточка, тем вернее дружба.

Сентенция явно не числилась за китайским мудрецом, но почему-то убедила бомжа.

– Давай сюда «марочку»²⁷, – потребовал он. – Не тебе писано.

Фигура разжала пальцы, и носовой платок спарашютировал на ладонь Ничтенки.

– На этой, что ли, поедем? – кивнул в сторону «дэу» старый зэк.

– Что вы... Там уже пригрелся пассажир. Не ваш знакомец, слушаем?

– Еще чего. Это опер, у него своя ария.

– Тогда прошу за мной. Карета неподалеку.

Закройных дел мастер

Тайга и бомж стояли друг против друга посреди гостиной с дорогой мебелью, мраморным камином и прочей пафосной требухой.

– А я тебя уже похоронить успел, – прорвал тишину Тайга.

– Поторопился, – отозвался гость.

– Тогда прошу на поляну, – пригласил Тайга.

Когда беглец, уже успевший по дороге скинуть болотный халат, последовал к накрытому журнальному столу, Тайга неожиданно шагнул к нему и крепко обнял.

– Живой, бродяга... Уже и вмазать успел.

²⁶ Привяжи метлу – умолкни.

²⁷ Марочка – носовой платок, который арестанты расписывают уголовными и иными сюжетами и обычно дарят друзьям-приятелям.

– Это мы со следаком, – похвалился Степа, бывший Санек. – На крест прикатил – меня раскручивать. Ну, я ему и натележил. А коньячок медсестры поднесли, у старшей день рождения.

– Что за следачок? – полюбопытствовал Тайга.

– Костанов, майор. Знаешь такого?

Легкая тень скользнула по лицу смотрящего.

– Как не знать... Этот если цапнет, то не мимо горла.

– Кого ты лечишь? Меня в «дурке» не смогли залечить...

– Тогда вздрогнем? Потом обскажешь.

– Мне бы, Коля, сейчас музы́чки²⁸, а то меня малость повело с коньячка французского.

– Тебе «чиф»²⁹ или как?

– Я свое отчифирил, просто «купчика»³⁰ понежнее.

– Смастырим.

Вскоре «купчик» подоспел, и беседа потекла.

– Вот, Алихан, корешок мой старинный, Степа Наумов, – представил друга Тайга. – С Ростова... Родаки наши вместе пахали на обувной фабрике имени товарища Микояна. А жили в Рабочем городке. Там мы с Закройщиком и закорешевали.

– С каким закройщиком? – не понял Алихан.

– Меня так называют, – уточнил Наумов. – Еще по детству.

– Вы что, тоже на фабрике пахали?

– Господь миловал. Насчет имени – меня чаще Наумом кличут. А закройщик... Ты «марочку» видел?

Князь вспомнил картинку на носовом платке, который передал Науму: два скрещенных странных черных ножика. И подпись: «Чем острее заточка, тем вернее дружба. Коляну от Степана». Значит, заточки? Но заточка обычно ребристая (типа шабера) или круглая, а эти – плоские и длинные, на одном конце – короткий срез – клинок.

– Закройные ножи, – пояснил Наум. – Родаки их таскали с фабрики. Вообще – то не нож, а полотно. Оно в специальную ручку вставляется и сбоку закрепляется винтиком. Клинок с лезвием – только на конце, так сподручнее работать – с нажимом. А какие острые! Мы, пацанва, эти ножички подтаскивали – без рукоятки, только полотно. Что резать, что метать – одно удовольствие. Родичи весь день на фабрике, а мы тренируемся – и так, и этак, и с разворота...

²⁸ Музы́ка – чай.

²⁹ Чиф – чифир.

³⁰ Купчик, купец, купеческий – крепко заваренный чай отличного качества.

– Степке равных не было, – признал Тайга. – Как-то он сеструнину куклу во двор вынес, у которой глаза открывались-закрывались. И метров с трех ей прямо в переносье засадил! Глазенки – брык внутрь...

– Случайно вышло, – поскромничал Закройщик. – Но с тех пор я только закройные ножи уважаю. Сегодня пришлось скальпель попробовать. Тоже удобно.

– Да, начудил ты, братка... Значит, хватка осталась.

– Что ты; ростовский удар уже не тот. Помнишь, как я исполнял? С разворотом, снизу – и в кендюх³¹! А сегодня одному дурню в бедро засадил. Может, от коньяка, может, в дурке обдолбали всяким дреком³².

– Чего тебя на подвиги фронтовые потянуло? – спросил Тайга. – Лучше бы в берлоге отлежался. Искали тебя тут несколько месяцев назад. Меня мурыжили, потом отвязались. Нынче по-новой налетят. Ты же теперь звезда экрана.

– Да я следаку фазана пустил³³, – успокоил Закройщик. – С недельку назад встретил в Заграйске Санька Ничкаева, он только что откинулся от хозяина. Я под него сухарнулся³⁴.

– Костанова на это не купишь. Небось уже за ниточку тянет. Того гляди нагрянет.

– Так мне что, свалить? – подозрительно уточнил Степан.

– Не бзди горохом. Успеешь при случае. Лучше поведай, каким ветром тебя в Паханск занесло и зачем ты тут бойню захороводил.

И Степа поведал.

Началось с того, что Закройщик освобожденный из сибирской зоны и отправился в родные края к сеструхе, несчастную куклу которой ослепил в глубоком детстве. Накупил подарков, а праздника не случилось. Прибыл Наумов на похороны: двух Степиных племянниц-погодков, 15-летнюю Соню и 16-летнюю Стеллу, нашли изнасилованными и убитыми на заброшенной стройке. Взяли местную гопоту³⁵, но до суда не дошло: родители подсуетились, улик не хватило, свидетели изменили показания – развалилось дело.

Степа обожал племяшек. Его переключило, все могло закончиться новым сроком. Сестрица от греха подалеже укрыла его в «дом хи-хи».

³¹ Кендюх – живот, брюхо.

³² Дрек – дерьмо (из немецк.).

³³ Фазан – ложь, деза; фазана пустить – сообщить ложную информацию.

³⁴ Сухарнуться – выдать себя за другого.

³⁵ Гопота, гопники – молодые хулиганы, туповатые уличные преступники.

Но там лекари всерьез принялись вправлять Науму мозги. Правда, не долечили из-за пожара. Сгорело три пациента да получила ожог второй степени отважная санитарка Дарья Ивановна, а Закройщик сбежал под сурдинку.

Вскоре в городе пыхнуло еще несколько аутодафе, жертвами стали те самые гопники, которые соскочили со срока. О добровольном уходе речи не шло: редко встретишь самоубийцу, который перед сожжением обрубаёт себе пальцы рук, а затем отрезает уши и член.

Наума объявили во всероссийский розыск. Городок, где жила Степина сестра, находился далеко от Паханска, но докопались до старинной дружбы Коляна и Степана. Однако Наумов к Ермишину не заглядывал, помуржили – и отвяли.

А Наум, помаявшись по притонам родимой страны, решил-таки вернуть свои раковки³⁶ в сторону паханского кореша. Нет, с финансами у опытного ширмача-писаки³⁷ проблем не наблюдалось. Справил он себе и липовый паспорт. И все же пару раз его чуть не хлопнули при проверке документов. Тут и вспомнил бродяга о приятеле.

Прибыв в Паханск, решил Степа повтыкать³⁸ на местном рынке. Здесь его и схватил за руку Толик Вышня, с которым Наум чалился на последней зоне. Толик освободился года за два до Степы и теперь обрадовался старому знакомцу. Хотя что у них общего? Наум считался пацаном³⁹ серьезным, а Вышня – сгоняй, подай, пшел на хрен, не мешай.

Степан делиться своими делами с Толиком не спешил. И правильно сделал. Зато Вышня затащил Закройщика на хату, которую снимал в гордом одиночестве, угостил от пуза и со старта стал хлестаться, как классно ему живется в мадаловской группировке.

– А я из дурдома сбежал, – сурово отрезал Степа, чтобы пригасить энтузиазм радушного хозяина.

– Гонишь?! И как ты туда загремел?

Степа не стал рассказывать о трагедии с племянницами. И это был очередной интуитивно правильный выбор. Наум пояснил, что объявлен в розыск за тройное убийство. Хотя на Степе висело четыре трупы, он предпочел не давить на собеседника былыми заслугами.

³⁶ Так когда-то назывались мужские сандалии.

³⁷ Карманный вор, который выуживает добычу, разрезая («расписывая») карманы или сумки жертв остро отточенным предметом – «пиской».

³⁸ Втыкать – совершать карманные кражи.

³⁹ Пацан – уважительная характеристика «достойного арестанта», независимо от возраста.

Толик возбудился. Он потирал руки, метался по комнате и твердил «это что надо». Что и кому надо, Вышня не объяснил, но заявил, что хочет познакомить Степана с «хорошими людьми», которые помогут «поднять кучу бабла». Хотя Степа держал Толика за пыль среди звезд, но на людей повелся. Так он оказался в центре интриги Тавро и Омарчика.

Жертвы вечерние

– О похищении девки речь зашла сходу, – заявил Степа Тайге. – Меня это напрягло: с чего вдруг весь расклад вываливать психу? Слишком серьезная делюга, а тут – душа нараспашку...

– Как у козла жопа, – завершил Тайга. – Кто с тобой базарил – Омарчик или Тавро?

– Не, какой-то молодой грузиняка с толстой харей...

– Бобрик, племянник Омаров, – предположил Алихан.

– Погоди, – остановил кореша Тайга. – Там что, никто не знал за нашу с тобой кентовку?

– Ну как же... Первым апсом⁴⁰ пробили: типа, ты не к Коле Тайге курсуешь⁴¹? Но Вышня, дотман⁴², мне еще раньше по пьяни ситуевину нарисовал. Я и шланганул⁴³. Хотя бы, говорю. Они мне – что, дружбана повидать? Я им: таких друзей за хрен да в музей...

– Ниче себе нижерасики! – вскинулся Коля. – Это с какого перепугу?!

– По-другому я бы от них живьем не выполз! У меня, гоню, до Коли свои предьявы. Сегодня он смотрящий, а завтра только нюхающий...

– Ты совсем вахту с баней попутал?! – Тайга даже вскочил с дивана.

– А че я должен был сказать? – спросил Закройщик. – Что пришел с тобой в десны коцаться? Ну, прокатил под злыдня. Дальше слушай.

А дальше «злыдню» посоветовали никому о разладе с Тайгой не распространяться. Приставили к нему Толика Вышню и какого-то Рамзана, которым было велено Наума без крайней надобности никуда не выпускать. Степе объяснили, что так безопаснее. А как дело завершат, он и с Тайгой поквитается, и с баблом сдрыснет на все четыре стороны.

⁴⁰ Первым апсом – первым делом (апс – круг в карточной игре стос).

⁴¹ Курсовать – направляться (в данном случае).

⁴² Дотман – дурень.

⁴³ Шлангануть, прикинуться шлангом – изобразить глуповатого простачка.

– Видать, ты им здорово дятла изобразил, раз они тебе такую залепуху повесили, – наконец одобрил Коля. – Ясно, что после первой делюги они бы тебя не выпустили. Один труп – это так, на растопку. Они целую поленницу готовили...

– И в оконцовке пошел бы Степан Леонидыч за «кабанчика»⁴⁴, – продолжил Алихан. – Он бы и девок кончал, и в девок кончал. Потом Тавро его завалил бы как «благородный мститель». И списал все на «двинутого» врага Николай Палыча. Или на друга. По обстоятельствам.

– Вестимо, – кивнул Закройщик. – А чтобы без сюрпризов с моей стороны, решили меня к похищениям не допускать, вывозить прямо на место для бойни. Но я опасался, как бы история с племяшками моими не всплыла. Тогда бы до этих псов дошло, кому они дело доверили. Порешили бы бродягу втихаря. Элементом⁴⁵ могли пробить. Но поленились. Так их, видать, порадовало, что я с Колей на разборки приехал, да жмуров на мне куча, да в розыске... Но все равно эти дни я на измене сидел.

– Предупредить не мог? – буркнул Тайга. – Все проще бы решили.

– Коля, меня же на поводу держали. А если по чесноку: у меня на этот счет были свои расклады. Перед глазами все время Сонечка и Стеллочка стояли...

Подвела заговорщиков беспечность. План захвата они выработывали тайно, без Наума. Но Вышня уже участвовал в подобных операциях, поэтому, придя домой, увлеченно обсуждал «неверные решения» начальства и пояснял Степе, как надо бы сделать «по уму».

Накануне операции было почему-то решено, что Наум, Вышня и Рамзан не будут ждать «бойцов» и похищенную девицу на месте расправы, а появятся в последний момент.

– До конца не доверяли, – предположил Степан Леонидович.

– А ты знал, что это – дочь Пушенко? – спросил Тайга.

– Сперва был в курсе только за балетную школу и когда папа дочку забирает. А утром Толик сказал, что на сегодня назначено. Пришлось торопиться. Повезло, что у Вышни из нутряка⁴⁶ фотку девахи выудил...

⁴⁴ Кабанчик (уголовный «новояз») – подставное лицо, исполнитель преступлений, которого затем убивают заказчики, обрубая все концы. Особо популярно в бизнесе, когда через «зиц-председателя» фирмы отмывают деньги и получают наличные, а затем его устраняют. Связано с гулаговским «корова» – арестант, которого брали с собою в побег, чтобы забить и съесть.

⁴⁵ Элементарно, просто.

⁴⁶ Нутряк – внутренний карман.

– Рисковый ты парень, – заметил Тайга. – А ежели бы Вышня щекотнулся⁴⁷? Или Рамзан?

– Они к тому времени уже дощекотались...

– Ну, Наум, скоро нас выдернут. Не мандражишь? – Толик довольно подошел к окну – глянуть на панораму. – Эх, хорошо в стране Советской жить...

– Не тебе, – отрезал Закройщик.

– Поч...

Завершить вопрос Вышня не успел. Тонкое лезвие вошло ему точно за ухо. Пейзаж за окном померк, Наум подхватил тело и прислонил его к батарее, затем быстро подошел к двери туалета. За нею побряхтывал Рамзан. Послышался шум воды в бачке. Дверь раскрылась, и Рамзан столкнулся с Наумом.

– Ты чего? – удивленно спросил Рамзан.

И тут же получил удар в пах, попятился, снова шлепнулся на унитаз. Нож Закройщика обрушился сверху в Рамзаново темя...

Степа прибыл к балетной школе минут за двадцать до часа «Ч». За девчушками разных годков уже подкатывали разнокалиберные «тачки» – от иномарок до «шестерок». Некоторые балеринки, сбившись в стайки, телепали пешком. Вышла и та, кого он пас: лет шестнадцати, тоненькая, немного на Стеллу похожа. Подождала, позвонила по телефону, повела плечиками – зябко... Сейчас зайдет в здание, будет папу ждать.

Но балеринка неожиданно направилась к остановке. «Работяга» пошаркал следом, с недопитой бутылкой «Балтики» присел на скамейку крытого павильона. На остановке их было трое: сам Наум под видом бомжа; девчушка, которую он сопровождал; женщина неизвестных лет и скандального вида. Звали ее Маруся Викторовна, о чем Наум узнал позже от следака. Марусе очень хотелось поговорить (лучше – поцапаться), но выбор оказался небогатым. Алкаш в углу исключался, одуванчик на тощих стебельках – жертва слишком убогая. Чего она тут забыла, лахудра с дорогой спортивной сумкой? Может, террористка. Или ждет, когда ее дорогое авто подхватит.

– Не страна, а... – Маруся Викторовна вздохнула, не найдя цензурного определения. – Вот для чего опять покрытие меняют? Третий раз уже! – Она ткнула пальцем в развороченные плитки, сваленные перед павильоном. – Сволочи, деньги народные отмывают...

⁴⁷ Щекотнулся – дернулся в момент кражи.

Здесь Марусина речь была прервана непотребным образом. Рядом с девчушкой в светлом плаще вдруг резко тормознул черный джип. Из салона вылетели два амбала, подхватили девицу под белые руки и швырнули на заднее сиденье джипа. Оттуда донесся полный ужаса крик, но прыгнувшие следом качки тут же его заглушили.

– Караул! – подхватила Маруся Викторовна. – Вы что делаете, бандюги? Отпустите девочку! Я ваш номер запомнила!

Последняя фраза была лишней. Рванувший было с места джип резко остановился. Маруся испуганно пискнула: «Ой!» И не зря: возможно, шумной Марусиной семье пришлось бы вскоре скидываться на скромную железную гробничку.

Но тут ситуация приобрела новый оборот. Алкаш-оборванец, не выпуская из левой руки пивную бутылку, правой клешней загреб лежавшую рядом плитку и со всей дури швырнул ее в лобовое стекло джипа – туда, где находился водитель. Стекло лопнуло и покрылось паутиной трещин. Сработали подушки безопасности. Вторая плитка полетела в стекло со стороны пассажира. Пока здоровяк справа от водителя выбирался наружу, Наум подскочил к распахнувшейся дверце и врезал ему в висок пивной бутылкой. Брызнуло бутылочное стекло, в руке босяка осталась «розочка» – горлышко вместо рукояти и торчащие из него острые осколки. Здоровяк обмяк.

На заднем ряду салона один из «бойцов» неудачно обо что-то треснулся и отключился. Но второй бугай с трудом вылез наружу. И тут же получил в горло «розочкой».

– Ты что, ссука, творишь?! – услышал бывалый сиделец за спиной и мгновенно развернулся. К нему спешил мощный водила с бейсбольной битой, которой намеревался раскроить череп оборзевшему животному.

Но животное то же самое решило сделать с бейсболистом. Когда водила широко размахнулся битой, чтобы сбить на хрен тыкву с бомжацких плеч, Степа швырнул бандиту в морду грудку мелочи, которую успел выудить из своего кармана. Ошеломленный водила опустил биту, получил удар ногой в промежность и присел на корточки. Бита выпала из его лап. Наум подобрал тяжелую гладкую дубину, примерился – и от всей щедрой души врезал качку по загривку.

Оставался поганец внутри салона. Закройщик приготовился расправиться и с ним, но не успел. Бродяга вдруг почувствовал в затылке болезненный укус, что-то вспыхнуло, погасло – и очнулся бывший зэк уже в мчавшейся карете «скорой помощи».

В боевой запарке Степа не обратил внимания на то, что бандитских машин было две. Правда, стального цвета «мерседес» проскочил мимо и остановился в паре сотен метров от места сражения, дожидаясь, когда его догонит черный сотоварищ. Но джип замешкался, мерседесовцы в количестве трех организмов издали разглядели нехорошую волью и мигом прилетели на помощь.

Бурят-старший выхватил стреляющий электрошокер и всадил в бомжа заряд. Затем к Буряту-старшему присоединился Бурят-младший, и они по-семейному бросились буцкать наглого бичару.

Но не зря губернатор Оселедцев долго выбивал у Москвы финансы под систему уличного видеонаблюдения «Безопасный город». Она сработала четко и оперативно. Ближайшие полицейские экипажи, получив сигнал, блокировали место преступления и положили мордами в асфальт всех, кроме верещавшей Маруси Викторовны.

Увы, этого Закройщик видеть уже не мог.

Два визита, три звоночка

Смотрящему доложили об очередном госте.

– Барыга прикатил, – сообщил Князь. – Это за его дочку Степан Леонидыч сегодня впрягся.

– Не след вам тут нюх в нюх тереться, – сказал Степе Тайга.

Князь с Наумом испарились, и в гостиную влетел Павел Петрович Пушенко – глава строительного концерна и депутат заксобрания.

– Здравствуйте, Николай Павлович! – с порога возопил он. – Что же такое творится!..

– Базло захлопни! – Кулак Тайги грохнул о журнальный столик. – Ты не в солдатском борделе! Вкурил? Можешь выдохнуть.

Костюм от «Армани» скукожился, щеки гостя впали, под глазами обозначились темные мешки.

– Другое дело, – одобрил Тайга. – Присаживайся, Павел Петрович. Пушенко покорно присел.

– В другой момент за такой выход тебя бы зарыли, – пояснил Тайга.

– Но мы ж не звери лютые. Иногда. Знаю, в каком ты беспамятстве.

– Николай Палыч, как же так? – щеки Пушенко студенисто задрожали. – Мы же на вас надеялись...

– А на кого вам еще надеяться? На ментов? Много они вам помогли?

– А вы? – сорвалось у Пушенко.

– Цыц! Ты кто такое, чтобы мне предьявы кидать?! А касаемо нашей темы... Карась уже на кукане. Рыбалкой не балуешь? Я тоже. Но на криок сажать умею!

– То есть виновных вы знаете? – В глазах коммерса вспыхнула радость лисицы у курятника. – Позвольте мне! Я лично хочу...

– Хотелка не отросла, народный мститель.

– Николай Павлович, умоляю... за дочь...

– За дочь, за Родину, за Сталина... Понимаю. Землю жрать не буду, но коли срастется, по твоему верному номеру имя негодяйское скажу. Но времени будет в обрез, охочие уже в очередь строятся. Да и сможешь ли? Тут чисто надо работнуть.

– Уж тут не сомневайтесь!

– Дай-то Бог. И поимей в виду – за тобой должок будет висеть. Я к тебе по-христиански, ты ко мне по-человечески.

– Да Николай Павлович! Да разве ж я...

На лестнице, ведущей на второй этаж, возник Алихан и возвел глаза под высь. Тайга кивнул.

– Час добрый, Павел Петрович, – попрощался он с Пушенко. – Жди.

Алихан спустился и протянул Тайге мобилу.

– И тебе не болеть, Сережа, – откликнулся смотрящий на пожелание из трубки. – И всему братскому кругу. Погодь маленько, все обскажу.

Он поднялся на второй этаж и закрылся вместе с Алиханом в одной из комнат. Обсуждение «по громкой» в «братском кругу» заняло полчаса и было прервано явлением нового персонажа. Смотрящему сообщили, что прикатил майор Костанов.

– Быстро докопались, – беспокожно отозвался из мобильника голос с кавказским акцентом. – Надо торопиться.

– Это да, – согласился Тайга. – Мусора расколют Мадала с его лютыми головастиками до самой жопы, пока мы тут вопросы открываем да закрываем.

– Так поспеши, дарагой! Вдруг кто-то из негодяев сдернет, потом играй с ними в жмурки-ловитки...

– Стало быть, даете «зеленую»?

– Тебе что, нужна письменная лицензия на промысел сохатых? – вклинился другой незримый собеседник. – Сказали же: команда «фас!».

Смотрящий с Князем спустился в бильярдную, где Наум гонял шары суровым кием, и кратко обрисовал гостю ситуацию.

– Я так мыслю, ты за этим майором не дюже тоскуешь, – предположил Тайга. – А он по тебе измаялся. Я говорил: этот бультерьер если цапнул, то не выпустит. Теперь тебе точно дергать надо.

– Не вопрос. А ты мне маякни насчет адресочка, где Тенгиз с Омаром вместе кушают.

– Тенгиз – не твоего помета птаха. А насчет омаров и бурятов подмогну по старой дружбе. Волены и прочий бутор тебе обеспечим.

– Оставь инвентарь своим бугаям. Мне бы с Каролиной Ивановной поручкаться...

– Нашел время! Какая Каролина Ивановна?!

– А то ты забыл! Я же просил тебя о ней позаботиться. Не уберег? – В голосе Степы прорезались скорбные нотки.

– Да в порядке твоя Каролина, – отмахнулся Тайга. – Носишься с нею, как дите малое...

Палыч провел Наума в свой кабинет, а через несколько минут передал старого «бродягу» Алихану, который вывел гостя тайным ходом за пределы усадьбы, где того подхватил на неброском «опеле» Битюг. Осетин вернулся в дом, размышляя, кто такая есть Каролина Павловна. Старая любовь, решил он.

А Тайга уже встречал следователя Костанова.

– Здравствуй, Константин Константинович, – приветствовал он следака. – Рад встрече.

Он говорил искренне. Когда-то Костанов оказал Тайге неоценимую услугу, хотя и сделал это по долгу службы. Но ведь мог и не делать... На стол молодому следователю районной прокуратуры легло дело о тройном убийстве, где фигурировал особо опасный рецидивист Николай Ермишин. Улики железные, оформляй – и в суд. Но Костя был въедливым и до отвращения порядочным. В оконцовке реальным убийцей оказался другой человек, причем родич «шишки» из облминистрации. Польшнул скандал, но следак довел все до конца. Правда, уже действовал мораторий на смертную казнь, но вряд ли «бессрочка»⁴⁸ на «Черном дельфине»⁴⁹ – большое утешение...

Короче, Тайга был у Костанова в долгу. Чисто по людским понятиям, в разумных пределах.

– Цель визита не объясняю, – сказал следователь. – Тем более уже и Пушенко к вам заезжал...

– Откуда знаешь?

– Земля слухом полнится. Если не секрет, что ему надо?

– Какие секреты? Просил найти и покарать.

– Личную помощь в покарании не предлагал?

– Что ты, Константин, – Ермишин изобразил на лице оскорбленную невинность. – Мы таких непотребств не допускаем.

⁴⁸ Бессрочка – пожизненное заключение.

⁴⁹ Известная колония для пожизненно осужденных.

- Второй вопрос: где Наумов?
- Это кто такое? – удивленно соврал Тайга.
- Николай Палыч, только без балета...
- Лады, – согласился Тайга. – Насчет Наума врать не буду... «Будешь», – подумал Костя.
- «Буду, конечно, – подумал Тайга. – А как без этого?»
- Степа здесь был, – признался он. – Но я к его геройствам отношения не имею. Ни на сáдке, ни на кресте.
- А откуда вы про бойню в ЦГБ знаете? – навострился Костанов. – Это нигде не проходило.
- Я, как Наума признал по ящику, людишек своих кинул на больничку. Ежу было ясно, что мадаловские ему не простят. Степа мне друг с мальства, а к вашей мусорской охранке у меня доверия нема.
- Вам и про мадаловских известно?
- Костя, я за городом смотрю! Мне много чего известно. Но не под протокол.
- Само собой.
- Мой человечек подкатил и подобрал Степу, когда тот ЦГБ уже зачистил. Наума ты по клепикам⁵⁰ выкупил⁵¹?
- Конечно. Бином Ньютона... А дальше все дороги к вам ведут. Так где Наумов?
- Мне его держать не резон. Помог чем мог, а дальше – мир широкий.
- Хотелось бы с людьми побеседовать, которые его сюда привезли.
- Какие люди? – изумился Тайга. – Кого вывозили?
- Проехали. Другой вопрос. Выходит, Николай Палыч, ты узнал о Наумове, только когда увидел его на экране?
- Точно так.
- Слабо верится. Друг ваш сердешный давно в бегах, нынче здесь засветился. Вывод: он скрывался тут и действовал по вашему заказу.
- Не глумись над старцем. Я до сего дня не ведал, что Степа в Паханске. А касаясь разборок: ты же в курсах, за что Наума в розыск объявили. Увидел случайно, как девчушку крадут, вспомнил племяшек, переключило...
- Я в такие случайности не верю. Наверняка он точно знал, где и когда произойдет похищение. Кто-то его навел.
- Но не я. Жизнью клянусь...

⁵⁰ Клепки – отпечатки пальцев.

⁵¹ Выкупить – разоблачить.

Майор понял, что смотрящий не врет.

– Ты в натуре думаешь, что мои люди так работают? – продолжил Тайга. – Чтобы я послал одного человека с бутылкой пива на танк... У нас так дела не делаются.

– Боюсь даже спрашивать, как они у вас делаются.

– Лучше мадаловских бойцов спроси. Вы же их на месте хлопнули.

– Мы и Мадала успели перехватить. Почти ушел, задержали за городом. Только он молчит. И с похитителями не все просто. Вот если бы ваш приятель бил аккуратнее...

– А Омарчик-малый и буряты косорылые?

– Выпустить пришлось.

– Как так? – удивился Тайга.

– Нет против них ничего конкретного. Подержать бы подольше, да адвокаты у них сильные.

– Бабло у них сильное, – зло отрубил Тайга. – Эх, Костя, и как ты в этой блядской своре уживаешься?

– У меня к вам тот же вопрос. До свидания, Николай Палыч. Надеюсь, до скорого.

– Это угроза?

– Это надежда...

Проводив Костанова, Тайга звякнул по сотовому:

– Каролина Ивановна? Добрый час, веселая минутка...

Затем набрал другой номер и бросил в трубку одно слово: «Тавро».

Наконец, выпил крепкого чаю и позвонил в третий раз:

– Здравствуй, Тенгиз. Какой тут сон... Я насчет нынешних событий. Вот именно, ты правильно понял. Подъезжай, надобно обтолковать. Нет, дело не терпит. Я со старшими братьями уже перетер, это их слово. Да, Омарчику с Бобриком маякни. Пусть тоже подтягиваются. Нет, мне их некогда вызванивать. Жду. С нетерпением.

На последнее слово Коля сделал особый нажим.

Долг платежом красен

Амирам Дзания, он же Омарчик Горийский, обреченно метался по квартире. Он и прежде попадал в непролазный блуд. Потерял воровское звание, но сохранил голову. А теперь понял: это – финал.

Кроме него в комнате находились Гурам Бобрик и Бурят-младший.

– Сволочь! – рыкнул Омарчик, резко тормознул и влепил племяннику затрещину. – Тварь!

Пухлый Гурам только хлопнул глазами. Голова даже не дернулась.

– Черт, руку отбил! – вскрикнул Омарчик и ругнулся.

Племянник получил очередную оплеуху и запричитал по-грузински. Амираму полегчало.

– Дергаем отсюда, – бросил он. – Тавро звонил, Тайга к себе вызывает. Тенгиз сказал, по голосу ясно – кранты.

– Поторопимся, – тревожно откликнулся Бурят. – Может, Тайга уже своих псов сюда выслал. Для верности.

Он связался с кем-то по сотовому:

– Чиж, что у тебя?

– Нормально. Спускайтесь, – ответила трубка.

Троица покинула квартиру. Они дождались грузового лифта и спустились на первый этаж. Двери лифта расползлись в стороны, и бегунцы узрели перед собой невысокого седого типа. Это был явно не Чиж. Фигура выбросила вперед обе руки. Из рукавов вылетели стремительные черны вороны и ударили в физиономии Омарчика и Бурята-младшего. Развенчаный вор и его охранник грохнулись на пол. Гурам-Бобрик распахнул губастый рот и замер. Черны вороны порхнули назад, в руки седого. Незнакомец ногой перекрыл обратный ход дверце лифта.

– Привет, кальмар омарович, – глухо произнес незнакомец. – Здоровья не желаю, оно тебе не понадобится.

Черны вороны снова выпорхнули из его рук...

Закончив работу, незнакомец седой направился к выходу, по пути перешагнув через труп Чижа.

Выйдя на улицу, седой в двух шагах перед собой узрел Бурята-старшего.

– Закройщик? – растерянно выдохнул Бурят.

– А ты кого ждал? – спросил седой.

Бурят потянулся рукой за спину.

– Не успеешь, – сказал Закройщик.

Но Бурят успел. Он выстрелил на миг раньше, чем Наум выпустил черного ворона. Пуля ужалила бродягу в правое плечо. От атаки из рукава Бурят тоже попытался уклониться: удар лишь по касательной задел его челюсть. Однако пистолет боец все же выронил и слегка присел, ухватившись за скулу. Тут же последовал удар сзади в висок от верзилы, который нежданно вынырнул из темноты.

Витя Битюг сделал контрольный тук ногой по бурятскому телу и с изумлением уставился на Закройщика. Наум стоял на ногах, но его руки свисали, как у Пьеро. Из рукавов тянулись две веревочки, привязанные на концах к черным гирькам, лежавшим на асфальте: так несмышленому мальчонке родители закрепляют на тесемочках рукавички.

– Чего стоишь? – цыкнул Наум. – Помоги...

Уже в «опеле», накручивая версты, Витя спросил:

– Это что такое было? Вот эти гирьки...

– Силен бурят, сучье рыло, – бурчал тем временем Наум, трогая перевязанную рану. – Как успел?

– Его в спецназе ГРУ натаскали, – пояснил Витя. – Фирма веников не вяжет, фирма делает гробы. Вы про гирьки расскажите.

– Гирьки – древние века... Ростовский кистень называется. В руке держишь, при нужде швыряешь. Метров до трех бивали... Промахнулся – за веревочку дерг, и снова в руке.

– Суровый народ в Ростове, – заметил Битюг. – У нас проще – пушка или перо.

– Баловство, конечно. Меня Сизарь покойный натаскал, я мальцом с ним бегал. Вроде как штамп ростовский. Привет от Каролины Ивановны.

– От кого?

– Кистень-то этот не в Ростове придуман. Сизаря папаша учил, а того – дед... Гирьки еще при царском режиме уркаганы носили. Называли Каролина Ивановна. Меня били-колотили в три кола, в четыре гири... – протянул Наум. – Пора бы на покой, на дно залечь. Да только нету в жизни моей ни дна, ни покрышки...

Начальник следственного отдела Советского района полковник юстиции Виталий Смирнов был доволен. В управлении отметили работу его подразделения и особо следователя Костанова. Именно он после попытки похищения Веры Пушенко вышел на квартиру с двумя трупами бойцов из группировки Мадала – Анатолия Вишневого и Рамзана Чигаева, а также помог расколоть самого Мавлана Мадалова. Тот держался крепко, пока за дело не взялся майор Костя.

– Мавлан, не томи мою хрупкую душу, – обратился Костя к Мадалову после того, как обломались следки из особой группы. – Потянешь все паровозом, а это – пожизненное...

– Чего – «паровозом»?! Вы докажите!

– Я по-узбекски объяснить не могу, языками не владею, – извинился следак. – А по-русски ты слабо понимаешь. Амирам с племяшом своим Бобриком уже ничего не скажут. Машину Тавро кто-то расстрелял на трассе. Ты один остаешься.

– Да я не при делах!

– А я о чем? Сдай тех, кто при делах.

– Тавро и Омарчик прижмурились, на них и вешайте.

– Нам доказательства нужны. Тела, места преступления, показания.

– Сами ищите.

– Боишься, узбэк... Тебе не нас бояться надо. Прикинь: на месте преступления задержали ребят из твоей группировки. Для обвинения больше ничего не требуется. Вопрос техники. Мы десяток твоих людей закрыли, они на тебя укажут, когда уголовка нажмет. А там умеют.

Мавлан невесело хмыкнул. Там умеют...

– Было, не было, пацаны тебя назовут. И пойдет по хатам воровской прогон... До суда не доживешь. Ты не нам, ты ИМ должен свою невинность доказывать.

Мадалов обреченно вздохнул:

– Твоя правда, начальник. Подставили меня эти козлы... Ну не знал я, клянусь!

– Не надо детсада, – поморщился Костя. – Не мог ты не знать. По крайней мере, догадывался.

– Догадывался. Но ведь это только говорят «мадаловские» то, «мадаловские» се... – Узбек скорбно вздохнул. – Имя мое, а рулили Тавро с Омарчиком. Девушек на улицах хватать – совсем дрянь. Пацаны, которых вы в джипе хлопнули, не на меня работали. Тенгиз и Амирам свою команду имели, отдельную. Часто моих ребят к себе брали. А пацанов на старое место тянет, ко мне: шу-шу, вась-вась⁵²... Так я краем узнал, что Бобрик сильно замарался. Потом менты стали таскать, я вижу, у ребят моих бывших лицо такое, знаешь... нехорошее. Не в себе. А они парни тертые. Но тут у них поломалось что-то внутри. Вот кое-кто по старой памяти...

– Рассказали, значит?

Мавлан напрягся. Лицо его потемнело.

– Наш базар пишется, – глухо выдавил он. – Ничего не скажу.

– Понял, – кивнул следователь.

Остальное узбек сказал в другом месте, где «базар не писался»: назвал двух ребят, у которых «что-то поломалось», припомнил, что они ему рассказывали. Этого оказалось достаточно, чтобы раскрутить клубок – с гарантией, что самого Мавлана к делу не пристегнут.

⁵² Вась-вась, вась-вась – доверительные, тесные отношения между людьми. От старого обращения воров друг к другу – «вась». Существует также поговорка – «где вась-вась, а где кусь-кусь».

– Одного не могу понять, – удивлялся Серега Степцов, сидючи с Костановым в кабинете патологоанатома Алика Сутрапьянца и приняв на грудь медицинского спирта. – Откуда ты выудил подробности насчет этого Наума? Как его Бобрик вербовал, убийство Вишни-Черешни... Вроде сам там присутствовал. Если не сказать – организовал.

– Голосую за последнюю версию, – вклинился Алик Сутрапьянец – самый трезвый из троицы.

– Дуборезу не наливать, – приказал Костанов.

– Это я вам наливаю! – возмутился дуборез.

– Не важно, – отмахнулся майор Костя. – А насчет моих способностей, Серега... Мы же не первый год в связке работаем.

– Потому и спрашиваю. Дурень дурнем, а тут развернулся, как гармонь на ярмарке.

– Отвечаю на грязные инсинуации. Я получил информацию из своих оперативных источников.

– Оперативные источники должны быть у оперов, а не у следаков! – огрызнулся Степцов.

– Вот это верно. Но у тебя же их нет! Работаю за двоих...

– А я знаю, – высказал версию Серега. – Тебе Наумов все в больнице рассказал. И ты его за это выпустил.

– Угадал, – признался Костя. – Я спецом оставил его под твоей охраной. Это все равно что двери настежь распахнуть.

– Я, между прочим, пострадал при исполнении, – возмутился Серега. – Колись!

Но колотья Костя не стал. Иначе ему бы пришлось рассказать, зачем он во второй раз, уже после убийства Омарчика с племяшом, возвратился в дом смотрящего и что рассказал ему Коля Тайга. Дословно не ведаем этого и мы. Знаем одно: долг платежом красен.

Куда исчез Закройщик, тоже неизвестно никому. Хотя... кое-кому да известно.

Как-то вечером Павел Петрович Пушкин зашел в комнату дочери.

– Это тебе, Вера, – он протянул девушке небольшую фотографию. – Рамочку подбери и храни, как икону.

Девушка взглянула на фото. Два паренька лет по двенадцать стояли в обнимку возле барака. На одном – кепка-восьмиклинка, на другом – тубетейка. У стены облезлая дворовая псина обнюхивала брошенную кем-то куклу.

– Кто это? – удивленно спросила Вера.

– Этот, – указал Павел Петрович на паренька в тубетейке, – Николай-Угодник. А другой – твой спаситель. Что на остановке...

Вера внимательно принялась разглядывать пацаненка.

– Старое... Довоенное?

– Нет, уже после. Когда точно, не знаю. Только прошу: никому ни слова... Ни намека. Ты понимаешь?

– Я же не маленькая. А что с ним сейчас?

– С ним все хорошо. Поверь мне.

Вера еще раз взгляделась в фотографию.

– Какие у него глаза добрые... – сказала она и улыбнулась.

– Что есть, то есть, – согласился отец. – Спокойной ночи.

2014

Вячеслав Долинин

Жизнь кружится вокруг тюрьмы

(Фрагменты воспоминаний)

Сокамерник

Пока сидишь под следствием, сокамерники меняются довольно часто. Однажды перед самым отбоем в мою камеру привели незнакомого мне немолодого зэка. Я помню только его фамилию – Петухов. Имя и отчество из памяти выпали.

Расспрашивать соседа по камере о его «деле» не принято, а сам он почти ничего не рассказывал. Говорил только, что арестован по обвинению в контрабанде – контрабандисты тогда составляли большинство заключенных Шпалерки. При этом Петухов, как и большинство зэков, утверждал, что ни в чем не виноват. Друг другу мы не доверяли и уклонялись от разговоров о настоящих причинах, по которым оказались за решеткой. О вещах же, не имевших отношения к этим причинам, рассуждали свободно.

Петухов любил итальянскую оперу, знал биографии многих известных певцов. Особенно его интересовали подробности погребения знаменитостей, и он охотно об этом говорил: «Знаете, как хоронили Джильи? Катафалк шел по улицам, усыпанным цветами».

К коммунистам Петухов относился враждебно и этого не скрывал. Впрочем, в тюрьме все становятся антикоммунистами и антисоветчиками и свои политические взгляды высказывают открыто. Даже бывший член Ленинградского обкома, сидевший на Шпалерной за взятки, проклинал КПСС и своих вчерашних товарищей: «Я на них всю жизнь вкалывал, а они, сволочи, так со мной поступили...»

Времени для разговоров в камере достаточно, и темы затрагивались самые разные. Петухов часто вспоминал свое детство и молодость. Он родился в Риге, в независимой Латвии. Появление советских войск в 1940-м его не напугало. Он даже сдружился с красноармейцами и по их просьбе покупал им выпивку и закуску. Но едва сложив-

шиеся приятельские отношения скоро прервались – по всей Латвии начались аресты. В тюрьме оказались и некоторые знакомые Петухова. Это были совершенно безобидные мирные люди – священники, юристы, лавочники. Новая власть проявила свою сущность. Когда на смену Красной армии в Ригу пришли гитлеровцы, мой сокамерник увидел в них освободителей от большевизма. Он поступил в разведшколу абвера. Раньше с абверовцами мне встречаться не приходилось, и естественно, было интересно его расспросить.

Пройдя спецподготовку в разведшколе, Петухов ловил советских парашютистов, которых забрасывали на оккупированную территорию. Он рассказывал:

– Пойманных парашютистов перевербовывали и отправляли назад в тыл Красной армии. Мы забрасывали на советскую сторону и своих парашютистов, подготовленных в нашей разведшколе, их там тоже ловили, тоже перевербовывали и засылали к нам. Некоторые по несколько раз переходили туда и обратно.

– Сколько же таких двойных агентов было?

– Много, всех не вспомнить...

– Крутые, однако, повороты в человеческих судьбах. Какие остро сюжетные приключенческие фильмы можно было бы снять об этом... Но наши киностудии выпускают на экраны только выдуманные истории про неуловимых штирлицев.

– Не надо смотреть советские фильмы про войну.

– Так нам их здесь, в камере, и не показывают.

– Не жалеете об этом. В жизни все не так, как в кино.

Летом 1944-го Петухов оказался в Германии. По его словам, среди немцев ходили слухи о гибели Гитлера во время покушения Штауффенберга. Открыто об этом говорить боялись. По слухам, место диктатора занял его двойник. Известно, что двойники у фюрера были. Много лет спустя Сергей Анатольевич Зезин, эмигрант первой волны, работавший в 1940-х на студии мультфильмов в Берлине, рассказывал мне о попеременных визитах на студию Гитлера, любителя мультипликации, и его двойника. Зезин говорил, что оригинал отличался от копии тем, что слегка приволакивал ногу (последствие ранения в Первую мировую).

По мнению Петухова, вождям рейха было выгодно скрыть гибель фюрера. На него они хотели возложить ответственность за продолжение безнадежной войны и совершенные нацистским режимом преступления, поэтому тайно захоронили труп Гитлера, а свидетелей его гибели расстреляли. Петухов был уверен, что во дворе Имперской

канцелярии в Берлине в мае 1945-го нашли останки двойника. По отпечаткам пальцев личность покойника установить было невозможно – труп сильно обгорел. Я припомнил, что где-то прочел об опознании трупа диктатора по снимкам зубов, сохранившимся в кабинете его стоматолога. Петухов не считал это доказательством: «Откуда известно, что на снимках зубы именно Гитлера, а не двойника?»

Моего сокамерника арестовали в 1945-м в Латвии и осудили по 58-й статье УК. «Следствие закончилось быстро, били не сильно, – рассказывал Петухов, – потом дали срок и целый месяц везли на Север».

Он попал в угольные шахты Воркуты. О лагерной жизни Петухов вспоминал даже с удовольствием. В то время заключенных стали лучше кормить – необходимо было повысить производительность труда, поскольку страна нуждалась в угле. Потом энкам начали платить деньги, и в лагерях появились коммерческие столовые, где за отдельную плату можно было поесть не хуже, чем на «воле». Заключенные колхозники в коммерческие столовые не ходили – все заработанные деньги они отправляли в деревни своим бедствующим семьям.

С юмором рассказывал он, как получил 15 суток карцера за то, что в присутствии начальника оперчасти вместо общеупотребительного названия НКВД – «энкавэдэ» – ехидным тоном произнес уничижительное «енкеведе».

Однако годы, проведенные на зоне, не проходят бесследно. Мне запомнились слова Петухова: «Я вернулся домой через десять лет, сразу после “аденаэровской” амнистии. За это время так сильно изменился, что мать смогла узнать меня только по особенной родинке на шее».

В середине 1950-х освобождались многие. Сокамерник рассказал характерный для той поры анекдот:

«Встретились двое:

- Похоже, мы с вами где-то виделись?
- Действительно, ваше лицо мне знакомо...
- Вроде на конференции в Свердловске?
- Нет, точно не там.
- Может, в санатории в Сочи?
- Нет, я обычно отдыхаю в Анапе.
- Тогда на симпозиуме в Алма-Ате?
- Нет, кажется, в другом месте...
- А, вспомнил! В Красной Пресне, на пересылке».

Примерно через месяц Петухова перевели в другую камеру. Больше наши пути не пересекались, и о его дальнейшей судьбе мне ничего не известно.

Незадолго до того, как нас рассадили, зашел разговор о судах и приговорах. Мне суд только еще предстоял. Я спросил у Петухова, как проходил судебный процесс над ним в 1945-м. Он хмыкнул, вытряхнул из пачки сигарету и сказал:

– Никакого процесса не было. Меня выдернули из камеры в какой-то кабинет, где за столом под портретом Сталина сидели несколько человек, и без всяких предисловий объявили приговор: 25 лет лагерей.

– После вынесения такого приговора, наверное, были в трауре, думали, что жизнь кончилась?

– Да что вы! Наоборот – готов был от радости прыгать до потолка.

– Не вижу повода для радости.

– Все просто. В то время таких, как я, ждали всего два варианта – либо 25 лет, либо расстрел. Боялся расстрела, а тут узнал, что буду жить. Был просто счастлив...

Как не понять моего сокамерника? Приговор оставил ему надежду на лучик солнца, на глоток воздуха. Он был счастлив – в сравнении с пулей в затылок 25 лет лагерной каторги казались подарком судьбы.

А ведь и в самом деле – много ли надо для счастья?

2012

Потапов

В июне 1986-го меня этапировали из лагеря в ссылку. Дорога заняла больше недели. На Пермской пересылке ко мне в камеру посадили бомжа. Он был в потертом ватнике, надетом на голое тело, и резиновых сапогах.

Прежде мне уже приходилось встречаться с бомжами. Я работал тогда в тресте «Лифтремонтаж». На чердаках размещались машинные отделения лифтов, и мне вместе с бригадой электромехаников нужно было проводить там ремонтные работы. На этих же чердаках обитали питерские бомжи. Они приносили туда с помойки старые диваны и матрасы и обустраивали себе жилье около труб с горячей водой. Иногда между нами, ремонтниками, и бомжами завязывались разговоры. Бомжи жаловались на свою жизнь, но у нас ничего не просили. Один из них изложил нам свое жизненное кредо: «Мне ни от кого ничего не нужно, и пусть никому от меня тоже ничего не будет нужно».

Фамилия моего нового соседа была Потапов. Его перевели из камеры для подсудимых в мою пересыльную перед тем, как отправить в суд. Потапова обвиняли по статье 209 УК («Систематическое

занятие бродяжничеством и попрошайничеством»). Следователь пообещал ему год лагеря общего режима.

Раньше Потапов жил в Перми, работал на заводе фрезеровщиком, без отрыва от производства женился и запил. Когда совсем спился, его направили на принудительное «лечение» в ЛТП (лечебно-трудовой профилакторий). Это заведение мало отличалось от обычной лагерной зоны, а тамошние методы борьбы с пьянством редко кому помогали. «Лечили» Потапова три года. За это время жена оформила с ним развод и выписала его из квартиры. Потапов остался без жилья. При освобождении из ЛТП ему дали направление на работу в совхоз, однако там его не ждали и жильем не обеспечили. Он попытался устроиться по своей специальности на какой-нибудь завод в Перми, но в заводские общежития попасть не смог. «Туда прописывают только до 45 лет, а мне 49», – пояснил Потапов.

Он был худ и жалок. Я предложил ему селедку и буханку хлеба – это была моя этапная пайка. Селедку он тут же съел целиком вместе с головой и хвостом. Хлеб положил в сумку. Сказал: «Отдам мужикам в камере».

После выхода из ЛТП в поисках жилья и работы Потапов скитался по всей Пермской области – перебирался из Лысьвы в Кын, из Кына в Тюлькино и дальше. Он перечислил названия многих городов и поселков области, в которых побывал. Эти же названия мне уже приходилось слышать от пермских «бытовиков», вместе с которыми я сначала ехал в «столыпине» от станции Всехсвятская до Перми, а потом сидел в «собачнике» до перевода в отдельную камеру. Оттуда, из этих Лысьв и Кынов, забирали моих попутчиков. Некоторые из них знали друг друга или имели общих знакомых. Они обменивались новостями. Их диалоги смешивались в общем монотонном гуле:

«– Череп!

– Чего тебе?

– Ваську, соседа твоего, давно не видел?

– Так он уже по новой сидит, в Ныробе.

– Есть кто из Тюлькино? Костя, ты? Когда тебя успели загрести?

– Недавно, месяц назад, шьют 142-ю.

– Что там у нас делается? Как Серый?

– Освободился с “химии”, пьет. С Валькой развелся.

– Привет, Вован! Давно не виделись!

– Не здесь хотелось бы встретиться...

– Ничего, наша деревня Чердынь нас не забудет.

– Не знаешь, Петька Лысый откинулся?

– Еще в сентябре. По направлению от ментов пашет подсобником на стройке в Саранах. Старший сынок его пошел по малолетке, а младший дурью мается – начал ширяться наркотой».

Сколько странных названий – Лысьва, Кын, Сараны, Ныроб. Что они обозначают? Что за ними скрыто? В каждом из этих Кынов наверняка тихо течет или бурно фонтанирует своя самодостаточная жизнь, которая мне неизвестна и непонятна. Чем она насыщена? Какая энергия и какая воля ею движет? Раньше какой-нибудь далекий Кын виделся мне разве что точкой на географической карте. Впрочем, и вся наша планета Земля, если смотреть на нее издалека, например, с Марса, тоже покажется не более чем точкой на карте неба.

В своей прошлой жизни я не уезжал из Петербурга надолго, и этот город был для меня центром мироздания. Я легко мог понять, зачем кто-то едет из глухомани в Москву или Питер, но не представлял, для чего из какой-нибудь Лысьвы можно отправиться, например, в Кын. Но почему все дороги обязательно должны вести в Рим? Не случайно же появились дороги, связывающие глубинные местности между собой. Кого-то чем-то притягивает именно Кын, и волнует то, что неизвестно и непонятно мне. Издалека, из многочисленных Кынов, и моя жизнь кажется такой же неизвестной и непонятной, как и мне жизнь в этих городах. Эта глубинная жизнь наполняет Кын, Лысьву и многие другие, похожие и непохожие, рассыпанные по всей Пермской области скопища трущоб, бараков и панельных пятиэтажек. Годами она катилась параллельно с моей, но до последнего времени, до встречи на этапе, никак с ней не пересекалась. Благодаря своим попутчикам и сокамерникам я соприкоснулся лишь с одной из не самых светлых ее сторон.

После многих неудачных попыток найти жилье и работу Потапов семь месяцев бомжевал – жил на чердаках и в подвалах в Перми. В конце концов его арестовали, впереди были суд, приговор и лагерь.

Через несколько часов нас вызвали из камеры и затолкали в «автозак». Потапова высадили у здания суда, а меня повезли в аэропорт. Только в самолете, когда было объявлено, что мы вылетаем рейсом Пермь-Сыктывкар, я узнал, что ближайшие годы мне предстоит провести на Севере. До того конвой скрывал от меня место моей будущей ссылки.

С Потаповым я больше не встречался. Как сложилась его судьба после лагеря? Где он сейчас? Жив ли? Или от него, как от многих умерших на чердаках и в подвалах бомжей, осталась только табличка на могиле, на которой вместо имени написано «Неизвестный»? Такие мо-

гилы я встречал на Ковалевском кладбище под Петербургом. Но не хочется думать о плохом. Могло же ему повезти – не исключено, что Потапов все-таки нашел себе спокойное место в «вольной» жизни. Я был бы рад за него. А может быть, снова от безнадежности он подался в бомжи? Может быть, снова неустроенность гонит его в разболтанном автобусе, трясущемся по разбитой дороге из какой-нибудь Лысьвы в какой-нибудь Кын, из одной неизвестной жизни в другую.

2012

«Вновь я посетил...»

Четверть века не ночевал я в камере, но за это время не успел соскучиться по жестким лежанкам. Однако камера неохотно отпускает своих сидельцев и даже через много лет пытается вернуть их обратно.

По 31-м числам во многих городах России проводились акции в защиту 31-й статьи Конституции. В этот день я всегда приходил на Дворцовую площадь. Думаю, что это место подходит для подобных акций больше, чем крохотная площадка у Гостиного двора. На площади я нацеплял значок с цифрой 31, иногда брал в руки плакаты с той же цифрой и вступал в пререкания с омовскими офицерами. За все время подобных акций вплоть до 2011-го меня ни разу не задерживали.

31 мая 2011 года в 19:00 я, как обычно, со стороны Миллионной подходил к Дворцовой площади. Около Зимнего дворца уже собралось человек 40–50. В центре стоял Иосиф Скаковский из «Солидарности». В руках он держал мегафон и читал стихи Мандельштама: «Мы живем, под собою не чуя страны...» Только я направился к митингующим, как из автобуса выскочила толпа омовцев. Они взяли в кольцо меня и еще нескольких первых попавшихся. Я не успел даже нацепить значок с цифрой 31. Двое омовцев вцепились в меня и потащили к милиционерскому автобусу. Я предъявил им удостоверение журналиста «Посева», но они на это не отреагировали. Всех нас, попавших в окружение, препроводили в автобус. Всего задержали десять человек. Больше омовцы никого, в том числе организаторов акции, не тронули – видимо, план по задержаниям был выполнен.

Сначала нас отвезли в 79-е отделение милиции на Гагаринскую. Вскоре там появились правозащитники Габуня, Евдокимова, Полякова и Шнитке. Они передали нам в автобус воду. Мест в камерах 79-го отделения на всех не хватило, и пять человек, в том числе и меня, отправили в 76-е отделение на Мытнинскую. Там на нас принялись составлять протоколы об административных правонарушениях. Это

было весьма трудоемким делом. Молодая ментовка, занимавшаяся оформлением бумаг, недовольно бубнила: «Ненавижу тридцать первое...» Похоже, заниматься подобной работой по 31-м числам ей уже приходилось.

Всем задержанным были предъявлены одинаковые обвинения по двум статьям Административного кодекса: ст. 19. 3, ч. 1 и ст. 20. 2, ч. 2. («участие в несанкционированном митинге» и «неподчинение законным требованиям милиции»). В выданной мне копии протокола сказано: «31.05.2011 года в 19:10 часов минут на Дворцовой площади г. Санкт-Петербурга был задержан гр. Долинин В.Э., который добровольно находился в массе граждан, организовавших и проводивших в указанном месте несогласованный митинг для публичного выражения своего мнения по поводу актуальных проблем общественно-политического характера, а именно: защита конституционного права на свободу собраний, митингов и демонстраций, шествий и пикетирований. При этом гр. Долинин В.Э., как и другие участники массового мероприятия, скандировал лозунги: Свободу демонстраций, защитим 31 ст. Конституции». На самом деле никто никаких лозунгов не скандировал, в стихах Мандельштама 31-я статья Конституции также не упоминалась. По всей вероятности, какой-то «мыслитель» готовил документы заранее. Бланки протоколов, одинаковые для всех задержанных, были отпечатаны на принтере и размножены на ксероксе. От руки в протоколы вписывались только фамилии «правонарушителей» и тексты лозунгов.

Любопытно, что первоначальный вариант составленного на меня протокола пришлось забраковать, так как в нем неверно указали мой адрес. Этот адрес был взят из милицейской базы данных. В действительности уже за восемь лет до того я был зарегистрирован совсем в другом месте, но за эти годы никто не потрудился внести в базу данных коррективы. Как они ищут настоящих преступников при таком бардаке в информационной системе?

Пока шло оформление протоколов, в отделение привели наркомана. Это был молодой человек, находившийся в явно неадекватном состоянии. На наркоманском сленге таких называют «обдолбанными». Пойманный говорил, что «наркотики не употреблял, вернее, употреблял, но давно, а когда именно – забыл».

После оформления протоколов нас заперли в камере. Металлические предметы, часы, мобильные телефоны, ремни и шнурки при этом изымались. Свои часы, скрытые под рукавом рубашки, я не отдал и пронес в камеру. Вместе со мной заключение разделили Чарушев из

«Солидарности» и Юрьевский, знакомый мне по «Мемориалу». Стены камеры были украшены надписями арестантов, побывавшими в этом помещении до нас. Одна из них, нацарапанная карандашом, меня особенно умилила. На стене было написано: «Менты – козлы и пидарасы». Точно такие же надписи 25 лет назад встречались мне на Пермской пересылке. На душе стало теплее.

Ночью в отделение милиции время от времени приводили то бомжей, то гастарбайтеров, но их не задерживали надолго и в камеры не сажали. Это была очень пестрая публика разной степени оборванности. Когда-то на подобных персонажей посмотрелся Максим Горький и так вдохновился, что написал пьесу «На дне».

Только на следующий день, 1 июня, нас отвезли в мировой суд (участок № 199 на Невском, 84–86). Было уже 16 часов. Я потребовал присутствия адвоката, и судебное заседание отложили на неделю.

Для репрессивных органов успешным завершением и оправданием спецоперации по пресечению «незаконной» акции должен стать обвинительный приговор суда. Чтобы показать бесполезность и бессмысленность этой спецоперации, мне нужно было выиграть дело в суде. Я не отрицал, что имел намерение участвовать в демонстрации, но де-факто не успел этого сделать, а неосуществленное намерение не является основанием для обвинения. К тому же я собирался написать репортаж о событиях 31-го мая для журнала «Посев» и, следовательно, имел статус журналиста. Соответствующее удостоверение было при мне.

Кроме меня на первых двух заседаниях опрашивались свидетели. Со стороны обвинения это были сотрудники милиции, которые составили на меня рапорты. Один из них честно признался, что 31 мая находился не на Дворцовой площади, а у Гостиного двора. Рапорт он написал в отделение милиции по распоряжению начальства. Другой на Дворцовой площади был, но ничего толком вспомнить не смог. Свидетели защиты, Георг Габриелян из НТС и Скаковский, заявили, что я был задержан в тот момент, когда только подошел к группе демонстрантов и в акции на Дворцовой не успел принять участие. Все свидетели дали правдивые показания.

6 июля состоялось третье, и последнее, судебное заседание. Оно продолжалось примерно две минуты. Судья объявила, что «дело» прекращено в связи с отсутствием в моих действиях состава административного правонарушения. Постановление суда, однако, я получил только 26 июля. Задержка была вызвана тем, что мое «дело» затребовала прокуратура. Зачем ей это понадобилось, мне не сказали. На-

сколько я знаю, ничего подобного с другими демонстрантами, которых судили одновременно со мной, не происходило. Возможно, интерес прокуратуры связан с бумажкой из ОСК (оперативно-справочной картотеки) МВД, приложенной к «делу». В этой бумажке говорилось о моей прошлой судимости по ст. 70 УК РСФСР, но не указывалось, что я реабилитирован. Видимо, и через 24 года после освобождения, и через 19 лет после реабилитации я все еще находился «под колпаком» у постсоветских «правоохранительных» органов.

Но времена меняются, и за сотрудничество с «Посевом» уже не сажают в лагерь строгого режима. Сегодня такое сотрудничество не тянет даже на административное правонарушение. Все-таки наша страна не стоит на месте – за четверть века она шагнула далеко вперед. Или куда-то в сторону...

2011

Александр Август

Два рассказа

СИЗО и дурдом

Кто из эзков не знает, что такое «крест» на тюрьме? Это покой, тишина, больничный режим и жратва цивильная. Здоровье слегка подправишь. Не то что в прокуренной хате... Там даже кровать на кровать похожа, а не на нары. Опять же – «гараж» в проходе на двоих – хоть сигареты в него сгрузишь. Все не под подушкой.

Переkontakтаться на больничке многие хотели бы, хотя все знают: хорошо там, где нас нет...

Но и попасть туда совсем не просто – здоровых, как известно, на крест не берут. Там и больных особо не жалуют – настучишься в тюремную дверь, прежде чем заметят и оставят.

Оттого среди эзков шепотом про мастырки рассказывают и обучают друг друга, как врача тюремного нахлобучить – благо докторов тоже время от времени сажают. Есть кому учить.

Но искусство это не простое, и тюремный врач тоже не лох. Он о коллегах-сидельцах знает: от них вся мастырская зараза!

Лепилу с тюремного креста ничем не удивишь: этот причину болезни будет искать тщательно. Он словно не симптомы ищет, а «дело» о симуляции монтирует – точь-в-точь как другие коллеги в ментовской форме. И пациента он осматривает совсем не так, как участковый терапевт из городской поликлиники. Он все видит!

Другое дело – «дурной врач». С ним все же попроще – он хоть жалобы слушает, не перебивая. Сочувствует и кивает. А если сочувствует, то настоящий арестант всегда договориться сможет.

Конечно, «беса гнать» лучше заранее... Когда тюрьмой еще и не пахнет. Пришел в дурдом, пожаловался – эти с удовольствием кого угодно полечат... Им дураки всегда к месту: чем их больше, тем работа

их заметнее – ВЫЯВИЛИ! А как в клетку посадили – только скажи, что на дурной киче парился – сразу на Серпы отправят.

Но после жизни арестанской свободы хочется...

К тому же каждый ээк, откидываясь, про себя думает – это был последний раз. Больше не сяду!

Но «последний раз» не у всех получается...

Тихон думает, меряя хату шагами: три метра туда, три обратно.

Вот пока чалишься, мысли хорошие в башку приходят: откинься, библиотеку посетишь и почитаешь там что-нибудь умное, о дураках написанное.

А как откинешься – снова за старое: стакан, кенты и новое дело. И так с малолетки. А уж когда закроют, там не до умных книг. Да и где их тут достанешь?

Однако это только так говорят: дурное дело не хитрое. Сказать, понятно, легче, чем сделать.

Тихон чешет небритую харю, мысль гоняет.

А если там ничего не обломится и снова вернут к хозяину, то тоже беда не велика: одно дело на нарах парится, совсем другое – на больничке зависнуть. Пока там экспертиза, пока то да се... А срок идет.

Но походишь, подумаешь: что Борменталю говорить и рассказывать? Это не хирург – его мастырккой не заинтересуешь и не удивишь. Было такое: просто из уважения за мужество лепила на «кресте» оставил. Но там знания долго копились, а тут что?

Ну, положим, можно и без книг как-то обойтись и что-то узнать. Вон у молодых пораспрашивать: среди них каждый третий на игле сидел. А где игла – там дурдом и доктор.

Тихон приглядывается к молодым – кому из них тайну свою доверить можно? Наркоманы... Эти за марафет маму родную продадут. Опер им шприц из-под стола покажет – весь расклад будет...

О времена, о нравы... Не то что при старом законе. Лет двадцать тому назад даже масти такой не было! И откуда появились-то? Как из-под земли...

Однако справки навести все же надо...

– А что, Витек, – начинает он базар издали с молодым. – Давай-ка мы это дело перекурим.

Витек не против перекурить на халяву, но напрягается – чтой-то вдруг с батей? Не кенты вроде бы...

– Ширнуться бы сейчас чем-нибудь полезным, – втягивает Тихон молодого в разговор. – Или травки курнуть... А?

Но молодой тоже не совсем молодой, и гнилой базар ему не нравится. Тихон видит это и излагает свою проблему постепенно и внятно. Витек чешет затылок и советует:

– Ты, батя, с хитрыми докторами осторожней. В их контору только вход, а выхода у них нет. Залечат! Знаешь, что это такое?

Витек пускается в длинные и нудные базары о нейролептиках и прочих вредных колесах. Между делом рассказывает и о хороших. Вдыхает, вспоминая дурдомовское изобилие.

Тихон кивает, но слушает не очень внимательно – за шесть ходок о дурдоме приходилось слышать всякое. Плохое чаще от молодых да нетёртых, из тех, кто СИЗО тюрьмой называют. Они по жизни ничего хуже дурдома и СИЗО не видели. А что такое СИЗО? СИЗО – тюрьма следственная... Залётных там почти нет: все местные, всех греют... Чего не жить-то?

Настоящая тюрьма – это где-нибудь пересылка за Уралом. В этапку входишь, а в углу куча фуфаек от вшей шевелится. Как муравейник...

Жизнь на лесной командировке они даже представить не могут: жрать нечего, мороз под тридцать и работа в лесу вечно мокро-моро-фане.

Хотя и в СИЗО механизмов воздействия хватает. Вон браслеты затянут чуть потуже, чем нужно, в «стакан» посадят, да забудут про тебя – мало не покажется... А то – уколы!

Дурдом – это почти райский угол: тепло, светло, не голодный... Вечерами беседы умные с лепилкой ведешь. Почти свобода!

Тихон качает головой, однако слушает этот бред, не перебивая.

– Да чего делать-то? – наконец спрашивает он у «специалиста». – Чего говорить-то?

– Ну... ты это... – Витек морщит узкий лоб и размахивает руками, помогая своей голове. – Скажи им там: газы менты сверху пускают... Мол, травануть, суки, задумали. Будет тебе бред отравления!

...Информацию о газах решено было сообщить через заявление к хозяину и в прокуратуру: мол, меры примите! Преступление готовят под прикрытием тюрьмы и Закона!»

Хозяин почитал этот бред, плюнул, да и передал челобитную в санчасть. А санчасть приняла меры. Как и планировалось.

– Ни хрена себе... вы-ы-лечили! – удивленно ахнула хата, когда тень Тихона через три недели впихнули на прежнее место.

Самоубийца

Сколько людям не рассказывают о произволе в психиатрии, «что попасть в дурдом – проще простого», а не верят. И уж коль попал ты туда – значит, быть тебе и на психучёте. А с этим клеймом человек будет мучиться всю оставшуюся жизнь...

Обычного гражданина рассказами этими не пронять. Иной себе на уме: «Это все антипсихатрия понапридумала!»

Другой просто головой качает: да как же это так – нормального человека и вдруг в сумасшедший дом поместили? Да быть такого не может!

И в глубине души каждый про себя тихо думает: меня-то каким боком это касается? Спорь об этом не спорь, а все ж люди в психушке больные... Что там они порассказывают!

И уж если поместили в дурдом кого-то, значит, не совсем он нормальный!

А я сифилисом не заболею, триппером тоже...

Пока здоровый к «дохтору» на заметку не попадает.

...Дело было перед Новым годом. Зарплату привезли прямо на объект в последний рабочий день старого года. Привезли вместе с авансом. Хотя аванс-то давным-давно уже прошел. Но все тянули до последнего:

– Сегодня не ждите. Завтра...

А завтра всегда завтра. Но вот наконец дождались.

Зарплату же вперед выдали из тактических соображений: если ее выдать в положенное время – работы еще несколько дней после праздников не будет. Там Старый Новый год подходит... Как же, его тоже встретить надо! А тот, что совсем уже старый, – проводить еще раз. Заодно и «подлечиться». А какая работа во время «лечения»?

А тут закрыли накладные, сразу всё и привезли – пусть хоть всё пропразднуют!

Ну, может быть, раньше выданная зарплата последний рабочий час испортит... Но ведь час, не неделю...

Деньги выдали, и настроение было уже праздничное. И началась беготня по магазинам.

Однако процесс был пока еще управляемым. Но нужно было торопиться.

Петрович, мастер, носился по объекту, пытаясь предотвратить последствия незапланированной зарплаты. Он даже не ругался – ну, чего там, час до конца работы остался. Лишь бы выпроводить всех похорошему, да не забыть кого-нибудь спящего!

Помогали ему в этом два деда-сторожа. Один становился на входе и считал выходящих из подъезда. Второй проверял по этажам.

Первой шла бытовка женщин-маляров. Но они были самые дисциплинированные и совсем не пьющие. Они ушли домой сами.

Петрович неся уже наверх и уговаривал плотников:

– Мужики, давайте на посошок и по домам! Вас уже там ждут!

Мужики шевелились, галдели и предлагали Петровичу выпить «за компанию»:

– Ну хоть немного! За уходящий...

Не всегда получалось отказаться: обидится народ. Тогда устанешь их выгонять. Лучше пригубить чуть-чуть.

Однако бригад было много и чуть-чуть пригубить тоже не всегда удавалось.

К концу полицейской операции Петрович сам с трудом держался на ногах. Даже два деда начали сомневаться, что он сам найдет дорогу домой. А тут он еще и заснул у них в сторожке.

– Слушай, – предложил один, – может, ему такси вызвать?

– Какое, на хрен, такси перед Новым годом? – засомневался другой. – Такси теперь не дозвонишься. Либо ему всю зарплату придется отдать. Пусть уж лучше тут до утра спит.

В это время Петрович проснулся и заторопился домой.

Сторожа особо и не уговаривали – Новый год все-таки лучше встретить дома, чем в бытовке со сторожами.

Для начала все же попытались вызвать такси. Но, как и предполагали, не смогли даже дозвониться: занято, занято, занято... А на общественный транспорт в такое время полагаться не приходилось: то ли придет, то ли нет.

– Ладно, – махнул рукой Петрович. – Мне тут недалеко, я вон пу-стырем и через переезд.

Попрошались. Трезвея на ходу, проскочил пустырь и вышел к железке. Матюгнулся: прямо по курсу стоял состав. Да такой длинный, что в сумерках даже не понять было, с какой стороны обходить его лучше.

Вагоны, словно Китайская стена, перегородили дорогу домой. Если эту стену обходить – значит, километр туда да километр обратно. Как раз до Нового года хватит... Петрович забрался на подножку и попытался через верх преодолеть эту преграду, но у него ничего не получилось. Он спрыгнул и попробовал сделать это в другом месте.

За спиной у него кто-то начал свистеть и кричать. Он обернулся. Орала стрелочница у будки.

Она что-то кричала ему, размахивала руками и крутила пальцем у виска, но ветер был в ее сторону, потому он не смог ничего не разобрать.

Петрович матюгнулся, махнул на нее рукой и полез под вагон – не обходить же из-за этой дуры состав. В этот момент вагоны щелкнули сцепками и состав тронулся.

Он пришел в себя и открыл глаза. Собственно, он даже не терял сознания – оно словно выключилось в самый страшный момент.

Гудели сирены – кто-то уже успел брякнуть в «скорую». Мигали ментовские мигалки. Эти явились выяснить – не осталось ли виноватых в живых?

Петрович лежал в стороне от насыпи голый до пояса. Зимнюю куртку и одежду с него сорвало. Лишь рукава от нее были целы. Зимняя одежда, видимо, его и спасла.

– Шок... – сказал кто-то. – В рубашке родился, ссадинами и синяками отделался. А его, говорят, метров пятьдесят за вагонами тащило...

«Скорая» приводила Петровича в чувство. Сзади столпились железнодорожники, переговариваясь между собой. Подошли менты. Петрович дыхнул на них перегаром.

– Да пьяный он... лыка не вяжет, – определил старший из них.

– Как всё произошло-то? Как его сбило? – начали выяснять они ситуацию.

– Да не сбило его! – орала как зарезанная стрелочница. – Сам он на рельсы лег! Я ему кричала: «Ты что делаешь? Жить надоело? Сейчас состав тронется!» А он мне: «И хер с ним, пусть трогается» – и вниз на рельсы полез!

– Железнодорожный суицид... – кивнул головой врач. – Новый год начался... Сейчас они пойдут один за одним...

– Куда его теперь?

– Куда? В дурдом... А мы не отвезем, он в себя придет и снова на рельсы ляжет.

...Как ни старался Петрович доказать докторам в психушке, что не было у него намерений погибнуть под колесами поезда, никто не хотел его слушать. Лишь жена поверила, что это был не суицид, а обыкновенный несчастный случай. Но она ничего не решала.

Выписали Петровича из психушки только после майских праздников под поручительство жены, обязав его «регулярно посещать диспансер».

Сколько веревочке ни виться...

В начале июня Мосгорсуд до 31 июля оставил под арестом бывшего главу ФСИН России А. Реймера, обвиняемого в хищении трех миллиардов рублей при закупке электронных браслетов. Таким образом, суд отклонил жалобу его адвокатов, которые просили освободить экс-главу ФСИН из-под стражи. Защита просила избрать меру пресечения в виде залога или домашнего ареста, опасаясь, что в условиях СИЗО он может серьезно заболеть, ведь уже за два месяца в заключении состояние его здоровья ухудшилось. Однако диагноз защита называть не стала. «Даже визуально видно, как мой подзащитный похудел, как у него ухудшается состояние здоровья», – отметила адвокат Татьяна Ножкина. По ее словам, следователь не разрешил посещение гражданского врача в СИЗО. Ранее суд арестовал в качестве обеспечительной меры имущество и счета Реймера на 15 миллионов рублей. Также под арестом находятся трое предполагаемых соучастников Реймера: его бывший заместитель Н. Криволапов, директор ФГУП «Центр информационно-технического обеспечения и связи» ФСИН В. Определенов и предприниматель Н. Мартынов¹.

Для справки: «Электронные браслеты» применяются для надзора и контроля за осужденными к наказанию в виде ограничения свободы, а также в отношении подследственных, помещенных под домашний арест. Их начали применять с января 2010 года в отношении осужденных к ограничению свободы. За первые три года через них «прошли» около 30 тысяч человек. Из них лишь 800 не выдержали наложенных на них судом ограничений и отправились в исправительные колонии. С 2013 года браслеты стали применять и для помещенных

¹ РИА «Новости». 09.06.2015.

под домашний арест. В минувшем году по всей России одновременно использовалось уже более 15 тысяч браслетов. Добавим, что в ФСИН не исключают в дальнейшем применения «электронных браслетов» в самих исправительных колониях для контроля заключенных, склонных к побегу².

Главное – безопасность!

Территориальные органы ФСИН России получили более 90 базовых комплектов интегрированных систем безопасности, с помощью которых ведомство надеется снизить риск нападений заключенных на сотрудников тюрем. Всего их установлено 147. По данным ФСИН, в 2014 году число нападений на сотрудников ИУ увеличилось на 8% и составило 187 случаев. Общий же уровень преступности в местах лишения свободы в РФ снизился на 7%, а число побегов – более чем на 13%. Было задержано 165 осужденных, находившихся в розыске за побег или уклонение от наказания³.

Внесенный в мае в Госдуму правительственный законопроект регламентирует порядок применения сотрудниками уголовно-исполнительной системы физической силы, спецсредств и огнестрельного оружия. Если его примут, сотрудникам ФСИН разрешат применять боевые приемы борьбы, если несиловые способы не действуют при пресечении преступлений и нарушений режима содержания, конвоировании и задержании осужденного или заключенного. Кроме того, будет разрешено использование специальных палок, газовых, световых и акустических средств, электрошоковых и светошоковых устройств, служебных собак, «средств сковывания движения», водометов и бронемашин. Таким образом, законопроект исключит действующую сегодня норму о том, что использование водометов и бронемашин возможно только по указанию начальника или заместителя начальника пенитенциарного учреждения с последующим уведомлением прокуратуры. В документе также прописаны основания применения огнестрельного оружия. Его разрешат использовать для защиты от насилия, при освобождении заложников, захваченных зданий, для задержания осужденного и лица, заключенного под стражу, оказывающих вооруженное сопротивление, а также для пресечения побега. Сотруднику ФСИН запрещается применять спецсредства и оружие в отношении женщин «с видимыми признаками беременности», лиц «с

² <http://www.rg.ru/2015/02/13/fsin-site.html>

³ РИА «Новости». 05.06.2015.

явными признаками инвалидности» и несовершеннолетних, когда их возраст «очевиден или известен» (кроме случаев вооруженного группового нападения). Не допускается нанесение человеку ударов спецпалкой по голове, шее, ключичной области, животу, половым органам и в область проекции сердца. Предусматривается, что сотрудники исполнительных учреждений освобождаются от ответственности за вред, причиненный осужденным при применении физической силы, спецсредств или огнестрельного оружия, если это произошло на законных основаниях⁴.

Воздух свободы

В начале июня с просьбой об условно-досрочном освобождении (УДО) обратился пожизненно осужденный экс-милиционер П. Стаховцев, приговор которому был вынесен еще в 1991 году. В случае отказа он станет первым из пожизненно осужденных, кто обратится в Конституционный суд, требуя признать дискриминационными нормы Уголовно-исполнительного кодекса, ограничивающие их право на УДО. Адвокаты господина Стаховцева планируют объединить его жалобу с жалобами других пожизненно осужденных, просивших о досрочном освобождении, – таких кроме Стаховцева уже двое. А скоро станет гораздо больше: в 2013–2014 годах для осужденных, которые когда-то первыми получили пожизненное, истек предусмотренный законом 25-летний срок, после которого появляется право на прошение о замене пожизненного заключения.

Согласно п. 5 ст. 79 Уголовного кодекса (УК) РФ, осужденный на пожизненное заключение может быть освобожден условно-досрочно, если он **отбыл не менее 25 лет лишения свободы и не нарушал порядок отбывания наказания три последних года**.

В июне 2014 года депутаты от «Единой России» внесли в Госдуму проект поправок к УК РФ, запрещающий пожизненно осужденным ходатайствовать об УДО (пока не рассмотрен). В пояснительной записке сообщалось, что **в 1993–1999 годах смертная казнь была заменена пожизненным сроком для 837 осужденных** (казни не проводились с сентября 1996 года, но смертные приговоры выносились до 1999 года). Согласно документу, в 2014–2016 годах **право на УДО должно появиться у 185 пожизненно осужденных, а до 2028 года – у 1298 человек**.

⁴ <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28Spravka%29?OpenAgent&RN=802242-6>

По данным ФСИН на 1 мая 2015 года, **в шести исправительных колониях пожизненные сроки отбывают 1914 человек.** По статистике судебного департамента при Верховном суде РФ, **в 1997–2014 годах к пожизненному заключению были приговорены 1286 человек**⁵.

За последние пять лет в России существенно сократилось количество арестантов, отпущенных по УДО. В 2014 году на 170 тысяч соответствующих ходатайств пришлось 54 тысячи положительных решений, то есть 41% от общего числа. В 2010 году добивались желаемого 57% просителей. С тех пор эта цифра год за годом снижалась, что настораживает правозащитников. Одним из самых распространенных поводов для отказа в УДО является наличие ранее совершенных и давно снятых взысканий за незначительные нарушения режима. В таких случаях судьи ссылаются на требование закона о необходимости «анализа поведения осужденного за весь период отбывания наказания». Такая формулировка была введена Верховным судом России еще в 2009 году⁶.

Воровство процветает

В конце мая консалтинговая компания «Thomson Reuters» опубликовала результаты опроса об основных вызовах и угрозах, с которыми сталкиваются бизнесмены в России, а также об изменениях, происходящих в политике компаний по предотвращению финансовых преступлений. В опросе приняли участие 50 топ-менеджеров крупнейших российских и международных компаний. Как оказалось, 82% опрошенных представителей компаний обеспокоены проблемой мошенничества, 74% – взяточничеством и коррупцией, а 66% – проблемой отмывания денег. В то же время 60% респондентов обеспокоены манипулированием рынком.

Борьба со взяточничеством и коррупцией является самой распространенной инициативой по противодействию финансовым преступлениям, она действует в 76% опрошенных компаний, далее следуют меры по противодействию отмыванию денег и финансированию терроризма (74%) и борьба с манипулированием рынка (54%).

Говоря о вызовах в ближайшие 1–2 года, представители компаний выделили необходимость формирования корпоративной культуры и личной ответственности среди рядовых сотрудников (64%), необходи-

⁵ Коммерсант. 05.06.2015.

⁶ <https://www.ridus.ru/news/187577>

мость формирования ответственности у менеджеров среднего звена (42%) и необходимость грубо-командного отношения к подчиненным (38%). Согласно опросу больше всего средств компании инвестируют в обучение сотрудников (58%) и процессы комплаенс (внутреннего аудита) (52%), далее с небольшим отрывом следуют инвестиции в технологии (42%), навыки сотрудников (40%) и в сбор информации по законодательному регулированию (26%)⁷.

Содержательная сделка

В начале июня группа депутатов во главе с председателем конституционного комитета Госдумы В. Плигиным внесла в парламент законопроект, расширяющий рамки «сделки со следствием». Так, ст. 221 и 317 УПК РФ предлагается дополнить нормами, согласно которым прокурор сможет выносить постановление, отражающее не только содействие обвиняемого в раскрытии своего преступления и изобличении соучастников, но и содействие «следствию в раскрытии и расследовании иных преступлений, не связанных с деянием, за которое обвиняемый привлекается к уголовной ответственности».

Для справки. По данным Судебного департамента при Верховном суде России, за 6 месяцев 2014 года перед судьями по всей стране предстали более 2 тысяч человек, заключивших «сделку». Из них более 1800 человек были осуждены, дела остальных прекращены. По сравнению с аналогичным периодом прошлого года число граждан, подписавших договор со следствием, выросло почти вдвое⁸.

У заключившего сделку появится и больше ответственности: законопроект расширяет полномочия прокуратуры при расторжении сделки со следствием в случаях, когда обвиняемый отказывается от данных после соглашения о сотрудничестве показаний или нарушает другие условия сделки. Чтобы суд учел «сделку», гособвинитель должен будет в ходе судебного заседания подтвердить содействие подсудимого следствию, а также разъяснить, в чем именно оно заключалось.

Депутатская инициатива дает возможность не выделять из уголовного дела в отдельное производство материалы в отношении подозреваемого или обвиняемого, заключившего соглашение о сотрудничестве, а рассматривать их в одном процессе вместе с остальными фигурантами. Депутаты считают, что единое уголовное дело для всех подсудимых, в том числе пошедших на сделку с правосудием,

⁷ <http://www.vestifinance.ru/articles/57826>

⁸ <http://www.rg.ru/printable/2014/11/25/sdelka.html>

должно стать правилом. Иначе могут возникать противоречия между доказательствами и итогами процесса по упрощенной процедуре над заключившим сделку и полноценного состязательного процесса над его сообщниками⁹.

Отметим, что соглашение о признании вины действует в США, Англии, Индии, Италии, Франции, Эстонии, Израиле и Грузии. Согласно процедуре сделки обвиняемого и защитника с обвинителем, в обмен на признание обвиняемым своей вины в менее тяжком преступлении обвинитель отказывается от тщательного исследования обстоятельств дела и от поддержания обвинения в более тяжком преступлении. В июне 2009 года в Уголовный кодекс РФ и УПК РФ были внесены изменения, предусматривающие введение нового института «досудебных соглашений о сотрудничестве». При заключении досудебного соглашения о сотрудничестве стороны обвинения и защиты согласовывают условия ответственности подозреваемого или обвиняемого в зависимости от его действий после возбуждения дела или предъявления обвинения. В случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве при наличии явки с повинной, активного способствования расследованию преступлений, изобличению соучастников преступления срок или размер назначенного наказания не могут превышать половины максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного УК.

Понятия вне закона

В Европейский суд по правам человека поступила жалоба от россиянина, осужденного на 8 лет колонии строгого режима. Он предъявил иск к России ввиду процветания в местах заключения так называемой жизни «по понятиям», когда людей делят на касты и создают тем, кто находится внизу, невыносимые условия. Из жалобы заключенного следует, что на июнь 2011 года в колонии отбывали сроки наказания 900 заключенных. Из них 32 человека были «опущенными» («обиженными»). Находящиеся в низших кастах вынуждены заниматься уборкой туалетов, спать на плохих местах, им запрещается прикасаться к вещам и еде других заключенных, они не могут хранить свои продукты в холодильнике и разогреть себе пищу. Также считается, что они вынуждены оказывать сексуальные услуги другим заключенным. За отказ следовать «воровским» традициям их избивают, насилуют или даже убивают. От клейма «опущенного» невозможно избавиться.

Даже если заключенного переводят в другую колонию, он обязан раскрыть свой статус или его ждет наказание.

Жалоба принята к рассмотрению, при этом уже в российские властные органы поступил запрос от суда о бесчеловечном обращении с этим заключенным и о работе по искоренению системы «понятий» в исправительных учреждениях. В ЕСПЧ отметили, что с подобными проблемами сталкиваются и заключенные в других постсоветских государствах (упоминаются Молдавия и Латвия). В частности, в тюрьме Екабпилса «опущенных» принуждали к проституции, причем платой за секс становилась чашка чая или сигареты. А одного «неприкасаемого» заключенные забили насмерть: мужчина умер от потери крови и внутреннего кровоизлияния¹⁰.

Непредвиденный рост

В январе–мае 2015 года в России было зарегистрировано 944,1 тыс. преступлений, или на 2,7% больше, чем за аналогичный период прошлого года. Рост регистрируемых преступлений отмечен в 53 субъектах РФ, снижение – в 30. Значительная часть (42,5%) преступлений регистрируется в республиканских, краевых и областных центрах – всего 393 тыс., пятая часть (21%) – в сельской местности, где зарегистрировано 193,8 тыс. преступлений. Удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений в общей структуре преступности сократился с 25,2% до 24,4%.

В результате преступных посягательств погибло 13,9 тыс. человек, здоровью 20,8 тыс. человек причинен тяжкий вред. На сельскую местность приходится 39,4% погибших (5,5 тыс. чел.), на города и поселки, не являющиеся центрами субъектов Федерации, – 35,5% лиц, здоровью которых причинен тяжкий вред (7,4 тыс. чел.). Ущерб от преступлений (по оконченным и приостановленным уголовным делам) составил 133,02 млрд руб., что на 4,5% больше аналогичного показателя прошлого года. Причем более половины ущерба (58,7%) приходится на преступления, зарегистрированные в центрах субъектов РФ.

Почти половину всех зарегистрированных преступлений (43,4%) составляют хищения чужого имущества, совершенные путем кражи, грабежа и разбоя. Каждая четвертая кража (25,9%), каждый двадцать первый грабеж (4,7%), и каждое тринадцатое разбойное нападение (7,6%) были сопряжены с незаконным проникновением в жилище, помещение или иное хранилище.

¹⁰ http://www.bbc.com/russian/rolling_news/2015/06/150601_rn_echr_russia_jail

В результате деятельности правоохранительных органов было выявлено 438,8 тыс. лиц, совершивших преступления (+3,5%), удельный вес лиц без постоянного источника дохода вырос с 65,9 до 66,3%, а удельный вес ранее судимых лиц, наоборот, уменьшился с 31,3 до 29,5%.

Каждое второе (53,7%) расследованное преступление совершено лицами, ранее совершавшими преступления, почти каждое третье (30,6%) – в состоянии алкогольного опьянения, каждое двадцать первое (4,8%) – несовершеннолетними или при их соучастии.

Организованными группами и преступными сообществами совершено 6,1 тыс. тяжких и особо тяжких преступлений, а их удельный вес в общем числе расследованных преступлений этих категорий уменьшился с 5,6 до 5,4%.

Иностранцами гражданами и лицами без гражданства было совершено 20,1 тыс. преступлений (+3,1%), в том числе гражданами государств – участников СНГ – 17,5 тыс. преступлений (+3,8%), а их удельный вес составил 86,8%.

*Составил А.Н. Сухаренко,
директор Центра изучения новых вызовов и угроз
национальной безопасности РФ (Владивосток)*

ФОНД “В ЗАЩИТУ ПРАВ ЗАКЛЮЧЕННЫХ”

Контакты:

тел./факс: +7 (495) 974-75-46

www.zashita-zk.org

e-mail: info@zashita-zk.org

Положение в местах заключения, акции протеста, хроника нарушений в местах заключения (июнь 2015 года)

Татарстан

3 июня 2015 года

СК завел 20 уголовных дел в отношении 7 сотрудников УФСИН.

Следственными органами Следственного комитета Российской Федерации продолжается расследование уголовного дела, возбужденного в отношении ряда бывших и действующих сотрудников УФСИН России по Республике Татарстан, а также осужденных, содержащихся в колонии ИК-10. В настоящее время предъявлено обвинение 6 сотрудникам УФСИН РФ по РТ.

Кроме того, остальные фигуранты, в зависимости от роли каждого, подозреваются в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 291 УК РФ (дача взятки должностному лицу лично либо через посредника), ч. 5 ст. 33, п. «а» ч. 5 ст. 290 УК РФ (получение взятки должностным лицом), п.п. «а», «б» ч. 3 ст. 291.1 УК РФ (посредничество во взяточничестве организованной группой в крупном размере).

По версии следствия, с января 2013 по июль 2014 года в городе Менделеевске сотрудники ФКУ ИК-10 получали взятки, а осужденные, содержащиеся в данном учреждении, выступали в роли посредников либо передавали сотрудникам денежные средства за получение заключенными положительных характеристик, поощрений и длительных свиданий. Передача денег осуществлялась при помощи сотовых теле-

фонов и банковских карточек. В результате сотрудники колонии получили денежные средства на сумму более 3 млн рублей.

Всего возбуждено 20 уголовных дел по 96 преступлениям в отношении 21 злоумышленника, из них 7 сотрудников УФСИН РФ по РТ.

Судом по ходатайству следователя в отношении 6 сотрудников УФСИН РФ по РТ избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, в отношении одного – домашний арест.

ЯНАО

5 июня 2015 года

Лабытнангский *следственный отдел СУ СКР по ЯНАО возбудил уголовное дело об избиениях в местной колонии «Белый медведь»*. Как сообщили Znak.com в пресс-службе ямальского управления СКР, дело возбуждено по признакам преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ (Превышение должностных полномочий с применением насилия).

Установлено, что в мае этого года сотрудник УФСИН по ЯНАО в помещении банно-прачечного комбината ИК-8 совершил действия, явно выходящие за пределы его полномочий. По информации СКР, работник колонии избивал заключенных руками и ногами, нанося им удары по лицу и туловищу.

В настоящее время проводятся необходимые следственные действия, направленные на полное и всестороннее установление обстоятельств происшедшего.

Башкирия

8 июня 2015 года

Заключенные лечебной исправительной колонии №19 в башкирском Салавате устроили бунт, сообщает РИА Новости.

«Более 20 осужденных сидят на крыше здания отряда с лозунгами "Остановите беспредел". Бастующие требуют освободить лидера группы отрицательно настроенных осужденных, который находится в отряде со строгими условиями содержания. В акции неповиновения участвуют несколько десятков осужденных, их количество пока неизвестно, потому что они забаррикадировались в отряде», – сообщила пресс-служба башкирского ФСИН.

По данным ФСИН, пострадавших нет. Сейчас с участниками акции ведут переговоры: их просят спуститься с крыши и открыть дверь.

В ЛИУ-19 лечат заболевших туберкулезом осужденных. Сейчас здесь находятся более 400 человек. ЛИУ-19 примыкает к колонии строгого режима ИК-2, где в начале мая проходили беспорядки.

Самара

9 июня 2015 года

Вынесен приговор бывшему начальнику курса учебно-строєвого подразделения «Самарский юридический институт» ФСИН России Максиму Филиппову. Он признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159 УК РФ (мошенничество с причинением значительного ущерба гражданину). «Следствием и судом установлено, что в конце декабря 2013 года Филиппов, путем обмана и злоупотребления доверием курсантов 1 курса юридического факультета, под предлогом оказания материальной помощи малолетнему ребенку, которому поставлен диагноз, требующий дорогостоящего лечения, получил от курсантов денежные средства в размере 423 тысяч 900 рублей, – сообщает СУ СКР по Самарской области. – Из них родителям ребенка было передано лишь 123 тысячи рублей, как благотворительная помощь на обследование и лечение. 200 тысяч рублей Филиппов поместил в сейф своего служебного кабинета для дальнейшего направления на благоустройство института, а 100 тысяч 900 рублей злоумышленник похитил и потратил на личные нужды».

Приговором федерального суда Кинельского района Самарской области Филиппову назначено наказание в виде 2 лет лишения свободы условно, с испытательным сроком на 1,5 года.

Башкирия

9 июня 2015 года

Верховный суд республики утвердил **приговор бывшему начальнику отряда башкирской ИК-3** 26-летнему Булату Гумерову, ранее приговоренному к штрафу в размере 340 тысяч рублей за получение взятки, сообщает пресс-служба прокуратуры.

По данным следствия, в августе 2013 года Гумеров пообещал заключенному, отбывавшему наказание за убийство и неоднократно помещавшемуся в ШИЗО, составить на него положительную характеристику для условно-досрочного освобождения. За эту услугу сотрудник исправительного учреждения потребовал взятку в виде наручных часов Hugo Boss стоимостью около 17 тысяч рублей.

Гумеров получил часы от приятеля осужденного, однако был задержан с поличным. Калининский районный суд Уфы приговорил его к штрафу в размере 340 тысяч рублей. Верховный суд республики счел вину бывшего сотрудника колонии доказанной и оставил приговор без изменения.

Волгоградская область

15 июня 2015 года

В изоляторе временного содержания отдела МВД России по Городищенскому району Волгоградской области 13 июня был **обнаружен труп покончившего самоубийством через повешение арестованного** 36-летнего местного жителя, сообщает пресс-служба областного управления МВД.

При очередном осмотре помещений изолятора гражданин, содержащийся в камере один, был обнаружен сотрудниками полиции повешенным на обрывке одеяла. В ходе осмотра камеры изъяты три предсмертные записки.

Мужчина был задержан по подозрению в совершении преступления против половой неприкосновенности, и ему была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу.

По данному факту назначено проведение служебной проверки.

Новгородская область

16 июня 2015 года

Следственными органами Следственного комитета Российской Федерации по Новгородской области возбуждено уголовное дело в отношении начальника колонии ФКУ ИК-7 УФСИН России по Новгородской области. Он подозревается в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 286 УК РФ (превышение должностных полномочий).

По версии следствия, подозреваемый незаконно потребовал от супруги осужденного к лишению свободы и отбывающего наказание в ФКУ ИК-7 УФСИН России по Новгородской области оказать благотворительную помощь на нужды колонии в размере 100 000 рублей, пообещав женщине взамен незаконное длительное свидание с мужем.

В настоящее время проводятся следственные действия, направленные на получение и закрепление доказательственной базы. Расследование уголовного дела продолжается.

Тульская область

17 июня 2015 года

Осужденный, отбывающий наказание за убийство в исправительной колонии в городе Донской Тульской области, **упал с металлической вышки для освещения производственной зоны и находится в реанимации**. Первоначально сообщалось о попытке суицида, но следователи выяснили, что 28-летний заключенный работал в аварийной бригаде и забрался на вышку, чтобы починить освещение.

Как передает «Интерфакс» со ссылкой на старшего помощника главы СУ СКР по Тульской области Зинаиду Каминскую, следователи проводят проверку по факту получения осужденным травм. Рассматриваются различные версии произошедшего, в том числе версия нарушения правил охраны труда при проведении аварийных работ. Версия о суициде, по данным представителя следствия, подтверждения не нашла.

Сам 28-летний пострадавший находится в реанимации. Известно, что мужчина отбывает наказание с 2007 года, а освободиться должен в 2012 году — он осужден за особо тяжкие преступления, в том числе убийство, к 20 годам 10 месяцам лишения свободы. В колонии он работал в аварийной бригаде.

Омская область

19 июня 2015 года

В Омской области **вынесен приговор работнику ИК, для которого один из осужденных собрал 250 000 руб. за покровительство и 300 000 руб. за условно-досрочное освобождение, сразу после которого обратился в полицию**, сообщает пресс-служба прокуратуры региона.

Октябрьский районный суд г. Омска вынес приговор по уголовному делу в отношении бывшего начальника отряда отдела по воспитательной работе с осужденными ИК-12 37-летнего Сергея Триля. Он признан виновным в совершении двух преступлений, предусмотренных пп. «б, в» ч. 5 ст. 290 УК РФ (вымогательство должностным лицом взятки в крупном размере).

В суде установлено, что с октября 2012 года по апрель 2013 года Триль ежемесячно получал от 30 до 100 тысяч рублей от осужденного. Заденжное вознаграждение Триль оказывал заключенному покровительство.

Всего за указанный период он получил через посредников (супругу и друга осужденного) в качестве взятки 250 тысяч рублей.

Кроме того, в феврале 2013 года Триль потребовал от заключенного взятку в размере 300 тысяч рублей за оказание содействия в условно-досрочном освобождении. Осужденный, освободившись условно-досрочно из мест лишения свободы, обратился в правоохранительные органы с заявлением. После организации проверки по факту вымогательства взятки Триль был уволен из органов.

Октябрьский районный суд г. Омска приговорил Триля к 7 годам 6 месяцам лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима, а также обязал выплатить штраф в размере 1,5 млн руб. Кроме того, суд лишил его права в течение 2 лет 6 месяцев занимать должности на государственной службе.

Воронеж

19 июня 2015 года

Следователи завершили расследование уголовного дела в отношении бывшего 31-летнего *сотрудника УФСИН, который обвиняется в получении взятки* (п. «в» ч. 5 ст. 290 УК). Об этом в пятницу сообщает пресс-служба регионального управления СК.

Следствием установлено, что в январе 2015 года жительница г. Воронежа прибыла к сотруднику УФСИН в здание, расположенное по ул. 3-го Интернационала г. Воронежа, по требованию последнего. В ходе разговора сотрудник УФСИН пообещал ей снять взыскание с ее сына, отбывающего наказание в колонии, подготовить положительную характеристику и направить необходимые документы на комиссию по определению степени исправления осужденного, за это он потребовал с женщины денежные средства в размере 180 000 рублей. 6 февраля 2015 года сотрудник позвонил матери осужденного и потребовал, чтобы она перевела указанную сумму на его банковскую карту, номер которой он прислал ей на мобильный телефон в смс-сообщении. 18 февраля 2015 года женщина совершила перевод денежных средств в сумме 80 000 рублей на счет банковской карты сотрудника ФСИН в качестве предоплаты за подготовку обещанных документов. Впоследствии подозреваемый оформил документы, обещанные заявительнице, и его преступная деятельность была пресечена сотрудниками регионального СК и оперативными работниками полиции.

Следствием собрана достаточная доказательственная база, в связи с чем утверждено обвинительное заключение и уголовное дело направлено в суд для рассмотрения по существу.

Приморье

22 июня 2015 года

Сотрудника колонии в Находке будут судить за передачу телефонов заключенным. Следственными органами Следственного комитета Российской Федерации по Приморскому краю завершено расследование уголовного дела в отношении заместителя дежурного помощника начальника колонии дежурной части отдела безопасности ФКУ ИК-22 ГУ ФСИН России по Приморскому краю. Он обвиняется в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 290 УК РФ (получение взятки), сообщает пресс-служба СУ СКР по Приморскому краю.

По данным агентства «Приморье 24», сотрудника ИК-22 будут судить за передачу двух мобильных телефонов от родственников осужденным. В феврале 2015 года за такую услугу помощник дежурного получил 3 тысячи рублей, в марте – 5 тысяч рублей, после чего был задержан сотрудниками регионального управления ФСБ.

Чита

23 июня 2015 года

Подсудимый Александр Подойницын, который в СИЗО Читы с 1 июня объявил голодовку и зашил себе рот, спустя 19 дней решил медикам снять швы.

Как сообщил ИА «ЗабИнфо», представитель УФСИН России по Забайкальскому краю Баир Жамбалнимбуев, голодовку подсудимый продолжает, пьет только воду, медики ставят ему капельницы глюкозы. Также он отметил, что врачи ежедневно обрабатывают Подойницыну раны от швов.

Как сообщалось, 1 июня неоднократно судимый за причинение тяжких телесных повреждений, хулиганство и незаконное хранение оружия Александр Подойницын зашил себе рот нитками и отказался от приема пищи в знак протеста против затягивания следствия по его уголовному делу по ст. 228 Уголовного кодекса РФ. Он также не согласен с позицией судьи Центрального района Читы и потребовал заменить меру пресечения на подписку о невыезде.

Ранее мужчина записал в СИЗО видеообращение, за что теперь будет привлечен к дисциплинарной ответственности за незаконное использование средств аудиовизуальной записи.

Хакасия

30 июня 2015 года

Осужденные с Алтая рассказали о побоях и жестокости надзирателей хакасской колонии № 33. Жестокость и избиения заключенных здесь не редкость, а обычное поведение надзирателей исправительного учреждения. Нарушить устоявшийся порядок пока не помогают ни жалобы прокурору, ни республиканскому омбудсмену по правам человека, а между тем зэки от отчаяния предпринимают попытки самоубийства, рассказали телеканалу «Наши новости» двое заключенных, отбывавших наказания в колонии № 33.

На жестокость надзирателей пожаловались сразу двое бывших заключенных родом из Алтайского края – Владимир Черепанов и Роман Михеев. Первый, по данным «Наших новостей», совершил грабеж, вину не отрицал и в итоге получил два года колонии. «За наручники пристегнули, на пол кинули головой в матрас, чтобы другие камеры не слышали, кого избивают. Там музыку еще врубают на всю, она в коридоре так орет, что там не слышно, кого бьют. А бьют там каждый день всех подряд. Там даже прокурор идет Подкорытов, и ему говорят: "Меня избивают". А он отвечает: "Вы что их здесь меньше бьете что ли? Бейте больше, они у вас жалуются"», – рассказал журналистам Владимир Черепанов. По данным телеканала, постоянная жестокость надзирателей довела его до попыток суицида.

Ужасающую ситуацию подтвердил и второй заключенный. По его словам, в Алтайском крае так не издеваются, а здесь — с первой минуты, в том числе за попытки обратиться к правозащитникам. «Начинают прямо на коридоре забивать меня. После чего оттаскивают в комнату отдыха – там я уже плохо помню. Затем прихожу в себя, и меня начинают повторно класть», – рассказал г-н Михеев.

Уполномоченный по правам человека в Алтайском крае Борис Ларин утверждает, что такое поведение надзирателей, если информация окажется правдой, является «безобразным». «Это является предметом расследований и решений УФСИН. За такие случаи люди увольнялись, привлекались к дисциплинарной и даже уголовной ответственности», – сказал г-н Ларин.

С коллегой правозащитника из Хакасии каналу связаться не удалось, однако его советник Ольга Крафт прокомментировала ситуацию. По ее словам, в УФСИН будет направлен запрос по ситуации в колонии № 33, а ответ предоставят алтайским журналистам.

Дневник обвиняемого

1.03.2013.

Вот и весна, а дело до прокуратуры еще не доехало. Встречались с Д. вместе с Натали. Д. рассказал, что на «проверке», или на процессуальном контроле, если официально, такое дело может находиться довольно долго, тем более что у них сроки продлены до 15 мая – могут и не торопиться. Пусть не торопятся. У Д. по одному «на шесть томов всего» делу такая проверка уже два месяца идет. Следственный комитет сам ищет свои косяки, чтобы прокуратура не вернула дело по формальным основаниям. Я про себя: мне бы хоть две недели. Из плохого – трехлетний срок давности по гражданскому иску должен исчисляться с момента признания потерпевшим, то есть с 29 ноября 2011 года. Вероятность, что я доживу без приговора до конца ноября 2014 года, невелика. Хотя если еще один возврат дела прокурору, то все может быть. Шутка – этого уже не допустит никто.

<...> Идею с Хруновой Натали поддержала безоговорочно. Поиск и пересылка документов – я малограмотный юзер, требуется помощь жены – переросли в перепалку. Нервы мои от сидения без дела в ожидании, доме и Интернете совсем никуда.

<...>

16.03.2013. С понедельника по пятницу

Рабочую часть недели прожил, и слава Богу. В среду давал пресс-конференцию облпрокурор (в официальной части меня не вспоминали), а после нее на сайте стукача Орищенко, довольно раскрученном, появилась гнилая заметка про меня, о том, что мое дело «следователи готовят к передаче в прокуратуру». И очень много прочей брехни –

лень сейчас описывать. Ясно, что стукач общался в кулуарах с прокурором Васей Х. Заметку перепечатало, не удосуживаясь ни перепроверить, ни мне позвонить, с десяток СМИ.

– Расстроился? – все время твердит Натали. – А ты думал, все сойдет на нет?

Молчу. Про себя думаю: «Может, и думал».

Ездил в «Блокнот», который хотел меня сделать редактором да передумал, а теперь перепечатал эту грязную заметку, попросил снять брехню или переделать – сняли. Заодно и отвез жалобу депутату Госдумы Пахолкову для передачи в Генпрокуратуру.

Через день жалоба потеряла смысл. «Сбрил бороду, – всегда мне говорит Натали, – жди плохих вестей». Пришли отказы из Генпрокуратуры от уполномоченного по правам человека Лукина. За Генпрокуратуру писал, судя по почерку, Вася. Читал Д. ответ, он грустно смеялся. Решили писать дальше, там и в Генпрокуратуре несколько вышестоящих инстанций. Пусть чешутся. От Лукина ответили: наше дело сторона, все вопросы к прокурорам.

<...>

5.04.2013. Третье обвинительное заключение

Пойду-ка сделаю кофе, а? Я не писал сюда почти месяц из суеве-рия. Думал вот-вот и не спугнуть бы. Думал, что-то у них не клеится, а значит, каждый день в мою пользу. Зря.

Телефон в куртке в прихожей – не слышно. В два часа дня два пропущенных звонка, сорок минут назад то есть. Эти циферки ни с чем не спутать – служебный Г. Сначала еще чуть надеешься, что хочет «поговорить», хотя и понимаешь, что «говорить» не о чем. Начинаю судорожно искать чистые трусы, полагая, что за обвинительным придется ехать сразу. Нет, не сразу. Звоню, болтает с кем-то по второй трубке, извиняется и начинает говорить со мной – я важнее.

В общем, все, как всегда. «Прокуратура подписала обвинительное заключение». (Ага, до 14 лет лишения свободы.) «Вы же помните, где получать? На втором этаже у Гламурного». (Все, как всегда. Только на пять лет меньше, чем год назад. День в день подписали. Назло, что ли? Сейчас пойдет слив в прессу – интересно, хоть кто-нибудь позвонит или будут сочинять со слов прокурорских и СК?) «Телефончик Гламурного напомните».

Звоню Д., он, судя по детским всхлипам в трубке, уже дома. Сообщаю. Договариваемся, чтобы, как заберу, приехать к нему в офис. Это три минуты ходьбы от прокуратуры. Перезваниваю Г., прошу поло-

женную мне по закону копию обвинительного. Чтобы дал бумажную копию, приходится чуть ли не кланяться. «Приходите с флешкой». – «Мне негде распечатывать». – «Ну, только для вас». (Или он сказал: «Из уважения к вам»? Да по фиг что сказал.)

Кофе во френч-прессе у меня никогда хорошо не получается. Да и мало кофе всыпал. Какая-то бурда типа американо. Тем не менее достал из серванта парадную кофейную пару, привезенную лет восемь назад из прошлой жизни из Монако. Пью.

Надежды, что все «вот-вот» и безболезненно закончится, рухнули. Впрочем, и Д. говорил, что 100% подпишут, а я вбил себе в голову невесть что. Я расслабился. Не читал дело за эти шесть недель ни разу. Интересно, успели ли они договориться о том, кто будет судьей? Или как раз для этого вечер пятницы и выходные?

Обязательно надо причаститься до начала процесса. Пасха пятого мая. У суда крайний срок назначить первое заседание на восьмое мая. Но могут и раньше.

Вот Навального по той же 160-4 в виде растраты в особо крупных гонят на суд стахановскими темпами – один день на прокуратуру, на 17 апреля у него первый день заседания. Но ему по беспределу отказали в предварительных слушаниях. Есть малюсенькое опасение, что и со мной такой финт устроят. Но это вряд ли. Для начала надо узнать фамилию судьи.

Натали не звоню, не пишу. Приедет с работы – расскажу. Чего раньше времени нервировать.

В эти три недели много всякого произошло. Я пощусь и худею одновременно. Постные хлеб, фрукты, картошку не ем. При этом умудряюсь пост по чуть-чуть нарушать в пользу разрешенного по выходным «виноградного вина». Раны от кота почти зажили, но шрамов останется много. Натали ездила в Москву на собеседование на должность пресс-секретаря департамента энергетики в мэрию Москвы. Департамент новый. Работу начинать с нуля, и это ей очень интересно, но платят мало совсем. С учетом съемного жилья и выпускного следующего года Андрея – сложно совсем. Да и не перезвонили, хотя если бы утвердили – должны как раз до конца этой недели перезвонить. А если нет, то и не перезванивают. И нечего голову ломать.

Ребенок попался ментам с пивом. И хотя они не пили, вчера ходили на комиссию по делам несовершеннолетних. Зрелище убогое и мерзкое. Человек двадцать мелких районно-ментовских-образовательных чинуш собрано. Пытался говорить о нарушенных правах моего сына – менты не представились, не разъяснив права, заставили подписать

протокол, меня как опекуна об этом не уведомили. В ответ хабалистый ор. Ребенка заставили выйти. На мой вопрос: «А где прокурор?» – «Она, к сожалению, была, но больше не смогла», – выгнали и нас с Натали. Ездил в школу. Завучиха по воспитательной работе (от нее до сих пор тянет блевать) подделала задним числом протокол о постановке на внутришкольный учет. Два часа разговоров с двумя другими, более вменяемыми, завучихами, почему «ваш сын» не учится. Их рассуждения, что он один на всю школу такой. Понял, что к войне еще и со школой я не готов. Вечером был разговор с Андреем. Куда будет поступать, не знает. «За границу – хоть посудомойкой». «Хорошо, – говорю, – составь план, что ты будешь делать, чтобы стать заграничным посудомоем». Притом что у парня есть и голова на плечах, он совершенно не понимает, что ему делать во взрослой жизни в этой стране.

Это странное обвинительное заключение. Кажется, путает опять планы. Но не я ли еще вчера вслух и про себя хорохорился, что готов отсидеть. Что ж и за слова, и за мысли придется отвечать. Надо собирать себя в кулак. В принципе, накопилось много дел.

Завтра митинг по всей стране в защиту политзаключенных. Так бы не пошел 99%, а теперь придется. Через сорок минут футбол – любимое «Динамо». Хоть чем-то сердце успокоится.

Обвинительное – это мобилизация. А мобилизация – это война, блицкриг. Итак, $365 \times 4 + 1 - 20 - 92 - 25 = 132...$ Как-то так, сбился с подсчетов. Так и не освоил в школе счет в уме. Сколько может продлиться суд «по существу»? Это зависит от того, будет ли предварительное и что будет на предварительном. Будет оспариваться, конечно, а это плюсом два месяца пусть. То есть начало по существу придется на начало июля. И еще пару месяцев. К началу сентября можно и ждать «результат». Как минимум, лето красное погуляю на свободе.

С понедельника я уже не обвиняемый, а подсудимый. Наверное. Или я стану подсудимым только в зале суда? «Подсудимый, встаньте». А если не повезет: «Взять под стражу в зале суда».

От судьбы не уйдешь, не убежишь, все что ни делается – все к лучшему, любой опыт полезен. Хотя некоторый, наверное, неплохо бы избежать. Но это с «мирской» точки зрения. А для спасения души – все испытания в плюс, лишь бы не озлобиться. А я-то озлобился. Пусть под маской фатализма, но все равно внутри – нет у меня ни прощения, ни любви к врагам моим. Печально, но как есть. Еще надо убедить себя стоять до конца. Ты сам, твоя внутренняя слабость, твой главный враг. Никто другой тебя победить не может. Слова? Слова. К чему они приведут тебя?

Завтра – день рождения. Сорок четвертый. Я отвык отмечать, да и пост. Натали несколько раз требует скромного семейного банкета и повторяет: «Неизвестно, встретим ли следующий мой день рождения вместе». Пожалуй, соглашусь на рыбу с белым вином. Но без гостей.

Собственно, «подарком» ко дню рождения мне будет фамилия судьи. Должны уже расписать. Три возможные фамилии – три варианта судьбы. М.Б. скорее посадит. Если, конечно, каяться не начну. Профессор – «буквоед», но легко поддается прокурорскому внушению – у него: «фифти-фифти», но опять же без признания мало шансов даже на условное. К-в на давление не реагирует, поэтому, скорее всего, реальный срок не даст. «Но он же не камикадзе, тебя оправдывать», – когда-то давно говорил Д.

<...> 24 апреля у нас с Натали 20 лет совместной жизни. По понятным причинам отложим на 26-е. И посидим вдвоем в ресторане. Это Натали настояла: «Когда еще придется, неизвестно». Но до 26-го надо причаститься. Сил на это пока никаких. И лучше тогда на субботу ресторан перенести – в субботу вино по канонам можно.

Итак, история «обвиняемого» заканчивается. Начинается-продолжается история «подсудимого». Суд-то третий. Натали мне такое послание на день рождения написала: «Сашок. Я искренне тебе желаю, чтобы этот Дээр был не последним, встреченным дома. Причем, без перерывов на. А уж если не суждено, то дай тебе Бог сил и мудрости пережить. И сохранить себя».

Точнее не скажешь. Только вот пройду ли я и этот суд с достоинством? Или?

Нужно делать все, чтобы завоевать ее любовь. На-та-ли. Моя жизнь, мое дыхание.

Впрочем, весь вечер срались ни о чем. Кошка насала на мои оставленные в кресле джинсы: «Если ты не научишься складывать свои вещи по местам, то скоро тебя этому научат. И тумбочка будет рядом с кроватью». И такую песню слушаю почти четыре года. Любовь моя, даже странно, что я тебя до сих пор не убил. «Ты мне опять угрожаешь? Бог тебя накажет». Если хочет посильнее уязвить, обязательно уточнит: «Твой Бог».

19.04. 2013.

С утра все нервы и силы потратил – безрезультатно, – чтобы отправить сынка в школу. Когда стаскивал с кровати «хотя бы к третьему уроку», получил по морде и еле удержался, чтобы не дать в ответ. С утра поехал в суд, хотел попасть до десяти на случай возможного процесса.

Охранник на входе перед металлоискателем допытывается к кому, проверяет документы, «колюще-режущие есть?», но не шмонает, хотя иногда шмонают. Следующий охранник на этаже, строго предупреждает: «В кабинеты к судьям не заглядывать. А помощники – знаете? – через весь коридор, до лестницы, мимо окна (и судейского сортира, добавляю про себя), налево и с правой стороны дверь». – «Спасибо». Секретарши профессорские – «Мы обе его, хи-хи» – одна худенькая, одна полноватая чуть, обе крашенные блондинки лет двадцати пяти и не красотки, прямо скажем. Полноватая, может, и досидит до судейской мантии, а худенькая точно сбежит. Нужный мне третий том оказался у самого судьи. Помощники направляют к нему. Табличка на двери кабинета, обращаю внимание на необычное отчество «Игорь Славич». Хорошо, наверное, что «Славич», может, и не посадит. Вообще, к судьям же – «Ваша честь!», в приговорах и решениях фамилия-инициалы. Имена и отчества исчезают под мантией. Есть в этом что-то зловещее. Нет, адвокаты вне процесса, конечно, по имени-отчеству. Один раз мне Д. поручил К. звонить – забрать решение, пока он в отъезде. Второй возврат по 237-й был в прошлом июне. Я звоню: «Здравствуйте, Николай Федорович». Представляюсь. Он аж дар речи потерял: подсудимый его по имени-отчеству называет. Потом после долгой паузы: «А-а-а». Так и вижу, что стоит с открытым ртом. Но решение так и не отдал из вредности: сначала сказал, что не готово, а потом, что уже по почте отправлено.

Стучусь стеснительно в профессорский кабинет. Прошу третий том, он как раз у него на столе. Профессор: «Вы знаете на когда назначено?» – «Да. А это будет ведь предварительное?» – «Ну, вы же ходатайство подавали». – «Да вот Навальному же отказали». Присаживаюсь без разрешения за секретарский столик – волнение, видимо, на мне нарисовано. Профессор наблюдает чуть за мной. Вот она, 346-я страница. Подпись появилась и дата 15 октября. Свеженькие чернила. А по чернилам время изготовления проверить невозможно. Вскикиваю, вероятно, как ужаленный. Не крик, но вырывается: «Ничего не боятся». Отдаю том и выхожу.

До встречи с Д. еще почти час. Коротая время, зашел в «Товары для дома». Разглядываю стулья-стаканы и одновременно говорю с Натали по телефону про подделанную задним числом подпись. Когда закатывать скандал – на предварительном, или отложить? Знаю, что Д. будет за то, чтобы отложить. Натали тоже за то, чтобы «все козыри сразу не выкладывать», а заодно гонит на Д., что он «не шевелится». Напоминает, что она была за то, чтобы расстаться с Б. В общем, имеет мне мозг двадцать минут без остановки.

Д. рассказывает, что Профессор вроде склоняется к нашей позиции и может согласиться с нашим ходатайством о признании всех доказательств незаконными. И выходить на процесс «по существу» без грамма самого существа. Даже если это случится, это далеко не окончание. Будет и апелляция, и кассация. Д. считает, что если чудо произойдет и Профессор вынесет решение в нашу пользу, то дальше будет попроще: «Отстаивать решение всегда легче, чем ломать». Пока Профессора «поддавливают» низовые прокуроры: «Мы понимаем, что не все гладко, но надо помочь». <...>

Звонит ребенок-прогульщик. Маленький черный котенок умирает. Да, болел, весил мало. Еще и на днях с лестницы упал, вроде невысоко было, но на самом деле никто не видел, откуда он падал.

Еду в срочном порядке домой. Печальная правда подтверждается. Тельце еще теплое, но уже в неестественной позе. Звоню Натали, что он умер. Потом пытаюсь взять тельце в руки, оно издает предсмертный крик. Пугаюсь. Сын спрашивает, можно ли его как-то... Ну, в общем, прекратить муки. Пристыдил. Агония длится еще час-полтора. Причем взрослые кошки неожиданно перенесли его в другое место. Что меня не меньше поразило, чем предсмертный крик. Кошки обычно уходят от умирающего, а тут Хонда даже старалась его вылизывать чуть-чуть в самый последний момент. Тельце начало остывать, и мы с сыном едем хоронить его в лес. <...>

От человека остается холмик. От котенка, как ни собирай разбросанный песок, только ямка. Маленькая как котенкина жизнь. Второго я такого котенка хороню – с именем. Первого Хаммер звали. Прошлой зимой закапывал в теплотрассе. Это так Г. подсказал.

Дай нам, Господи, любви. <...>

1.05.2013. Про суд 26 апреля.

Без одиннадцати десять. Я, как обычно, первый, в судебном предбаннике третьего этажа около лестницы. Без пяти на четвертый поднимается прокурор, поверх синих штанов коричневая куртка скрывает погоны, то ли рыжий, то ли седой, лицо где-то видел. Подходит вовремя юрист «потерпевшего», моей газеты то есть, нанятый по договору юрист Подболотов, на молодую крысу нацепили очки и дали полдозы экстази – бурная глупость. Подболотов со мной на «ты», где-то пересекались лет десять назад. Ну и год назад на прошлом предварительном – тогда он молчал весь суд. «Привет». – «Привет». Через пять минут худенькая помощница вызывает в зал. Прокурор оказался «мой», и ходил он «здороваться» с председательшей суда. Председательша

на крючке у фээсбэшников за махинации с землей... где бы вы подумали?... в Краснодарском крае. Кто-то чего-то арестовал, быстро продал и попался. Дали показания на нее, но делу, как водится, хода не дали. Выясняется фамилия прокурора – Дер-в. О! По мою душу целый начальник по борьбе с коррупцией облпрокуратуры. Человек № 6 в их иерархии, а среди тех, кто может появиться в суде, это вообще № 1. Ни прокурор, ни замы ниже третьей инстанции не ходят.

Д. опаздывает, но буквально на минуту. Сразу после него «встать-судидет». Первый раз вижу Профессора в судейской мантии. Процесс по 125-й, по жалобам то есть, и по ограничению ознакомления он проводил в одном и том же костюмчике. Кажется, мантия (шелковая?) на нем свежевыглажена и с белым пришиваемым подворотничком как на солдатской гимнастерке. Я – в центре, Д. – справа от меня, прокурор, секретарь суда и «потерпевший» – слева.

Поднимают меня: фамилия-имя-отчество-дата рождения-адрес-место работы-кто на иждивении. Унизительно. Отводы суду есть? Нет, ваша честь.

Д. начинает зачитывать ходатайство и приобщает ответ прокурора о том, что «все доказательства после 12.09.2011 года утратили юридическую силу». Подболотов возражает против ходатайства на том основании, что «нас с коллегами» повторно допрашивали. Вот за это «с коллегами» – просто убить хочется. Какое ты отношение имеешь к тому, что я создал и воспитал. Мальчик бежит вперед паровоза – прокурор просит перерыв для формирования позиции.

Неожиданно Профессор предлагает до следующего заседания обрратить внимание... и идет ссылка на несколько документов – разьединение и продление. Похоже, буквоед увидел в следовательской процессуальной галиматье «свой» маленький отдельный косячок, который ему нравится и который даже Д. не отсмотрел. Похоже, разьединив дела (три), следствие, вконец запутавшись, получило продление только по одному из них – второму, а про третье забыло. Это 237-я, как ни крути. Начинаю у Д. уточнять: может ли судья по своей инициативе возвращать дело прокурору? Подтверждает – может.

Ладно, о будущем не задумываюсь. Но желание Профессора скинуть это дело без рассмотрения по существу теперь ясно. Если только облсуд ему это желание не откорректирует. Третья 237-я – это, конечно, будет здорово. Но для меня это очередной круг следственного ада. Хотя даже Д. не верит, что «четвертое» следствие будет так же беспредельно, как и третье.

Будущего – нет. Две недели видно, и хорошо.

Тут же за нечаянной радостью следует неприятность: вместо того чтобы сразу в зале согласовать дату следующего заседания, как это делается в ста случаях из ста, Профессор объявляет «перерыв на две минуты» и уединяется в своем кабинете с прокурором. Посоветоваться, как ему будет удобно. Начальство прокурора должно попытаться договориться с начальством Профессора, то есть в областном суде. Во время праздников боги судейского Олимпа на отдыхе – всех, кого надо, не застанешь. Следующее заседание назначают аж на 13 мая – больше двух недель мне каникул. Радуюсь как ребенок, хоть и нечему радоваться пока.

14.05.2013. Третий возврат дела прокурору

Заседание по какой-то причине чьей-то занятости (судьи или прокурора) перенесли на день позже. В самый последний момент сочинил реплику в прениях. <...>

Дер-ва буквально взбесила фраза про «фантазийные интерпретации» – он закатил истерику прямо в процессе. Пытался отчитывать как школьника, требовал, чтобы я выражался юридическими терминами. Требовал вынести мне замечание. Д. взялся защищать меня от его истерики, напомнив, что юристом я не являюсь, а УПК дает мне право защищаться от обвинения любыми способами. Судья, напротив, с видимым интересом изучал мой крик души и на предложение никак не отреагировал, кроме фразы типа «давай будем посдержаннее».

Я по юридическому незнанию озаглавил сей текст «Ответ на возражения гособвинителя», и Дер-в пытался «зацепиться», попросил отложить заседание, чтобы ему подготовить свой «ответ на ответ». Хотя ясно: пауза нужна только, чтобы еще раз попытаться задавить судей. В итоге я зачеркнул заголовок и сверху от руки написал: «Реплика в прениях».

Судья удалился в совещательную на полтора часа. Дер-в удалился насовсем: прокурорские никогда не остаются выслушивать не устраивающие их решения. А о том, каким будет решение, они всегда знают заранее.

22.05.2013. (статус в фейсбуке)

Херачу плитку на потолок. Не спрашивайте: почему? Спрашивайте: КАК? Стараюсь успеть к приезду любимой. ПУСТЬ офигеет и обматерит. Четырехмесячный Ювентус и его хвостатые няньки на улице, чтобы под ногами не путались. Дождь пошел, пришлось кошек пустить в дом. Ювентус сразу на стол – хозяйский сыр жрать. Ладно, закон-

ное лакомство. Только отвлекся: мама Хонда уже и рыбу мою жрет – разогнал. А баба Муля вообще морду в стакан с вискарем засунула. А вокруг стола ходит вполне уже половозрелая Ива и безумным ором требует мужика. Ваше здоровье, кошечки!

Ливень, второй уже за два дня, просто обалденный. Только он и нужен в мае для счастья.

25.05.2013.

<...> Долго не заглядывал сюда, все откладывал. Значит, не так надо. Или по-натальиному: «не говори гоп». Прошла Пасха – отстоял (через зуд уйти пораньше) часа два с половиной – три в неприметной церкви, где крестили Соню, Андрея Книжника дочь. Потом прошло предварительное слушание у Профессора – вынес третью 237-ю, вчера истек срок вступления решения в законную силу, но я не знаю, оспорила ли прокуратура или нет. То есть судьба твоя уже «свершилась», но ты об этом не знаешь.

25.06.2012.

Итак, четыре дня назад профессорскую 237-ю оставили без изменения в облсуде. Д., выйдя, тихо крикнул: «Йееес!» Вот по этому поводу мой пост в фейсбуке.

Последний раз (в райсуде) гособвинителем был целый начальник отдела по борьбе с коррупцией облпрокуратуры – сразу видно, что я тут главный преступник. А вчера он не пришел. Они никогда не приходят, если заранее не договорились. Но кому-то надо отдуваться. Вчера гособвинение представляла новая (эдак двадцатая в моем деле по счету – кое-кто из тех, кто начинал «обвинять», уже на пенсию ушел) прокурорша-подполковничиха в возрасте баба-ягодка с грузинской фамилией и толстыми ляжками из-под неприлично короткой форменной юбки. Видно, что готовилась специально, но в номерах моих трех уголовных дел окончательно запуталась, начала гадать и не угадала, а потом еще раз – и снова не угадала. Ну а на нормы закона не ссылалась вовсе: они давно мечтают судить меня вообще без закона. Я – без «героизма», как китайский болванчик: «Поддерживаю доводы защиты, ваша честь». Болтовней не занимаюсь. Проявляю, так сказать, уважение к суду. В конце концов, мое большое «выступление» по первой инстанции есть в деле. И нечего больше красноречие разводить. Областной суд – это вам не районный. «Короче», «вы уже повторяетесь», «не надо все подробности»... – седьмой у меня уже облсуд, «наплавался».

И финал: «постановление суда оставить без изменения, а апелляционное представление прокуратуры без удовлетворения» – волнительно, знаете ли. Интересно, как теперь доблестные органы (прокуратура и бастрыкинцы) изгалятся, чтобы не исполнять решение суда? В общем, еще пару месяцев ожидания в неизвестности. Адвокат мой думает, что прокурорские полезут дальше оспаривать: «Им больше ничего не остается». Дело длится уже больше, чем Великая Отечественная. Всё потому что – брыкаюсь. («Тебя как, сразу кончить, или желаешь помучиться?» «Лучше, конечно, помучиться».)

Вернулся, снял костюм – и снова на трудовую вахту. Выпил вчера пузырь «Кристалла» в процессе послесудебной укладки «лапши» – и, кстати, без похмелья. А сегодня с Натали отметили это дело белым аргентинским с индейкой, жареными помидорами, и земляника к чаю. Жара спала.

Птички, сволочи, совсем не поют. Может, в душе они у меня поют, еще не разобрался. Я уже научился отличать поражение от победы.

В планах – нахерачить плитку на тещиной кухне. Надо куда-то энергию тратить. Дожить до осени. Ведь когда-то они должны сломаться.

* * *

Да, надо сказать, я-то о Профессоре хуже думал. Да и обо всей судебной системе в целом. Ведь, по сути, за четыре года судебские вынесли всего два решения по беспределу. Много было на грани, «на усмотрение судьи», как в футболе бы сказали, – тогда все решения в пользу следствия-прокуратуры. 146%. Но в случае, когда надо было принимать заведомо неправовое решение, суд на поводу у прокурорских не шел. Ну, кроме самого старого случая у Г-ва – с первым возвратом, но там все за моей спиной договорились, и Г-в знал, что никто оспаривать не будет. Мне повезло, что все нарушения носили процессуальный характер, а не касались сути дела. Я видел, как прокурорские могут издеваться над процессуальным правом. При рассмотрении дела по существу беспредел усилился бы в разы. Что ж, будем надеяться, до этого теперь не дойдет. Правда, какую новую подлость они думают, я не представляю. Около месяца дело будет мотаться по инстанциям: написание апелляционного решения, возврат дела в райсуд, оттуда в прокуратуру, оттуда в следствие. Решение облсуда и уведомление о возобновлении следственных действий должны прийти по почте. После возобновления у них будет один месяц на пересоставление обвинительного заключения, а фактически на отказ от

обвинения и прекращение дела. На больше месяца им опять запрашивать о продлении Москву. Только как? Все сроки и пропущены, и перепутаны. Остается им оспаривать в кассации, потом в надзоре. Как это будет выглядеть? Чего загадывать? Кассационное представление, если что, пришлют по почте. Но это только в случае, если с председателем облсуда лично договорятся. Сложно это, во второй-то раз в одном деле? Думаю, да. Впереди два летних месяца затишья, полного безделья и полного же безденежья. Разве что с обыском очередным нагрянут. Но скорее с «предложениями» к Д.

И «главное»: 1. Я вроде снова больше не подсудимый, а в четвертый раз «всего лишь» обвиняемый. 2. $365 \times 4 = 1460 + 1$ (високосный) – 51 (в июле–августе) = 1390. Скоро очередной «юбилей». Великая Отечественная $365 \times 4 + 1 - 22$ (в июне) – 22 (в мае) = 1417 дней. То есть с войной я сравниюсь по срокам 27 июля.

Да, затянулись у меня каникулы строго режима. Ни работы, ни перспектив в родном городе нет. Бабло кончилось – перспективы не проявились.

И да – сорок дней как умер сказавший это режиссер Балабанов, трагический тенор эпохи. Дух нуара сначала забрал почти всех балабановских актеров, а потом и до него самого – в 54. Рухнула в день сороковин балабановская Колокольня счастья, снятая в последнем его пророческом фильме. Двести лет простояла – и вот на тебе: день в день. Уверуешь тут! Только во что?

<...>

08.08.2013. Боль

Если есть капля боли – напиши на бумаге. Это ээк Шаламов сказал. Вот пишу каплю боли. Утром – я уже проснулся, но собирался поспать еще, дел не было – позвонили из президиума облсуда: на 14 августа назначена кассация, она принята к производству – значит, договорились 146%. Съездил получил документы (канцелярша председателя: «вы у нас уже, кажется, были») – кассационное представление с требованием вернуть все назад в первую инстанцию и определение зампреда облсуда о принятии материалов к рассмотрению в президиуме. Описать степень бесправия невозможно, просто невозможно. Законные решения судов двух инстанций ничего не значат. Все-таки правильно, что родители мои умерли раньше. Если бы они умерли ИЗ-ЗА этого, как бы я жил?

После звонка из суда лежал в полубессознательном состоянии – ни сон, ни явь. Мысль одна – убить всех родных, тихо безболезненно

отравить, чтобы не страдали. Тещу, тестя, потом Натали (интересно, смог бы я ей сказать – нет, пусть умрет, не догадываясь, «счастливая»), и умереть рядом с ней. А Андрей? На сыне мысли заканчиваются – мысль отказывается представлять убийство молодого организма и отматывает все назад.

У Натали 13 августа юбилей, 45 лет. Все скромные планы сводились к посидеть днем в хорошем кафе семейным кругом: впятером – с сыном, тещей и тестем. Планы порушились, хотя кто знает. Сегодня она особенно нежная была – видно совсем я плох, если со стороны посмотреть.

Но это не горе.

У Саши, девушки моего сына Андрея, мать лежит при смерти. Врачи отказываются что-либо делать – у нее год назад диагностировали цирроз, но как-то с этим жила, и вот – бах, в один момент – состояние, похожее на кому. Лежит, никого не узнает и уже отеки внутренних органов пошли.

Не так, не так, не так я живу. Господи, научи меня любить и радоваться каждый день и час. <...>

12. 08. 2013. «Ctrl+A; Ctrl+C; Ctrl+V».

До президиума два полных дня. Утром – к Д. Накатал текст выступления на президиуме. <...>

Натали одобрила: «Резко, и надо советоваться с Д.». Собственно, текст сочинялся за ужином – стандартная тушеная капуста с мясом, которая вроде как мне очень удается. Я допивал белое аргентинское торронтес, Натали – кьянти. Все бюджетненькое, но очень даже – вино надо выбирать с любовью.

Валентина. Покойницу звали Валентина. По профессии она была оператором башенного крана. Я бы не смог – панически боюсь высоты, а она там провела, считай, всю жизнь. Какие же все-таки разные у людей жизни. Андрей просит пригласить Сашу на послезавтрашний поход в кафе на семейный круг. Натали трясет меня: «Что скажешь? Твое мнение?» Отвечаю: «Решай сама». Да уж, похоже, что решила звать. Это правильно. Как-то неформально в семье произойдет пополнение в виде девушки-подростка-сироты. Остается надеяться, что жить они вместе не начнут или, по крайней мере, детей не заведут до окончания школы. Впрочем, послезавтра может оказаться, что перспективы сесть в тюрьму, причем в ближайшие несколько месяцев, невероятно возрастут. Хрен бы с ней, с тюрьмой, но вот Андрей тогда точно забудет на учебу и никуда не поступит. Меня должно оправды-

вать в глазах людоедской системы, что целых четыре года я вел себя как пайныка – опротестовывал, защищался всеми законными силами и средствами, но в з@лупу не лез. И вот эти средства заканчиваются, во всяком случае, на территории области. Что дальше? Я и сам не знаю. На информационную войну я не готов – все еще расслаблен. Да и силы уходят: «Мы братья преград не обещали, мы будем гибнуть откровенно». По-моему, повторяюсь.

Итак, планы расписаны: завтра утром, потом совместная с тещей и Андреем поездка за подарком. Послезавтра – кафе (я – за рулем), вечером – дешевое шампанское безо всякой романтики. Послепослезавтра – суд, фактически хроника объявленной смерти. Интересно, будет ли председатель? Время отпускное. В отсутствие председателя президиум облсуда это такое место, где каждый должен успеть решить именно свой вопрос. Каждый договаривается с каждым по принципу: «Ты – мне, я – тебе». Если председатель на месте, надо договариваться с ним. Что это меняет? Не знаю. Оставляй, оставляй надежду – скидывай лишнее тряпье.

16.08.2013. После смерти

<...> Ждали в коридоре минут пятьдесят своей очереди. Рядом генерал Вася, свежестриженный и покрасившийся, седину закрашивает, без кителя, генеральские погончики купленные на рубашке сверкают, но харя напряженная. То, что прибыл сам – это сразу плохой знак: договорился со всеми, если нет – не пришел бы. Мы стояли метрах в десяти, злобно глазели друг на друга. Он входил, выходил с каждым делом – до нас было дел десять, может быть. Мы, как всегда, последние.

Мы с Д. в коридоре молчим в основном, рядом какой-то хмырь сидит явно не в процесс и рожа мусорская. Может, охранник для богов суда, а может, стукачок. Д. зачем-то начинает говорить, что на президиуме могут даже выступить не дать, прервут. Как в воду глядел.

Вызывают. Шестеро старцев в мантиях, перед каждым таблички. Сидят на возвышении в ряд, все дубовое. Ни дать ни взять – сатанинский иконостас. В старом здании они полукругом сидели и значительно дальше от народа – лиц было не разглядеть. Теперь все на расстоянии чуть ли не протянутой руки. Председатель посередине, разъясняет: «Докладчик Х-н, он не голосует». Х-н, крайний слева, дальний от меня, встал пробубнил невнятно пару буквально слов, не поднимая головы. «Прокуратура поддерживает» – то ли вопрос, то ли утверждение. Вася не вставая, не открывая рта кивнул. Х-н: «Тут еще

возражение на представление есть». Председатель сделал полуудивленное прикрывание – ясно, что ни он, ни кто из членов президиума мои возражения не читал и даже не догадывается об их существовании. Дали слово Д., дать-то дали, но выступить не дали. После первой же фразы «Дело длится почти пять лет (накинул год от волнения)» Д. обрывает Председатель: «Вы нам что, все пять лет собираетесь пересказывать, что ли?» – «Нет, я только по процессуальным моментам». – «Но возражения же есть письменные?» – «Это Пирогова возражения – я сам не успел подготовить письменно, слишком поздно прислали извещение». Д. успевает сказать от силы еще пару фраз, его опять, считай, затыкают: «Вы здесь не в первой инстанции, здесь президиум». Поднимают меня. Я добавляю к выступлению Д. ходатайство: если решения суда первой инстанции и судебной коллегии будут отменены, просьба передать дело в любой суд за пределы области. «Вы тут что, никому не доверяете?» – задает как бы вопрос Председатель и тут же выпроваживает из зала. Разница между президиумом и первой второй инстанцией в том, что они не сами удаляются на совещание, а удаляют народ. Хотя, например, секретарша остается. Совещаются десять минут – это очень много по их меркам. Вызывают, вердикт: «Отменить, направить в тот же суд. А уже там можете ходатайствовать о переносе в другую область». Ага, находатайствовал. Д. на выходе тихо говорит: «Гады».

<...> На улице уже жара, коротко договариваемся встретиться в понедельник. Обещали текст с президиума к этому сроку. Д. еще даже не знает, можно ли вновь ходатайствовать о предварительных слушаниях. По идее, можно, но теперь могут и послать подальше. Ну и, само собой, писать в Верховный. До четвертой первой инстанции недель пять. Потом два месяца – и приговор, если не раскаешься – тюрьма. Верховный за это время может и не рассмотреть даже. А потом еще приговор вступит в законную силу и придется его уже оспаривать и, понятно, что до Верховного суда никто тебе ничего... Да и Верховный суд – утопия, пустая надежда. Но помню: «где-то выстрелит». Д. на прощание как-то расстроено по слогам: «Вот что такое за-каз-но-е-де-ло. За-каз-но-е».

И немедленно выпил две бутылки красного. После первой рвался дать комментарии «Коммерсанту» – был остановлен Натали, она созванивалась с Д. даже, уснул. Проснувшись, втихаря от жены выпил и вторую. Нажарил куриных крыльев, не пригодившихся ко дню рождения. Натали то материла меня, то редела. Потом начала распрашивать, ходил ли я в церковь перед процессом. В этот раз нет, не ходил. По-

хмелье, не успевал, да и перед президиумом сам Господь Бог бессилен. Говорит, что мне надо поститься, исповедоваться, причащаться. Сама, оказывается, исповедовалась недавно. Ее религиозность загадочна, может и хаять церковников, особенно начальство, на праздники в церковь никогда не ходит, но если Казанская или Никола, или вот Смоленская – вспоминает. Говорила мне, надо в Задонск в монастырь съездить, благословение попросить на обжалование в Верховный суд. Надо. Снова уснул и на этот раз выпался хорошо.

<...>

Сегодня безуспешно пытался уговорить сына съездить на службу в Задонский монастырь. В общем, это чуть-чуть нарушение подписки о невыезде, километров на пятьдесят и на время литургии. Но при желании могут в СИЗО отправить. Как раз позавчера так по беспределу (следствие было закончено, ездил забирать большую дочку с юга) отправили в СИЗО Юрия Матвеева, бывшего префекта. Формально – нарушение подписки. Его дело, как и мое, четыре года длится и тоже по растрате. Деталей не знаю, но вроде его раз даже реабилитировали по суду. Так что у меня все еще не так плохо. Да и закон, закон за мной – когда-нибудь он «выстрелит». А судить меня в этот раз отдадут М.Б., экс-прокурорше и подруге всех прокуроров.

Кроме всего прочего – это дополнительные расходы на работу Д. Голод еще не приближается, но... перспектив не проглядывается.

Тот из простых смертных, из плебеев, побывает на президиуме областного суда в России, понимает – эта страна не достойна более существовать. А народ? Народ достоин, или и его... И я, часть этого народа, век от веку, приклеенный к языку, прибитый к могилам предков, черпающий силы из земли домосед – есть ли у меня ответ: «Достоин ли я, ветвь меньшая, существовать?» Нет ответа, только мертвечачьи лица старцев в мантиях. Один, не могущий поднять глаз, – это «докладчик», толкач. Четверо рассматривающих тебя с нескрываемым интересом, как подопытного зверька. И руководитель вивисекции: «Вы что, никому тут не доверяете?» Может, кого-то из них и не ждет геенна огненная. У двух из шести должен быть шанс, или они единогласно голосовали? «Да, совсем сдал Председатель, постарел резко. Работа такая бесследно не проходит», – резюмирует Д.. <...>

23.08.2013.

<...> Вчера утром часов в десять разбудил телефонный звонок Натали. Что-то как покормить сына и как помыть посуду. Только положил трубку – второй звонок, сквозь сон думаю, что не все ц/у про

мытьё посуды мне выдала. Нет, Д. «На четверг, 29-е, назначены предварительные слушания. Судья – К-в. Потом созвонимся». Ба-бах. Как быстро. Безумно быстро. И еще – К-в. Этот – последний, кто может дать мне реальный срок. Из пяти возможных вариантов, кажется, что – лучший. Но внешне мне он почему-то... смущает, что ли. Влажные большие глаза, крупные губы. Это единственный судья «нашего» суда, с кем Д. может общаться напрямую. Вась-вась практически. И это единственный судья из оставшихся, который достаточно хорошо знает и понимает все обстоятельства моего дела (а значит, единственный, кто может сделать БЫСТРО), – он выносил прошлым июлем окончательное решение о незаконности соединения моих дел. Но чтобы понять все, что я думаю-подозреваю-сам-себя-отчего-то-обнадеживаю-успокаиваю, надо вернуться еще на день раньше.

Итак, в понедельник в конце отзвонил Д. – решение президиума у него, «слово в слово определение Х-на переписали». Договорились встретиться у него в офисе во вторник в двенадцать.

Натали присутствовала при разговоре. Я сейчас затрудняюсь передать хоть часть смыслов и интонаций. Юридическое смешивается с человеческим, судьбоносное – с коррупционным. Меня всегда восхищало в сценаристах умение передавать диалоги – мне этого не дано. Д., и очевидно не по своей воле (чуть позже выяснится – да, не по своей), затянул старый разговор о том, чего я хочу, какого исхода. Есть три исхода: окончательное оправдание, условное и реальная посадка. «Видишь, какое давление, правды не добиться». Начинает рассказывать, что жалобу в Верховном суде изначально рассматривают не судьи, а их помощники. Что велика вероятность получить пустую отписку. Говорю ему, что не одна инстанция в Верховном и что у нас будет три разные возможности туда «зайти» – с жалобой на президиум, с жалобой, если откажут по нынешним предварительным слушаниям. Ну и приговор обжаловать до конца. Начинаю спрашивать, когда можно подавать в Конституционный – сразу в случае отказа в Верховном или только после отказа по приговору. Я сам читал ст. 97 Закона о Конституционном суде, о том, как подавать, но не совсем понял. Д. не в курсе, но думает, что после «первого» отказа в Верховном уже можно будет. Д. начинает высказывать сомнения, что Конституционный примет. Ладно, это дальняя перспектива. Спрашиваю: «В Верховном же есть кураторы нашей области и Председатель с ними должен быть в связке». Д.: «Конечно, через него же все судьи назначаются». Я: «Неужели Председатель будет просить против меня в Верховном суде?» Д. отвечает, что 100% не будет.

Потом Д. заводит разговор о том, что «судьбу выбирают». Прото, что я не безгрешен. Встревает Натали. «А что ему делать с условным приговором – до конца жизни платить 20 миллионов? Да, если бы хоть часть кака-то у нас была, хоть в руках подержали. Было бы на что жить. А так... нигде на работу не устроишься». Д.: «Да, в государственные структуры не возьмут и ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ (выбрал словечко...) работа не светит, в редакторы больше не попадешь... Но ведь можно же...» И начинает перечислять мои возможные профессии, видимо, стараясь выбрать необходимые: курьер, менеджер по продажам, таксист, заканчивает продавцом. «Ну и по тысяче или по две платить в счет погашения двадцати миллионов». И наконец открывается. Дескать, Д. ЗВОНИЛИ оттуда (махнул рукой в сторону центра города) и спрашивали: «Чего же Пирогов хочет? Переквалификация – не вопрос». Мы с Натали говорим категорическое: «Нет, пойдём до конца, до Конституционного, если понадобится. Закон на нашей стороне, где-то это выстрелит». «Где-то выстрелит» – это самого Д. выражение, я его теперь часто употребляю. Синоним дальней, невидимой, почти ускользающей надежды. Д. видно, что расстроен. Маклер из него не вышел. Спрашиваю: «Оттуда звонили – это гэбэшники, что ли?» – «Нет, из облсуда». Расстаемся на том, что к концу следующей недели он напишет жалобу в Верховный суд. Натали на выходе в бесильной ярости называет Д. «предателем», что теперь уже с нас нечего взять совсем, а ему еще с НИМИ работать, что Д. и Г. теперь заодно. Вспоминает, как он ей звонил зимой (мне не дозвонился) с предложением Г. закрыть взятку по нереабилитирующей «давности». Как через него поступило предложение в последнем облсуде на шестьсот тысяч. «Он участвовал в этом разводе». Я ее отговариваю, защищаю своего защитника: правильно, что Д. не ведет разговоров за спиной у нас, а все что слышит передает нам.

И вот на следующий день после разговора, содержание которого, несомненно, передано в облсуд, «ответ» – К-в. И сверхбыстрое рассмотрение. Что бы это значило? Тешу себя мыслью, что областному суду не слишком нравится перспектива моей жалобы в Верховный. Если К-в примет решение в нашу пользу, смысл в жалобе отпадет.

Блажен кто верует. А я верую и даже пощусь больше недели. Очень надо осилить и причаститься до К-ва. <...>

28.08.2013.

<...> Завтрашний суд – очередной поворотный пункт в деле. Да – и возврат, или исключение, или признание нарушения сроков – и это

фактический победный конец дела. По закону так, хотя еще какое-то время помурывают в бешенстве. Нет – и это поворот на Верховный суд и на приговор одновременно, повышение ставок до предела, до тюрьмы. Но я-то знаю, что они блефуют.

Целое государство – блефует. Прокурорский генерал Вася в купленных лампах и крашенных волосах – хозяин этого государства. Никому не подвластен и не подотчетен – право господина и право для господина. Рабы местами довольны жизнью – хавчик-кино-диван мягкий-работа непыльная. Те рабы, которые недовольны: пожалуйста, в гастрономе до 23-х. Рабы костерят господ, но до вил здесь дело не дойдет. У каждого своя жизнь, свои радости и муки, свои щи и жемчуга. Везде рабов от господ отделяют охранники и металлоискатели. Настоящий апартеид. По-хорошему бы еще у рабов тачки поотнимать и заставить на общественном транспорте передвигаться. А то дороги-то общие – непорядок. Государство обещает, что постепенно русского раба, где может, заменит на мигранта из Азии. Раб должен быть дешев в эксплуатации. Русские даже за право быть рабом конкуренцию проигрывают. Социал-дарвинизм победил. Мент как вершина эволюции. Я другой такой страны не знаю...

Вчера Натали сказала: перед тем как тебя посадят, собери воедино, что ты писал, постараюсь опубликовать. О существовании этого дневника она не догадывается, слава Богу. Иначе бы его просто не было.

Пришла с работы Натали и завела старую песню: «Тебя посадят, у меня – интуиция, Д. тебя бросит, а я не управлюсь. Ты же сам после моего дня рождения напился и сказал: “Ну, все теперь – тюрьма”». – «Ну, я же от эмоций, от бессилья, а не всерьез». – «Сейчас из-за того, что ты отказался от их условного предложения, они придумают какую-нибудь гадость. Д. не звонит, потому что он с ними заодно. А они могут тебя прямо завтра посадить?» – «Они все могут, только оснований нет». И такая дребедень – каждый день.

Сын за август заработал девять тысяч на продаже интернет-услуг. Первая полноценная зарплата. На четыре тысячи сделал подарок на юбилей Натали (браслет) и две с половиной дал Саше на осеннюю одежду («У них после похорон совсем денег в семье нет»). Прямо можно гордиться, но впереди последний год школы, а это тоже нервы. Только нервы, ничего, кроме нервов. Натали говорит, вот получит сынок высшее образование, и родителям после этого помирать можно. Говорю: рановато. Но помнить, что ты лишь странник тут, – полезно. Сын думает над тем, куда поступать. Один из вариантов – юрфак. Натали: «Но ты учти, что мы с отцом будем против, чтобы ты потом работал

в этой системе». – «Мама, ты за кого меня держишь? Я – в менты? Ну, знаешь, так меня еще никто не оскорблял». – «Видел бы ты его лицо».

<...>

10.09.2013.

Все десять дней «отсрочки» шел дождь, выбрали мэра от едра – на выборы согнали всех бюджетников, врачи голосовали строем в халатах, оставшиеся голоса скупили по тысяче рублей. Фотографируешь бюллетень с галочкой в нужном месте – и на выходе предьявляешь организатору. Менты в курсе, их тоже гоняют голосовать за кого положено. Все равно явка всего 20%, в Москве и Екатеринбурге – больше 30%. Но у нас сопротивляться некому и всем наплевать.

Вчера началось, или продолжилось, предварительное. Утром ездил в монастырь, отстоял всю литургию, дважды благословлялся – сначала у игуменьи, потом у священника. Народу в понедельник было очень мало.

Начало было назначено на десять, но долго, почти час, шли закулисные переговоры. Я как жертвенный баран стою в ожидании перед алтарем. Д. снует туда-сюда между коридором и кабинетом судьи. Прокурорша с фамилией, похожей на Саакашвили, уже в кабинете. Сначала К-в вызывает Д. и долго обсуждают наши ходатайства в коридоре (К-в передает предложение прокурорских об «особом порядке» – интересно, сам он при этом смеется или нет? Якобы говорит, что на него сильно давит Х-н), потом К-в совещается с прокуроршей без Д., потом снова вызывает Д. и они уже трут мою судьбу втроем с прокуроршей – прокурорша сама говорит адвокату, что «мы сможем квалификацию изменить». Это уже не «особое» – они готовы на все, лишь бы не писать незаконный отказ на наше ходатайство. Только ведь кинут, как в феврале 2011 кинули, да и если не кинули бы – устал унижаться. Д. выставляют в коридор и в очередной, видимо, раз звонят в облсуд о том, что мы, дураки, ни на какие уговоры не соглашаемся.

Наконец, через час приглашают на заседание прямо в кабинет судьи. Все по-домашнему – сижу бок о бок с грузинкой-подполковничихой, ей между 45 и 50, темная, но, похоже, подкрашивает волосы. Седина. Она в июне была на апелляции и «проиграла» нам. Еще в уголке пара, субтильные юноша и девушка, видно, стажеры, но кто они – нам не объясняют. Хотя могли бы и сказать – заседание-то по закону закрытое. Ну да ладно.

Пошло-поехало. Формальности: зачитывают мои личные данные, в чем обвиняюсь, потом права. Четвертый раз – многовато будет.

Ведь одного, как правило, хватает, чтобы оказаться лагерной пылью. Мысленно отмечаю право «не свидетельствовать против себя, своих близких» – дойдет до существа, может, и не буду говорить. Потом Д. выясняет, нужен ли новый ордер – у него старый в деле есть, но судья-то новый – ордер второй раз не нужен. Я отдаю судье и прокурорше по копии «своего» основного ходатайства, она бросает фразу, что «это уже рассматривалось много раз». Я пытаюсь заявить и второе ходатайство, чтобы добавили в подписку Москву. К-в говорит что-то вроде, что нечего огород городить, что я могу через адвоката отпроситься на день-два. «Главное, чтобы суд знал, где вы находитесь». Соглашаюсь и не заявляю. Прокурорша запросила перерыв на письменный ответ на мое ходатайство и перенесли на два дня, на 11-е – православный праздник День усекновения главы Иоанна Предтечи. «Вот тебе и отсекут», – шутит дома Натали.

Начинаю строить планы на поездку в Москву – Д. обещал к одиннадцатому окончательно дописать жалобу в Верховный. <...>

15.09.2013.

Накатал надзорную жалобу в президиум (в Президиум!) Верховного суда РФ. САМ! Ушло два дня, и получилось в сто раз лучше, чем у адвоката, писавшего такую же целых три недели. Правда, ничего сложного не было: два законных, но отмененных решения суда мне в помощь, то есть искать и трактовать особо ничего не нужно, только компиляция и стиль. В общем, знал бы в августе 2009 года, что так затянется, поступил бы на юрфак. Мог бы уже и второй диплом получить.

Думаю, раз пошла такая пьянка, может, мне и апелляционную жалобу самому написать, а не ждать адвоката. (Не накатал – оставил Д. работенку.)

Этой осенью у меня битва с правосудием аж на трех уровнях одновременно. А против меня полчища упырей в голубых прокурорских мундирах. Ощущаю себя последним защитником Брестской крепости от вампиров.

Вчера и сегодня подвис официальный сайт Верховного суда – там образцы жалоб. Надеюсь, до завтра восстановят. Вчера психовал по этому поводу сильно, а потом взял и сочинил без их «подсказки». Натали с раннего утра уехала в монастырь на службу, а я простыл еще вчера и опять «прогулял». За окном нескончаемый дождь. По прогнозам дня на три. Но на вторник или среду обязательно добраться до Верховного суда. Лучше на вторник. <...>

18.09.2013. Марш-бросок в Верховный суд

<...> В дороге спится плохо, ноги отекают. В Москве дождь, помылся-переоделся на вокзале, метро, Новый Арбат, норвежское посольство и вот приемная суда. До открытия двадцать минут. Я третий в живой очереди. Капитан приставов сжаливается и впускает внутрь, чтобы не мокли. К девяти утра скапливается восемь человек. Молодой парень передо мной оказывается каким-то местным жучком, и его запускают внутрь до начала. Принимают по двое – кабинка и делопроизводитель, смотрит на формальности, сам текст не читает. Колотушка-штамп на мой экземпляр, листочек с телефоном справочной. Я прошел в первой паре, а поскольку документы у меня в полном порядке, я оказываюсь первым, подавшим жалобу в тот день. Пара молодых девчонок выясняет у доброго капитана насчет свидания, которое положено только в день суда. «Его из Тамбова сюда перевезли». Догадываюсь, что это апелляция по какому-то тяжкому, похоже, убийство. «Вы мать, наверное», – уточняет капитан у одной из девчонок. «Да», – а на вид от силы тридцать. Спокойная, симпатичная, не маргинальная. Сколько же «убийце»?

Расспрашиваю капитана об Олеге Михайловиче, объясняю, что старинный знакомый, спрашиваю, как разыскать, хотя бы через помощников. Капитан говорит о нем с уважением, что знал, «несколько раз бывал в его кабинете» и если он сейчас был здесь, а «он частенько к друзьям заходит» (мотаю на ус), то, конечно, меня к нему проводил бы. А с помощниками он не общается. Про себя – не судьба. Прохожу под дождем метров десять и останавливаюсь в задумчивости перед «норвежцами». Шальная мысль, а не отдать ли оставшийся лишний экземпляр жалобы капитану, увидит, передаст – мой спаситель все поймет. Бред. Бред, бред, бред. Не комильфо, просто глупо. Еще будет повод. Делаю решительный шаг вперед – вот уж точно навстречу судьбе.

Звонит Натали, спрашивает, как все прошло. Рассказывает, что только что сообщили, что председатель Верховного суда Лебедев попал в аварию в Гане, а по слухам, слон на него во время сафари напал – сломана ключица, поврежден позвоночник, выслали самолет МЧС. Вот это я съездил, думаю, вот это совпадения. Мистика. Подумал с усмешкой: «Да я – каменный гость».

В Москве не задерживаюсь – в десять утра утренним автобусом домой. Неухоженный автобус едет не по новой платной дороге, а объездными путями – трясет, сифонит. К приезду домой простыл окончательно и сегодня сходил, взял больничный. До начала суда сутки, и я не знаю, как лучше – появиться и заявить ходатайство о переносе или

не ходить вообще, пусть Д. отнесет ходатайство и копию больничного? Завтра посоветуюсь с Д., как лучше. <...>

17.10.2013.

О том, что из Верховного будет отказ, я знал уже неделю почти: на сайте вывесили – Д. первым обнаружил. Сам текст пришел по почте, когда я ходатайства писал. Почему-то отказ на бумаге подействовал на меня хуже, чем сообщение на официальном сайте. Встал из-за стола в какой-то прострации и сказал Натали: «Раз законы государства тут больше не действуют, я в своем последнем слове объявлю кровную месть Путину. Ничего другого не остается». Она восприняла все всерьез и стала причитать: «Мало тебе того, что мне жизнь испортил. Хочешь еще и сына погубить». Я как будто очнулся, стал обнимать ее без слов. Разошлись спать, а наутро даже смеялись: «А чего ты вчера Путину серьезно кровную месть собирался объявлять?» – «А то!»

20.10.2013. Котенок на букву «L»

Говорю Натали: «Давай, как у кого первой течка, ту сразу и повяжем». – «На котят хочешь напоследок посмотреть?» Ну да. Завтра у меня четвертый суд начинается: последний суд – он трудный самый. А у кошки девять недель беременность. Как раз укладывается. «Нет, перебежешь. А то мне на приговор идти, а тут роды принимать, не разорвешься».

Мозгам нужна передышка – и в голове уже крутятся не обстоятельства уголовного дела, не ходатайства и апелляции, а варианты имен на следующую порядковую букву «L»: Лизюков, Лионель, Лафайет, Лета, Леска, Лиса, Ленточка, Лебедь, Лиана, Лангедок (только что допил). Ландыш – если белый, Лютер – если черный. И еще почему-то совсем непригодные: Лужин, Лилипут, Ленин, Люмпен, Ламброзо, Лефортово.

Кажется, круг замкнулся. Финита ля комедиа.

В итоге отправил Хонду на случку. Забыл совсем написать, что один котенок от Мули уже пять недель как родился, черно-белый мальчик. Я его предложил назвать Карандашом, так и будет в родословной. Натали зовет его Мусташ – он усатеньким растет.

20.10.2013. Жалобным тоном

Почему-то я, наивный, был уверен, что где-то в Верховном суде, куда я впервые за четыре года обратился с жалобой месяц назад – 17 сентября, правовой беспредел должен кончиться. Все подряд, кто сталкивался – и в реале, и здесь в ФБ, – указывали мне на эту

наивность. Сначала, еще неделю назад, на официальном сайте Верховного суда вывесили информацию об отказе – мой адвокат увидел первым, позвонил. Я, как обычно, когда что-то важное по телефону, тупо спал. В принципе это вывесили объявление о казни. Алло, просыпайся – мы тебя расстреливаем. Никаких эмоций – все ясно. Сейчас соберусь. Даже любопытно, как все это будет.

Сам текст из суда пришел позавчера. Три странички на цветном принтере, НИ ОДНОЙ ССЫЛКИ – НИ НА ДОВОДЫ МОЕЙ ЖАЛОБЫ, НИ НА ЗАКОН. НИ ОДНА НОРМА ЗАКОНА НЕ УПОМЯНУТА. Дословно переписанное предыдущее решение Президиума облсуда, и «отказать». Разъяснений, как обжаловать дальше, – нет. Подпись: судья Верховного суда Н.И. Бирюков.

Вспомнилось «наставление» «моего» следователя Г.: «Наши ресурсы безграничны». Ну, это мы еще посмотрим, но – да: ПОКА – безграничны.

Текст судебного решения меня, конечно, убил. Ведь за неделю ожидания уже объявленного отказа можно было бы как-то подготовиться, что ли, к «формальности». «Вечная мечта палача: комплимент приговоренного за качество казни». Натали мне: «А ты что думал, кто-то ради тебя стараться будет, писать что-то». По ощущению, конечно, писал не судья, а кто-то «специально обученный», кто и заносит на подпись. Но как-то торжественнее и героичнее гибнуть под натиском врагов или злодеев – а тут халтурная бюрократическая отписка, решающая твою судьбу. Это, наверное, как девственности лишиться... в анальном смысле. Что ж... а мы крепчаем.

Текст меня застал за работой над новыми ходатайствами – завтра уже начнется процесс по существу. Четвертый. Три предыдущих у этого ебучего государства я умудрился выиграть – больше права на ошибку у них нет. Как они будут действовать, они показали. Все, что они могут, они тоже показали. У меня нет страха, у меня есть только нервы. Можно не улыбаться, но важно не психовать. Важно распределить оставшиеся козыри – хотя мы играем с ними в разные игры.

Ниже текст моей собственноручно писанной надзорной (теперь со всеми изменениями в законе она же – кассационная получается) жалобы – там нет ни про запуганных свидетелей, ни про угрозы и «предложения» следствия, ни про то, как прокуратура крышевала подпольные залы игровых автоматов, ни про то, как ФСБ выполняет мелкие «заказики» на побегушках у следственного комитета, ни про то, как соткан в единый коррупционный и смертельный (для постороннего) клубок родственно-денежных связей между судьями и прокурорами,

следователями и адвокатами. Как сотни тысяч и миллионы налички банально и безбоязненно передаются в этих «правоохранительных» кабинетах, как покупаются должности и звания. Жалоба – это другой жанр. Но в этой жалобе, где все эмоции отфильтрованы, вся моя жизнь и борьба последних четырех лет. Вся история беспредела. Читайте и не говорите, что не поняли. Иначе завтра это сделают с вами.

Заходов в Верховный (включая «инстанцию» зампреда) у меня еще может быть пять. Пять патронов, как в биатлоне. Ну и Конституционный – запасной патрон «на десерт». Если промажу все – значит, штрафные круги. Еще не поздно отказаться, поплакаться, но пострелять – это же круче. Борьба за реальные вещи дает ощущение полной жизни, но, ей-богу, давно уж занялся бы чем-нибудь более полезным. Люстрацией, например.

И еще я тешу себя мыслью, что, обламываясь на мне, эта смертельная машина не рискнет без лишней нужды так же беспредельничать на других. <...>

«Ну, допустим, пробьешь ты головой стену. И что ты будешь делать в соседней камере?»

К трем ночи дописал последнее ходатайство, формальное достаточно и тяготное по исполнению – о вызове понятых. Ни одного понятного в свидетели следствие не записало, козлы. Всего четыре ходатайства на первый день. Втягиваться в процесс надо постепенно. (Ни одного не дали заявить – ни в первый, ни во второй процесс – и когда дадут, неизвестно. Объявлять по такому поводу войну суду – себе же дороже. Терпение.)

Отписывая ходатайства к завтрашнему суду, торчал в Фейсбуке, а там срач по поводу визита к опять и снова голодающей «пусси» Толоконниковой ее бывшей адвокатши Виолетты Волковой. Отношение к Волковой и троице старых адвокатов «Пусси Райот» менялось у меня от восхищения их яркими речами до полного неприятия после смены «пуссами» адвокатской команды на Хрунову из «Агоры». Потом, когда и «Агора» оказалась сомнительной штучкой, я решил почитать ЖЖ самой Волковой, и оказалось, что она очень даже разумная и самоотверженная тетенька, которая делает свое дело, несмотря на плевки в спину и грязную клевету в свой адрес.

В общем, совершенно неожиданно в час ночи решил написать ей письмо: «Здравствуйте, Виолетта! Беспокоит Вас некто Александр Пирогов из Воронежа, экс-главный редактор областной газеты, последние четыре года подсудимый по 160-4 и 285-1 УК. Если коротко,

имел несчастье опубликовать невинную заметку, в результате которой пришлось закрыть подпольный салон игровых автоматов, крышуемый прокурорским генералом. Дело, точнее три дела под разными номерами (первое – провокацию взятки выиграл “за отсутствием состава”, два новых незаконно – имхо – возбуждались по материалам ФСБ), в сумме уже три возврата по 237 УПК. И полагаю, что дело может иметь очень высокий профессиональный интерес и в конечном итоге сто-процентные шансы на победу – если дойти до конца. Кроме того, дело – при желании – имеет шанс стать очень громким (мне уголовная слава безразлична, но может принести практическую пользу). Хотел спросить у Вас – позволяет ли Ваша нынешняя занятость поучаствовать в качестве одного из двух адвокатов (есть воронежский, от которого отказываться не собираюсь, но нужен второй и – московский) в той или иной степени занятости. Если – да, то хотелось бы обсудить варианты сотрудничества. Нынешняя Ваша ситуация с Толоконниковой, собственно, подвигла меня на столь спонтанный шаг: я имел некоторое время назад неосторожность обратиться с аналогичной просьбой к Хруновой и фактически был послан на три буквы. Т.е. сначала Хрунова спросила некоторые материалы дела, а потом наглухо перестала отвечать. Сказала бы «нет», а то чего подсудимого человека динамить. В общем, если есть предмет разговора, могу для начала скинуть текст моей надзорной жалобы в Верховный, на которую вчера получил отлуп. Самое смешное в этом деле, что оно (в четвертый раз) начинается ПО СУЩЕСТВУ уже завтра, в понедельник то есть. Итоги предварительных слушаний мы оспорили – апелляция на 29.10 (без шансов на законное решение). В общем, если готовы поучаствовать, дайте знать. И извините за беспокойство».

Ну, с Хруновой я приврал чуть-чуть – не ответила она мне всего один раз. Написал и написал.

21.10.2013. Начало славного дела

<...> К одиннадцати собрались наконец в кабинете судьи. В большой зал не пошли – все равно свидетелей и публики нет. В общем, расселись по-домашнему, камерный театр какой-то. Судья, секретарь, прокурорша, стажерка, ну и я с адвокатом.

Первый вопрос К-ва: «Что там у вас в Верховном?» Все всё понимают, но побаиваются, а вдруг.

Сначала пообсуждали возможность отложить на неделю из-за апелляции, я в одну статью УПК тычу, судья в другую. Попросил перерыв – посоветоваться с адвокатом. «Я же тебе говорил, что откажет, а

отказ нам все равно ничего не даст». Вернулись: «Ладно, не настаиваю». Чего раздражать его попусту.

Дальше все напоминает первую читку пьесы в театре: еще не по ролям, а один читчик – грузинская прокурорша. Ее, похоже, на весь процесс ко мне направили – до победного (чьего?) конца. А вообще, прокуроров в моем процессе перебивало уже больше десятка. Один алкаш-подполковник на пенсию с моего процесса ушел, юная лейтенантка-блондинка в мини, она же дочь облпрокурора – в Генку (так Генеральную прокуратуру здесь называют). Самого первого капитана, с кем в 2010 году еще начинал, выперли вроде. Может, даже и из-за меня. Он зачуханный какой-то был, все повторял: «Мы много не попросим», в итоге не попросили ничего; зато вежливый, сам здороваться подходил первый – остальные тебя в упор не замечают в своем прокурорском величии. Последний раз Дерунов был – начальник отдела по коррупции, полковник. Дуболом полный, но вроде тяжелой артиллерии – на судью прямой наводкой. Воспитывал меня, учил, как мне защищаться (ему бы в отставку и в школу, а я его затроллил процессуально – получил он третий возврат дела прокурору. Полковнику! Главному по коррупции в области! «Двести тридцать седьмую» – в третий раз! О, для этого стоило жить.

Но грузинка будет самая сильная, похоже, будет – верткая, реакция моментальная, – брешет и не моргает. «А что Конституционный? Да там на эту тему ПЯТЬ решений было». С ней легко не будет.

В общем, прокурорша – читчик. Обвинительное заключение. Хищение в форме растраты «реализуя преступный умысел» – восемь раз повторили, «на счета неустановленных следствием организаций» – по-моему, семь повторов. Сначала подчеркивал, потом сбился.

«Предъявленные обвинения ясны?» – «Ясны». – «Вину не признаете?» – «Нет» – «Совсем не признаете или в части?» – «Совсем не признаю». Так и тянуло добавить: «Ну ни капельки».

Антракт до среды. «Потерпевшего» скорее всего не дождемся. Но уже будут свидетели.

23.10.2013. День второй

О людях надо думать лучше, чем это написано в их протоколах допроса! Жизнь меня устыдила. Опросили шесть свидетелей «обвинения» – бывших моих подчиненных, из которых двое «пустышки», двое не сильно актуальны, двое дали новые показания. Простите, люди, о ком я думал хуже, исходя из ваших показаний, данных на следствии.

Накануне было жуткое желание съездить к Сашке Саубанову, своему заму, другу, а теперь и «свидетелю обвинения» – все их мерками «свидетели обвинения» (тут удивляться будет только тот, кто с судами не сталкивался). Пересилил, понимая, что все под колпаком, и даже если в ход никаких гадостей гэбня не пустит, то судье, если засекут по перемещению телефона, например, доложат 100%. Не поехал, а Сашка, как оказалось, на больничном.

Перед заседанием, назначенным на два часа, успел охарактеризовать кратко характеры и что ждать от свидетелей. Особенно, «ругал» я замредактора Шатова. Он уже изгалялся, как мог, в 2010 году, давая показания по взятке – три раза подряд тогда менял.

Сначала свидетели собирались в коридоре, здоровались, улыбались, чуть ли не сочувствовали. Не было только коммерческой директрисы Бабиной, бывшей подельницы по взятке. Сначала в зал запустили нас, потом, когда уже «встатьсудидет» вошел, запустили и свидетелей, собрали паспорта, разъяснили права, долго считали, путаясь, кто пришел, кто не пришел. Наконец, оставили «того, кто больше всех торопится», – Бабину, то ли прибежавшую в последний момент, то ли намеренно не пожелавшую пересекаться со мной в коридоре. «Постарела» она – была цветущая жопастая девица чуть за тридцать, а теперь бесцветная бесформенная мадам под сорок. Подтвердила, сама не ведая, важную для нас вещь, что базы данных по рекламе были собраны и отработаны контрактами еще до ее начала работы в отделе и что vip-клиентов «обслуживали» отдельно – все это позволяет оспаривать то, что агентские договора по привлечению рекламодателей были «фиктивные», как пишут в обвинительном.

Основные наши вопросы к свидетелям второго дня сводились к тому, были ли дополнительные неучтенные доплаты сотрудникам. Ответить ни утвердительно и отрицательно никто не может – доплаты были, но когда были учтенные, а когда неучтенные – кто ж вспомнит, прошло от восьми до четырех лет. Д. повторяет и повторяет: «Расписывались ли вы только в зарплатной ведомости или в других индивидуальных бланках?» Индивидуальные бланки подтвердили все.

Поясняю, что индивидуальные бланки-расходники легко либо уничтожить, либо переписать. Мы долго с Д. не могли прийти к какой-то позиции защиты по 160-й, но как-то стало само собой получаться, что будем «подбивать» свидетелей на получение неучтенного нала как части премий. Собственно, это лучше, чем уходить в тупую несознанку – так подрывается фабула обвинения.

Кадровичка Агибалова подтвердила, что видела электрика Лисова, приходившего работать именно в качестве электрика, ДО официального трудоустройства, что подтверждает нашу позицию, что он работал и получал деньги за работу в редакции. А за работу электриков в нашем доме мы платили сами.

И наконец, Шатов, из которого приходилось вытаскивать все клещами, подтвердил крупные неофициальные премии почтальонам, деньги на которые получал непосредственно в бухгалтерии. Грузинская прокурорша позеленела. По поведению К-ва к концу дня стало ясно, что он будет подыгрывать прокурорским, но не явно. Прокурорша же, тыкалась все время в обвинительное заключение и очень хотела, чтобы свидетели говорили четко по нему.

Ходатайств мне не дали заявить ни одного, на все один ответ: «Потом». Ну к концу дня все и вправду были измотаны. Хотя главный сюжет, первую бомбу, я объявил: продление следствия до очередных девяти месяцев было сфальсифицировано – подписано на полгода позже. И попросил приобщить фотокопии материалов дела, сделанные Д. во время ознакомления. Подписывать должен был первый замначуправления Следственного комитета Иван Ковалев, также требую вызвать свидетелем. Судья ухмыляется: «А что, вы думаете, он в суде что-то скажет?»

Поскольку потом еще три раза срок следствия продлевали со ссылкой на неподписанное предыдущее продление, дело опять надо заворачивать назад прокурору. Прокурорша буквально визжит: «А почему вы не заявили об этом во время подписания ознакомления?» – «А что, разве я обязан был помогать следствию или я мог предположить, что следствие займется фальсификациями?»

Тяжелый судебный день быстро свернули, так и не дав приобщить это ходатайство. Сразу после заседания К-в вызвал к себе Д. неофициально и в присутствии прокурорши «ругал», что это он надоумил меня обратить внимание на несуществующую подпись. «А то он сам слепой или тупой». В общем, К-в «попросил» не подавать никаких ходатайств до того, как он опросит свидетелей обвинения, «а то он запутается со всем» – передает его слова Д. Но то, что К-в позволяет себе «ругать» Д., меня сильно напрягает. Они ВМЕСТЕ ищут приемлемый вариант, а уже это меня не устраивает. Я хочу защищаться в полную силу. Впрочем, может, это Натали мне последние дни прожужжала уши, что Д. важнее сохранить хорошие отношения с К-вым, чем мои интересы, что «ему в этой системе еще работать».

Д. радуется показаниям Шатова очень искренне. Говорит, что теперь им очень сложно будет «вменить» всю сумму. На собрании без обвиняемого они определили следующие даты заседаний: 5,7,11 ноября – и свидетелей. Сначала два дня – журналистов, на третий – двух бухгалтеров. На том расстаемся.

Натали комментирует день: «Пока живы». Приехав домой, понимаю, что эмоциональное напряжение просто безумное. Ни ванна, ни вино его не снимают. Двое суток хожу абсолютно взвинченный.

Через двое суток получаю ответ от Волковой, о которой я за перипетиями совсем забыл: «Я не хожу на этот аккаунт... Я на втором – этот технический. Позвоните мне, если еще не поздно, хотя бы поговорим». И номер мобильного телефона. Созваниваюсь – приятный голос, пересылаю с помощью Натали все материалы дела и тексты жалоб. Созваниваюсь еще раз – все получила, но читать еще не начала. Созвон завтра.

Натали идея нанять Волкову очень нравится: «Тогда тут все офигеют окончательно. Да и то, что она с местными не связана никак – это очень важно». Виолетта Волкова становится уже символом надежды, хотя никакого ответа еще не дала. Гадаем, во что выльются ее услуги. «Политических» она защищает бесплатно, но я на политического не претендую, готов платить, готов последнюю машину продавать. Хорошо – готов предпоследнюю, Натальину. На мой «жигуль» много адвокатов не наймешь, а ездить надо. Точнее, занять под продажу машины у Андрюши Книжника, но с тем, чтобы ее не совсем продать, а получить через суд деньги за реабилитацию по взятке. Это дело не быстрое, да и раньше времени подавать иск не стоит – дополнительно злить прокуратуру.

1.11.2013.

<...> Три дня назад была апелляция по предварительным слушаниям. «Была» – громко сказано. Сидим с Д. и стажеркой в коридоре облсуда, ждем апелляцию свою. Мимо в зал брателло такой проходит, самодовольная ухмылочка, стриженный-накачанный-распальцованный. Под тридцатник, плюс-минус. Ну мало ли кому что надо в суде решить.

Вызывают. А брателло этот уже на подиуме за дубовым столом... и в мантии. К судебной коллегии, чуваки, отводы есть? Это я, короче.

Грузинская прокурорша с места в карьер: на основании решения Конституционного суда номер такой-то от такого-то, поскольку жалобы, поданные в предварительном слушании, может повторно заявлять

при слушании дела по существу – права подсудимого не нарушаются, прошу апелляционную жалобу вообще не рассматривать. «На фиг», – почему она не добавила «на фиг»?

Ухмылочка: «Суд удаляется».

Пока судья-браток в совещательной комнате, секретарша в тишине громко болтает по телефону – пустой бабий треп, доболтать до конца не успела. «Наша честь» выходит через пару минут от силы (больше не выдержал ломать комедию), и с нескрываемым торжеством: «Ходатайство прокуратуры удовлетворить, в апелляционной жалобе отказать без рассмотрения по существу, заседание окончено». Грузинская прокурорша даже не передала ему текст жалобы. Спектакль окончен.

Судья. Б**. Областного суда. Б**. «Ваша честь».

Отказал чисто конкретно.

Болтливая секретарша судьи-братка категорически отказывает Д. выдать решение лично в руки. Это еще пару недель затяжки намеренной.

Такой наглости никто не ждал. Нет, никто и не рассчитывал на положительный результат. Но – без рассмотрения. Да. Днем Д. разбирался с постановлением Конституционного суда, на которое они ссылаются. Говорит, что вроде есть лазейка такая, ну а если есть лазейка, то ничего нам не видать при дальнейших оспариваниях, даже в Верховном.

<...>

Вернувшись с муравьиного острова, наконец дозваниваюсь до Виолетты Волковой: «Почитала, но я не совсем понимаю, чем я вам могу помочь. Такой беспредел – везде. В принципе у меня до начала суда с Удальцовым время есть...» Ну, все ясно, никакого желания мотаться в провинцию, пусть и достаточно близкую, у нее нет. Тем более, вид денежного клиента я не произвожу. А большого пиара на мне не сделаешь. Но сама предложила поконсультировать меня по скайпу в субботу. Не знаю, какой от этого будет толк. Надо бы завтра написать интересующие вопросы.

Беру 0,7 правильного «Арарата», хурмы, яблок и заодно сала – какой-то рефлекс: «Сало как успокоительное». Нашлись еще тещины конфетки. Со всем этим содержимым и ноутбуком заваливаю, как римский патриций, в ванну. Выпил полбутылки, добавил пену и включил гидромассаж. Полная нирвана, не хватает только лезвия, чтобы вскрыть вены.

Из ванны написал в Фейсбуке объявление, что ищу за скромную плату адвоката с опытом подачи жалоб в Конституционный суд. От-

кликнулось пять человек. Изю всех самый внятный оказался наш местный и старый, хотя и не близкий, знакомый Илья Сиволдаев. Он тоже из правозащитников, в которых я успел разочароваться сто пятьдесят раз. Я ему отослал текст моей надзорной жалобы. Он сказал, что, по его мнению, есть перспективы в ЕСПЧ, да и про Конституционный писал так, что, похоже, имел уже с ним дело. В общем, переписка с ним меня немного вдохновила. Встретимся через неделю – пока он занят.

Вчера у Натали начались неприятности на работе: нахамил при всех и не по делу новый директор, это можно расценивать как намек на увольнение, можно хлопать дверью, но не в нашей ситуации. В принципе она и не питает иллюзий: говорит пару месяцев еще продержусь, чтобы дополнительные тридцать тысяч за выслугу получить. Могла бы уйти в мэрию, пусть даже на меньшие чуть-чуть деньги, но там ее забракуют из-за меня. Всех кандидатов проверяет ФСБ. Положительное заключение, если на высокие должности, стоит денег. В принципе пока нет еще на мне судимости, она может еще проскочить – речь-то о технических должностях. А вот после – шансов никаких. Жена за мужа отвечает.

Овдовевший отец Саши, девушки нашего сына, забухал, денег в семье нет, а еще висит кредит из-за похорон. Натали утешает Сашу: «Значит, любил, раз так убивается. Было бы хуже, если бы новую бабу в дом привел».

Вечером – сроч. Привычный деньгосроч. Возникли непредвиденные расходы. Минут пятнадцать она меня третирует – весь репертуар известен много лет: «А вспомни наш первый Новый год? Ты тогда тоже из-за денег скандал закатил, а ребенка в школу собирать – ты мне: “Пришли список Мещерякову по электронке”. Надо как Рита: обанкротился муж, завела следующего, и так далее. Будем разводиться, я сделала ошибку двадцать лет назад и три года назад, когда мы второй раз поженились. Ты за меня держись, потому что после меня тебе не с кем трахаться будет – всем нужны платежеспособные мужчины». Я сдерживаю желание убить то ли ее, то ли себя. Скорее второе.

Натали потребовалось 35 тысяч на закрытие счета индивидуального предпринимателя в Пенсионном фонде – либо «реши вопрос», я знаю Председателя, но это не значит, что он будет оказывать мне какую-то, фактически денежную, помощь. Я психую, потому что деньги последние совсем-совсем. Натали уже несколько лет не ведет деятельность индивидуального предпринимателя, но не закрывалась на всякий случай. После советов в налоговой решила закрыться, а затем открыться в форме ООО, но не все так просто. Через полчаса сроча

успокаиваемся – у меня сутки уже нет Интернета. Может, это и есть настоящая причина срача – интернет-зависимость и ломка от нее? Натали начинает пересказывать, что «творится» в мире. Телевизор тоже в очередной раз отрубился за неуплату.

4.11.2013. Казанская щепка неизлечимо больна

Опять ночные мои бдения, и на литургию не пойду – под утро усну. Страдаю от этих «прогулов», но ничего со своим образом жизни сделать не могу, безвольный овощ.

Позавчера очередной сеанс связи с Виолеттой Волковой закончился ничем: «Перезвоню вечером, а то у меня семейное мероприятие». Не перезвонила. Да я уже и не верил. Настроения навязываться нет. Хотя, может, и напишу ей в Фейсбук какие-нибудь вопросы. В общем, очередное разочарование. Сегодня паялился на сайт и в ЖЖ Анатолия Кучерены, одного из трех самых статусных адвокатов России, верного путинца. Попаялился, как к нему можно обратиться лично, – нет информации. Только «юридические вопросы до 1000 знаков».

Что-то надо делать – плохо умирать молча и в одиночестве, но фатализм зашкаливает. Любое действие – на интуиции. А эта интуиция чаще подсказывает ничего не делать. Вот не привык быть в просильщиках, кланяться не привык. Гордыня-с. Она и до тюрьмы, и до сумы доведет.

Смотрел сам те решения Конституционных судов, по которым отказал судья-браток. Там оказалось два взаимосвязанных решения. Увы, ловить нечего – браток братком, а отказал как бы законно. То есть – в щелочку в законодательстве пролезли. При этом в такой же ситуации представления прокуратуры рассматривали – им, пожалуйста.

Присматриваюсь к приближающейся амнистии. Вроде настраиваю себя идти до конца. Значит, никаких амнистий не подписывать. Но в голове история, как несколько человек по знаменитому делу «Трех китов» отказались закрывать по нереабилитирующему основанию «за истечением срока давности» и получили реальные сроки – от четырех до восьми лет.

Амнистия в настоящем состоянии дел мне светит только за электрика, но... Если, с одной стороны, Путин не ужесточит условия (пока – до трех лет) и под нее подпадет «моя» 160-я УК – «присвоение и растрата». Но при этом должна попасть и «моя» «четвертая часть» – особо крупный размер. Если не попадут, то тогда суд должен переqualифицировать мне статью. Или влечь три – и сразу от наказания освободить. С другой стороны, раскайся – и всех делов. Но – гордыня-с.

Запел про гордыню – это плохо, уговариваю себя. В любом случае – бороться, терпеть и ждать. Каждый свидетель важен, до следующего заседания с четырьмя свидетелями остались сутки – а я опять не готовился. Ничего, успею.

У Щепки, она же Крошечка-хаврошечка, младшенькой, самой ласковой, самой обижаемой большими злюками-кошками, несколько дней назад вздулся живот, пропал аппетит. Натали называет болезнь – ФИП. Какой-то вид инфекционного перитонита. У Хаврошки, взятой из московского питомника полтора года назад, от этого ФИПа двое братиков умерло. Натали долго роется в интернете по кошачьим форумам и выносит вердикт: неизлечимо. Говорит, что все может случиться довольно быстро. И она, и сын – за усыпление. Не сейчас, а «когда наступит момент, чтобы не мучилась». Андрей весной видел агонию малыша Киндерсюрприза. Натали вообще много что в этом смысле видела. Говорит, что повезет сама. Хватит ли мне сил поехать с ней? С другой стороны, много лет назад с нашей первой кошкой Касей было нечто подобное, Натали ревела и «хоронила» ее, но толстуха Кася выкарабкалась и жива-живехонька до сих пор.

Щепке еще не больно, она сама приходит и ко мне, и к Натали, но чаще лежит на теплых батареях. Она ласкается, и, когда гладишь, а уже одни кости на спине, или держишь на коленях, или носишь на плечах, Щепка громко мурлычит – и именно от удовольствия. Я пишу это, придвинувшись к «ее» батарее, чтобы можно было погладить не вставая. Но сейчас Щепка спит.

Я вспоминаю, как ее обижали большие кошки и она приходила под мою защиту. Кошки мирились, но Щепкины раны не заживали очень долго. Сейчас следов нет. Может, все еще как-то наладится, поболит и перестанет. Я задаю себе вопрос: готов ли я просить у Господа ее выздоровления, пусть меня посадят, лишь бы она выздоровела. А если не готов, то чего стоит эта моя «любовь». А ведь именно Щепка – вот, проснулась милая моя, – существо, которое любит меня больше всех на свете.

Когда она смотрит на меня, это предел бесконечной преданности и искренней нежности. Мы ее забрали в два месяца, оторвали от матери – это очень рано, но хозяйка питомника собиралась в отпуск и очень хотела «избавиться» от Щепки до отъезда. Вообще-то Щепка – дочь чемпиона мира, но какое это имеет значение. Ей самой счастья в ее кошачьей сложной жизни это не добавило. Два или три месяца она жила на мансарде вместе с Силантием – как бы на карантине. Ревнивые кошки-самки могли бы такую малышку если не убить, то запро-

сто столкнуть с лестницы. Когда ее, подросткую, перевели в дом, бабушка начала терзать ее. Так бывает всегда у кошек, но только короткое время, через месяц все начинают друг друга любить. Со Щепкой этого не произошло, она часто рычала на «старших» кошек и получала тумаки и от старой скандалистки Бруны, и от утверждающей свое первенство в стае красотки Хонды. Крупная Ива со Щепкой дружила всегда, но защитница оказалась никудышная. Поэтому, где только мог, Щепку защищал я. После каждой стычки она бежала ко мне. Вся стая спала с Натали в спальне, и только одна Щепка – со мной на диване в гостиной. В последний месяц спальня закрывается – там сейчас маленький котенок, и стая спит со мной. Щепка пристраивается жить (или умирать) на теплые батареи. Перелезла с батареи ко мне на кресло – я пододвинул, чтобы ей не было тяжело взбираться, – подумала, и тут же вернулась на теплую батарею. На меня не смотрит – взгляд в стену. Не спит, а время спать. Если мы не спим, мы страдаем.

«Объясни – я люблю оттого, что болит? Или это болит оттого, что люблю?»

4.11.2013. Вечер перед судом

В прошлую ночь уснул в шесть утра, спал почти весь день с перебивками на еду и интернет. Изучал проект амнистии, похож на окончательный. Если коротко: все впервые осужденные до трех лет выходят, условные приговоры и дополнительные наказания – аннулируются. Сроки до пяти лет половинятся, до десяти – сокращаются на треть. Моя 160-4 – не подпадает под закрытие до приговора. Таким макаром, получается: прокуратура просит семь, суд дает шесть и сокращает сразу до четырех – это худший случай. Или просят шесть, дают пять, по половинке остается два с половиной года. Это вероятный вариант, даже если стоять до конца. А если «каяться», то условно и, похоже, ничего не будет – «признать виновным, от наказания освободить».

Я еще в 2010 году к юбилею Победы на амнистию рассчитывал – моя тогдашняя «мелкая взятка» подпадала бы, но тогда выпустили всего 63 ветеранов по всей стране. Насмешка. Та амнистия, если бы я на нее согласился, оставила бы меня с кой-какими деньгами, теперь все высосала система, и молчащим в тряпочку, не желающим лишней раз открывать рот в стране ментов. Не было бы никаких новых дел – даже не могу предположить, чем бы я занимался. Я и сейчас не знаю, что буду делать, когда все закончится. Если все закончится.

Завтра – четыре свидетеля. Трое хороших, все теперь заместители главреда, которых я когда-то брал на работу корреспондентами, и

совершенно безумная корейская бухгалтерша, двадцатипятилетняя скандалистка, сестра прокурора, взятая на работу новой властью. Мне рассказывали, как она угрожала свидетелям: «Кто признается, что получал неофициальные доплаты во время моего редакторства, будут возвращать деньги». Ладно, посмотрим, что за «гангам-стайл». Все равно, свидетельница ни о чем, но подтроллить можно. Я за ковырянием в амнистии расслабился и не почитал показания замов – раз, и не нашел (а теперь уж и не найду) их опросы, сделанные моим старым адвокатом. Их «спрятали» в старом деле, в новое не перевели, Г. мне в ходатайстве отказал, причем, не гнушаясь откровенной ложью. То, что я толком не подготовился к этому дню – неоправданное раздолбайство. Можно и иначе сказать, что это вера в авось и людей.

Щепка так и живет на теплой батарее. Кое-как ела рано утром. Натали призывает не акцентировать на ней внимание: «Как живет, так живет. Пытаться что-то делать это только ее мучить и оттягивать агонию». Но обещала еще раз – «для твоего спокойствия и моей очистки совести» – проконсультироваться с ветеринаром. А красотка Хонда, похоже, забеременела. Если так, то ее котят я должен увидеть до приговора. Спит эта начальница стаи прямо сейчас на моих яйцах, греет и сама греется – привычная поза, но не сдвинешься, не пошевелишься.

Судя по настроению К-ва, он будет проводить два заседания в неделю – минимум. Совершенно другой ритм жизни будет с завтрашнего дня. А то ведь четыре года лежания на диване было. К-в хочет за месяц всех свидетелей обвинения «прогнать». Все-таки пойду на поводу у К-ва и не буду ходатайства подавать, пока все «их» свидетели не будут опрошены: угроза всегда сильнее ее исполнения.

Сын помогает, чем может: ковыряется со старым раздолбанным ноутбуком, пытается найти адвокатские опросы завтрашних свидетелей для отца-уголовника. Любит, заботится.

Согнал Хонду, взял к себе Щепку – лежит у меня на груди, мурлычит. Есть отказалась.

6.11.2013.

До заседания за полчаса совещаемся с Д. по свидетелям. Он все о том же: надо определяться с будущей позицией. Типа пытаемся ли мы соскочить с хищений на злоупотребления. Вроде логичный вопрос. Ему надо знать, к чему свидетелей подводить, а я во всем ищу подвох. Дескать, выясняет исподволь: соглашусь ли или нет. Глупость, с моей стороны, но ничего со своей подозрительностью поделаться не могу. Д.

предложил подать в Верховный суд еще раз, по другим основаниям и от его имени. На том основании, что Президиум облсуда вышел за пределы своей компетенции и предопределил выводы, не исследуя доказательств. Я че, я согласен. Но опять думаю, а не недоумил ли кто Д. на это дело? Опять подозрительность.

Само заседание проходит ни вашим ни нашим – если по свидетелям. Сначала корейнка-бухгалтерша вещала ни о чем. Мы знали, что она нервная и ее можно подтроллить – Д. ее и завел. И она ему в ответ хамила, а он ей: «Это вы у себя в бухгалтерии будете так вести».

Трое «моих» свидетелей-журналистов путались, что-то вспоминали, по шесть-восемь лет прошло – о неофициальных доплатах, что-то нет. Прокурорша их сбивала, потом почему-то затребовала в конце зачитать показания запутывавшегося Саубанова, который получал доплаты по двадцать тысяч в месяц и сказал об этом на следствии. Создалось ощущение, что и прокуратура готовит почву под перекавалификацию. Но это я желаемое за действительное выдаю.

В конце заседания было шоу. На прошлом заседании К-в не дал мне возможности приобщить ПИСЬМЕННОЕ ходатайство о подделанной подписи. С самого начала нынешнего К-в объявил, что все ходатайства мы будем подавать после допроса всех свидетелей. Возражений нет – себе дороже. Судебное заседание заканчивается. Все измотаны опять. На обед никто не успел. И тут К-в: «На прошлом заседании поступило ходатайство Пирогова, бла-бла». Прокурор: против, основание – я не заявлял при ознакомлении об отсутствии подписи. Д.: мы же не просим признать недействительным – мы просим всего лишь вызвать свидетеля. Меня даже не спрашивают. К-в, повышая голос – еще не крик, но видно, что сам понимает, что совершает подлость и беззаконие: «Суд без удаления в совещательную комнату постановил отказать в удовлетворении ходатайства как необоснованном. Неизвестно, когда все это снималось». Я от неожиданности начинаю не то, что возмущаться, а спрашивать могу ли я приобщить к делу текст жалобы? К-в раздраженно: «Нет». – «Но я же подавал ее письменно, а не устно». К-в: «Все, поезд ушел». Д. подходит ко мне (никто уже не слышит, заседание окончено): «Не раздражай его, он может на тебе отыграться. В конце концов, у нас есть право повторно подать ту же жалобу».

Понимаю, что К-в будет творить такой беспредел, какой ни К., ни М.Б. – самым «заслуженным» подпрокуроренным судьям – и не снился. «А ты чего ждал? Чего ты удивляешься? Ты что тут еще не разглядел, что на что-то надеешься?» – мне хором и Андрей Книжник, и На-

тали, и сестра, и теща, и даже сын. «А он чужак не мог понять никак... если здесь его дом... его родина тут».

До суда несколько часов, день самый важный, один из. В свидетелях – первый зам и друг Олег Мещеряков и завхоз Масликова, от нее много чего жду плохого. Но Олег, конечно, важнее – только с его показаниями можно все дело развалить.

Как назло с Д. до процесса сложно будет встретиться: он завис на Украине, на допросе на таможенном посту, таможенника хлопнули на взятке – вернется только ночью. В процессе будет спать фактически. Блин, по-хорошему бы отложить процесс. Но, увы. Ладно, затягивай нашу походную: Вра-а-агу не сдастся...

Щепка ничего не ест второй день, а то и третий уже. Правда, сегодня пила – и много. День весь сидит на батарее, но вечером приходит сама на колени. По очереди то ко мне, то к Натали. Как будто прощается. Иногда смотрит с колен на меня пристальным взглядом, не отводит. Посидит и сама уходит на батарею греться. Ходит, не скажешь, что совсем слабая – двигается нормально, на высокие прыжки – сосредотачивается, берет паузу, но прыгает. Я в нескольких местах стулья рядом с батареями подставил, чтобы ей не приходилось лишней раз высоко прыгать. Мается: посидит пару-тройку минут на одной батарее, по столу перейдет ко мне на полминутки и на другую батарею переходит. Спит на них же. Натали совещалась с ветеринаром: вердикт неутешителен. Можно колоть поддерживающие витамины, но это только мучить животное и продлевать агонию. «Пусть все идет, как идет». «Когда настанет момент». Натали сказала, что можно вызывать усыпление на дом, чтобы не было у бедняжки еще и стресса от поездки перед смертью. Даже если легальный исход неизбежен, а по внешнему виду и поведению еще можно надеяться на чудо, я бы хотел, чтобы все произошло естественным путем. <...>

Созваниваюсь с Олегом. Он ничтоже сумняшеся мне рассказывает, что «представитель потерпевшего» «Серегга» дал ему освежить в памяти протоколы допросов. Я хотел вечером заехать к Олегу домой, но он отказался: «Да ну – футбол». Сказал искренне. Сказал человек, которого я считаю одним из лучших друзей, а Натали любит злобно втыкать: «Ты все сделал для благополучия семьи Мещеряковых». Футбол важнее ему моей судьбы, так получается. Олег – болельщик «Спартак», а играет «Зенит». Впрочем, ничего это не значит – завтра, все произойдет завтра. От Олега зависит многое, если не все: будет хоть чуть-чуть сваливать в мою сторону – одно. Будет что-то брать и на себя – совсем другая картина мира будет. Ему есть, что терять. Он –

теперь главный редактор. Правда, без права подписи, но все равно. Волнуюсь ли я перед завтрашним днем. Можно сказать – да, можно сказать – нет. Но какой-то фатализм присутствует. Ничего еще вообще не делал, а уже десятый час вечера. Пойду-ка я футбол посмотрю. Блин, «Зенит» этот не-на-ви-жу!

Пришла Щепка сидеть перед моим нетбуком – тупой бомжефутбол отменяется. «Зенит» так и не выиграл домашний свой матч, ничейку сгонял. Принес ей воды – не хочет.

Потом я лег на диван, а Щепка улеглась мне на грудь – так я и читал протоколы допросов с умирающей кошкой на груди. Пришел сын и сел рядом, ему любопытно, я его в детали своего уголовного дела не посвящал, перед обысками из дома старались заранее выпроводить – сначала мал был, а потом уж так повелось. Начал читать допрос Масликовой, там, где я якобы самолично занимаюсь закупкой газетной бумаги – смеется, говорит: «Зная тебя, это полная фигня. Ты бы командовал, а не счета выписывал». Потом долго читал допрос Мещерякова, где вообще история моей работы подробно изложена. Вопросов задавал мало. Я пока ни одного вопроса не написал – все в голове. Кружится, но не оформляется в текст. Не айс. Хотя бы чтобы перед глазами у адвоката было.

Вопросы, пока от руки и только Мещерякову, подготовил к часу ночи. Надо собраться с силами перепечатать и распечатать. Натали кормила кошек на ночь сухим кормом, Щепка вроде подошла, поинтересовалась едой. Я бегом на кухню: мелко нарезал куриный пупок. Ешь милая, слезы почти, да не почти – слезы. Ешь милая. Не ест.

Ночевать пришла ко мне. Ревнивая Хонда и тут попыталась ее ударить, но была разогнана. Так и будем ночевать вдвоем: я и умирающая кошка.

Ребенок помог печатать тексты вопросов к Мещерякову, я диктовал – он набирал. Посмотрел заодно, как на диктанта, – приличная грамотность. А запятые я сам его попросил не ставить, чтобы быстрее было. К двум ночи управились. Андрей попросил взять его с собой на суд – я аж опешил. Прочитал лекцию, как надо себя вести в суде. Но, думаю, не проснется – проспит. А добудиться его невозможно.

Щепка спит рядом на диване в обнимку с Ивой, лучшей своей подружкой. Как будто ничего и не случится. А мне совсем не хочется спать. Это не значит, что я нервничаю, просто другое агрегатное состояние организма.

В новостях – «кущевские убийцы» Цапок и его поделщик выступали с последним словом: виновными себя не признали. Там двенадцать

трупов, включая двух малолетних детей. Два подельника пошли на сделку со следствием и получили по двадцать лет, еще один повесился. А они... непонятно, кстати, имели ли эти двое непосредственное отношение к убийству – пресса наша совсем ленива, даже такое громкое дело почти никто не освещал. Я не знаю, можно ли по отношению к этим людям применять слово «мужество». Но вот им-то пожизненное грозит, а они не признаются. Правда, там суд присяжных и какая-никакая надежда. Но все же.

Это я про себя, про свои внутренние порывы – слиться, выторговать, что можно и свернуться. Может ли быть, что я так жалок на фоне этих убийц женщин и детей. <...>

8.11.2013. Мертвому, конечно, спокойней, да уж больно скучно

У меня, как выяснилось, остались друзья, которых ни следствие, ни прокуратура не смогли запугать.

Сначала «встречи на Эльбе» в коридоре суда. Завхоз Масликова – злобная одинокая мужененавистница за пятьдесят. Деревенское круглое лицо – бесцветная тетка, типаж сталинского времени повальных доносов. Живет с мамой на цыганской окраине, все, что можно, тащит в дом, который бесконечно ремонтирует. В газете отвечала за поставки бумаги и ремонты, она – единственная, кто может подтвердить, что Лисов работал в редакции до того, как был у меня дома. На следствии открыто лжесвидетельствовала. Взгляд недобрый – мягко сказано, перекошенный злобой, как бы тихо торжествующий, такие сдавали фашистам партизан, либо в вохре. Работала в газете задолго до меня, еще уборщицей начинала. Если есть в редакции профессиональный сексот, это именно она. А еще я у нее стол отобрал. Был в ее кабинете хороший дубовый стол двухтумбовый, по бартеру, но нигде не оформленный. Я как раз домой себе искал. В общем, дал я ей то ли тысячу, то ли полторы плюс новый стол попроще и бутылку коньяка. Надо было ее уволить, надо. Хотя формально не за что было.

Масликова просит ее отпустить: ей надо бумажки в типографии оформлять, говорит, что по понедельникам и четвергам не может в суд. «А в остальные дни с удовольствием». Ее отпускают, и неизвестно, когда теперь вызовут – следующие два запланированных судебных дня как раз вторник и четверг. Видно, что очень она не хотела выступать.

Олег Мещеряков нервничает, ему есть что терять. Начинают с него. Допрос длится больше часа. Грузинская прокурорша прессует, как может, хамит, перебивает, комментирует, объявляет, как должно быть,

потом говорит: «Что вы мне объясняете, как должно быть, вы говорите, как было. Мы с вами люди с высшим образованием, что вы мне говорите». В общем, сбивает моего главного свидетеля, как может. Олег подробно рассказывает о системе доплат, существовавшей в редакции, об официальном ограничении фонда заработной платы и гонорарного фонда, о том, что ни один квалифицированный журналист на зарплату в семь девятьсот не пойдет работать. О том, что рекламу, придя с улицы, не привлечешь, где может, выкручивается, но в целом его показания связны, логичны, объемны. Никаких хищений, никаких растрат.

Из зала наш процесс выгнали. Всего три зала на пять судей, но конвейер по переработке людей в тюремное население должен работать безостановочно. Следующее дело – «стражное», клетка нужна. А нас перемещают в кабинет судьи. Последний свидетель дня – фотограф Миша Кирьянов, ему скоро шестьдесят, а он все как ребенок. Выступает искренне, эмоционально. Даже у нашей грузинки интонации в голосе с прокурорских на человеческие сменились. А когда Мишаня начал рассказывать, как я ему семнадцать тысяч на операцию на глазах давал, секретарша судьи чуть не прослезилась. Да публики в тот день явно недоставало. Я все удивляюсь, что ни один журналист за все время процесса не приперся. Я их не люблю, меня они не любят. Но это ж суперинформповод. Это ж сюжет. Ну, хорошо – госсми ссут, или команда дана. А не-гос, у них-то поводок подлиннее. Но нет, все подментованны. Да и ленивы стали совсем – дальше переписывания прокурорских пресс-релизов и разжевывания мусорских сливов их умения не распространяются.

После окончания судебного дня Д. остается у К-ва. Жду полчаса – пропал, я даже подумал, по другой лестнице спустился и ушел. Звоню: не берет трубку – значит, у судьи еще. Наконец выходит – идем на улицу.

Очередное предложение, от которого нельзя отказаться.

Подментованная моя Родина в лице судьи К-ва через моего адвоката опять предложила мелкую свободу при условии «признательных» показаний. Вместо 20 миллионов «ущерба» переквалификация растраты на 285-ю (злоупотребления) и 80 тысяч штрафа. «Реальное, настоящее предложение, – настаивает Д. – Ведь из этих двадцати мультов, не все же в дело пошло – тебе же тоже доставалось». При этом электрика Лисова надо тоже признать в полном объеме и присудят возмещение ста пятидесяти тысяч. В первом приближении, кроме Лисова, приемлемо вроде. Альтернативу Д. озвучил прямым текстом: «Сказал, что, если он будет продолжать меня нервировать, даст пять

лет общего режима. А нам с Наташей потом к тебе в тюрьму ездить». Я в растерянности. Д. говорит, что предложение будет действовать короткое время, а К-в сам будет согласовывать это сначала со Следственным комитетом, а потом с Х.. Искушение, однако. Я даже не понимаю, что это просто шантаж.

Начинаю расспрашивать, есть ли в действиях Ковалева, подделавшего подпись, состав преступления? Говорит: «Есть, но не докажем. И что тебе надо – результат или поиграться с огнем?» (Про подделку справки из поликлиники я молчу, а Д. об этом не знает, а теперь и не узнает до последнего – утечка недопустима). Спрашиваю, штраф – это судимость? «Да, уголовный штраф – это судимость, которая снимается через год». Говорю, что денег совсем нет и не хочу за электрика чужое платить. Д. говорит, что прокуратура не пропустит еще одно сокращение ущерба, настаивает, чтобы я посоветовался с Натали. При этом повторяет: «Детали можно обсуждать». «Предварительно говорю – да. После разговора с Наташей перезвоню». Еще в обсуждении Д. говорит как бы вскользь об очередном возврате прокурору, но для пересоставления обвинительного – для переквалификации с «тяжкой» растраты на «средние» злоупотребления. Д. при этом считает, что нам это ничего не даст. Сначала не придаю этому значения, а уже вечером соображаю, что это одна из мыслей К-ва, как соскочить. Он хочет соскочить не меньше, чем я. «Он – нервный, вспыльчивый, – повторяет Д. – Может и реально посадить. Ту же бумагу оставит как растрату. Говорит, что с бумагой ему все ясно». Припугивает на дорожку меня мой адвокат. Голова моя туго соображает, и в ней крутится только сожаление, что я «не дотянул до амнистии».

Весь в возбуждении мчусь к Натали на работу, тут рядышком – одна остановка. Говорить приходится на улице – ее кабинет уплотнили, и при посторонних не общаешься. Свежий ноябрьский солнечный воздух пьянит, избыточный кислород бьет по мозгам. В общем, излагаю суть предложения. Выводы Натали: «Надо переспать ночь с этим предложением, не звони пока Д.». – «Может, мне лучше все-таки сесть, но побороться?» – это я уже игриво. Игривый и ответ: «Сядешь – разведусь».

Дальше еду к сестре, точнее – сестрам. Родная Ольга и двоюродная Марина теперь работают вместе: пытаются издать рекламный справочник. Марина, отставная майорша МВД, оказывается, прекрасно знает К-ва и даже рвется поговорить с ним. Я – против. Знает и прокуроршу, но хуже. Говорит, что была замужем за следователем, но развелась. Неожиданно звонит Д.: «Вот тебе домашнее задание – прикинь, куда

и как ты девал деньги». Говорю, что сложно вспомнить будет. В общем, стало ясно, что он еще раз побывал у К-ва и озвучил мое предварительное согласие. Но – стоп, – Д. О том, чтобы давать признательные, да еще до того, как все свидетели выступят и все ходатайства будут заявлены, об этом речи не было. Это измена, Д. Ну, хорошо, не измена, будем считать, что мы друг друга неправильно поняли. Почти тут же звонит Натали, чтобы я не торопился звонить Д. с ответом. Я ей не сказал, что я предварительное согласие уже дал.

Сестры разделились: Ольга – сдаваться и начинать новую жизнь, как все закончится, обещает бартерную путевку в санаторий. Марина – против: «Плохо, что судимость, даже если сразу погасят, останется пятно на всю жизнь. Хотя я за двадцать лет службы поняла, что теперь эту систему пробить невозможно. Раньше еще были бы шансы – теперь нет». В общем, рецептов не дает.

Поехал париться в баню к Андрюше Книжнику: изложил предложения – все «за». «Однозначно». И Андрей, и жена Даша, и друг его детства, приехавший из Америки. «Если только не кинут».

Вечером дома семейный совет с Натали под бутылочку «бордо». Рассказал, про звонок Д. с «домашним заданием». Она привычно костерит Д. – «продался», я привычно его защищаю: «Ты же не видишь, как он работает в процессе. А он хорошо работает». – «Что ж ты мне днем не сказал, что дал предварительное согласие». В общем, решили, что это развод и сдача на милость победителю. Никаких показаний до того, как все ходатайства будут приложены в деле. Но от предложения не отказываемся: если они сами затеяли эту игру, пусть сами и выкручиваются и делают приговор без моих показаний и признаний – оспаривать не будем. Про себя думаю: «Не сразу». Но я молча понимаю, что это «встречное» предложение не пройдет и надо готовиться в тюрьму. Натали уходит спать, а я втихаря выпиваю еще одну бутылку красного – нервное возбуждение все равно остается.

Вечером звонит, сильно шифруясь, Олег. «Ну как я выступил? Прокуроршу хотел убить». Извиняется, что отказался со мной встретиться до суда. «Все равно с работы только в полдесятого вечера ушел. Ты пойми, нам сейчас общаться нельзя. Меня не так поймут». Я его благодарю, рассказываю, что есть предложение – о переквалификации. «Да уж, мы злоупотребили». Что ж, интересы друзей иногда расходятся. Важно, чтобы человек из-за этого не стал предателем. Олег не стал.

На семейном совете присутствует еще один «важный человек» – Щепка, которой все хуже, переходит от батареи ко мне на колени, потом на колени к Натали, потом на другую батарею. Силы оставляют ее,

и она даже не мурлычит, когда гладишь, – вчера еще мурлыкала. Один раз она упала, переходя со стола на батарею, хотя там негде было соскользнуть, но ее живой скелетик с распухшим животом уже шатает. Щепка с колен пристально смотрит мне в глаза, не отводит взгляда. Пытаюсь ей подморгнуть – обычно кошки понимают и моргают в ответ. Нет – пристальный укоряющий немигающий взгляд. Почему ты не можешь спасти и вылечить меня, хозяин? И у меня нет сил отвести свой взгляд. Так смотрим друг на друга – две бездны.

Спать Щепка приходит ко мне на диван. Сначала с Ивой в обнимку – сволочь ревнивая Хонда и тут умудрилась ударить умирающую. Хонду, конечно, грубо выкинул за шкуру – пошла в ответ на кухне нассала на столе. Мой сон обрывками. Уснул, может быть, в час ночи, просыпаюсь полпятого. Дыхание у Щепки сосем неровное и сердце колотится совершенно бешено. Понимаю, что это последние часы. Уложил рядом с собой в лежанку – больше она передвигаться не может, но голову держит ровно. В глазах ее слезы. Она смотрит этими слезами на меня. Потом слезы заканчиваются, и она сваливает головку на бок – вроде кемарит, но в тишине ночи ее учащенное сердцебиение и задыхающееся дыхание занимают все пространство. Лучшая подружка Ива села прямо над нею. Как почетный караул, не уходит, на ее выразительной мордочке неподдельное горе. «Кошки все понимают», – говорит Натали. Она только что проснулась, собирается на работу, целует Щепку так, что ясно, что это последняя ласка, последний поцелуй в жизни Щепки. «Щепа», – зовет ее Натали. «Щепа. Прости нас, Щепа». – «Найди мне коробку из-под обуви». Нашла – гробик оказался в самую пору.

Натали уехала. Обессиленный, закемарил нервным сном и я в обнимку с лежанкой. Проснулся, время как бы остановилось, – понимаю, не дышит, но тело теплое. Повернулся на другой бок и спал рядом с остывающим трупиком. Окончательно проснулся в пол-одиннадцатого – заоченела.

Еще долго была в лежанке на диване. Муля только подходила обнюхивать, остальных не видел. И только в три часа дня уехал в лес хоронить.

Следующим вечером, поминая, спорили, надо ли было усыплять, чтобы не мучилась. «Это же просто снотворное, сильное обезболивающее». – «Ты не Господь Бог». – «Ты не представляешь, какие адские муки она эти последние часы испытывала. В следующий раз я буду решать сама».

12.11.2013. Пятый судебный день

Вчера был еще один судебный день. Планировали десять, но явилось только семь свидетелей. Не было «молодого» главбуха Журовой. Может, сменила место жительства – не местная она и без жилья, и без мужика, могла и уехать. Она свидетель никакой, хоть и лже-. По правилам, если свидетель не явился и одна из сторон против «оглашения» (зачитывания вслух в суде) показаний, данных на следствии, эти показания не принимаются судом во внимание.

Актуальных свидетелей трое: электрик Лисов, второй бухгалтер Сулова и бывший начфин из областного управления смешливая пенсионерка Ольга Яковлевна. Еще четверо «пустышек», которым требуется подтвердить, что они не знали Лисова. Треплемся беззаботно с Ольгой Яковлевной в коридоре о том, кто сейчас где, но в основном о смерти Барышева, замначальника управления. Ему диагностировали рак прямой кишки практически одновременно с началом моего дела, но он успел в нем отметиться: написал мне характеристику, по которой звание героя дают, а не в суде судят. Формально подписана была характеристика его начальником Васей Смольяновым, но я-то знаю, кто на самом деле писал. Как все просто: добро, сделанное при жизни, остается и после твоей смерти. Барышев был бы отличным свидетелем защиты. Старый прокурорный бюрократ от журналистики, прошедший школу обкома партии, ироничный и мудрый. Он возглавлял проверку газеты по поручению вице-губернатора в конце 2008 года. Тогда на меня написали грязную вонючую анонимку (готовила гэбня – ясно по почерку, готовились уже к смене губернатора), которую успешно зарегистрировали в администрации области и организовали по ней сразу две проверки. Одна была от контрольного управления, а вторую от управления по СМИ возглавлял Барышев, участвовала и Ольга Яковлевна. Проверка была тщательной, но без наездов, ничего криминального и ничего подтверждающего поклев не нашла. Сейчас показания Барышева были бы кстати. Похоронили этим летом – четыре года, получается, со смертью боролся, но мне никто не сказал – я же изгой. Узнал случайно, месяца через два.

Привычная процедура: свидетелей заводят в зал, отбирают паспорта, предупреждают «об уголовной ответственности за дачу ложных показаний и за отказ от дачи показаний» и выставляют в коридор. Обычно судья спрашивает, кто из свидетелей торопится, но тут первым Касьянов (опять без мантии – я его еще ни разу в мантии и не видел, а «за без мантии» приговор Фарбера отменили) выбрал Лисова.

Лисов еще в коридоре вперивался в меня напряженно-подлым взглядом, в котором было написано все. Начинает врать. Врет по бумажке, но не читает, выучил, а лишь изредка сверяется глазами. Кто нас познакомил – не помнит (первая ложь). Олег Котляр нас познакомил, прораб, бывший мент. Я хорошо запомнил, как он привел этого Лисова ко мне в кабинет, чтобы показать, что эта бригада просит, если безналичный расчет, то на 18% дороже. Два брата электрика Лисова работали в «Коммунаре» к тому времени два года, получали наличку. Теперь Лисов все отрицает. Контактировали с прорабом Котляром и завхозом Масликовой. С Котляром давно утеряны контакты, Масликова – неизвестно, подтвердит или нет. Вообще-то лжесвидетель, но только по закупке бумаги, но вдруг опознает. Больше опознать этого Лисова особо некому. Итак, вторая ложь – отрицание работы в «Коммунаре». Это моя ошибка – я проболтал концепцию защиты следователю еще на первом обыске в доме в сентябре 2011 года. Тот обыск был шоком, незаконный абсолютно, Гладких приперся в том числе на разведку, ну что ж – разведал. Я тогда хорохорился, что полредакции этого Лисова опознает. Ан нет, всего два человека, и то не факт. Дальше Лисов соврал, точнее, перепутал время, когда мы «договаривались» о его работе в доме. Я, честно говоря, этого не помню, ни – как, ни – о чем. Скорее всего, с Котляром они договаривались. А Лисов Котляру откат за подряд платил. Но не в конце 2008 года, а в феврале 2009 года, когда мы дом и купили. Не знаю, насколько это существенно для суда. Врал – привычно – что получал деньги, а не только расписывался. Врал самозабвенно, что он мне звонил, а я говорил, когда за деньгами подъезжать. Нонсенс полный – между мной, главредом и электриком Лисовым дистанция огромного размера. На деле, если звонил кто, то бухгалтерша Сулова, чтобы он подъехал и расписался. Ложь на лжи – убогого Г. взял в полный оборот. Но, батюшки святы, он не проинструктировал его, как отвечать на вопросы о эфэсбэшнике. Денис раскручивает тему, а Лисов продолжает актерствовать. Он уже вошел в роль обличителя и смачно фантазировал, как то ли я, то ли Натали скандалили в магазине электротоваров на глазах обоих братьев Лисовых. (Мы с Натали так и не вспомнили такой эпизод). Лисов поправляет и учит Д., что отделочные работы и электромонтажные совсем не одно и то же. А теперь так же азартно рассказывает, как его в машине почему-то допрашивал эфэсбэшник, как он пошел на встречу не один – испугался. Как это случилось после допроса, уже проведенного «следователем Матвеем», и эфэсбэшник, мол, рассказал ему, что идет «параллельное расследование», а знал о нем, Лисове,

он, эфэсбэшник, от «Матвея». Для нас неплохой улов – все, что делал эфэсбэшник, называется «восполнение неполноты проведенного расследования» и незаконно. Д. после заседания резюмировал: «В процессуальном плане все отлично, в материальном плане – все плохо».

Еще интересный нюанс: оказалось, в суде нет вещественных доказательств. Я попытался их предъявить Лисову – там в нескольких местах нет его подписи. Попросили снять ходатайство (в какой уж раз?) – снял.

«Пригласите следующего свидетеля». Все, больше я Лисова в жизни не увижу. Постараюсь не бросать ему вдогонку злых слов. Что я, в сущности, о нем знаю, что его подвигло на ложь под присягой, на невыразимую и немотивированную злобу? Бог ему судья. Последнее, что я вспоминаю, что он предлагал мне рыть дополнительную траншею под кабель зимой с соответствующими умопомрачительными расценками – я сказал, что потерплю до весны. Потом все-таки вырыл, не сам, конечно, по летним расценкам, не дожидаясь тепла. А еще втучивал, опять через прораба, электропровод на крышу для сбивания сосулек. Чуть не сто тысяч запросили. Я только покрутил пальцем у виска. Вот за эти сосульки я и расплачиваюсь.

Следующая лжесвидетельница со стажем Саша Сулова, бухгалтер по зарплате, подруга «основного» главбуха Свиридовой. Разведенка пятидесяти с небольшим, сын-уголовник по особо тяжкой, чуть ли не 111-4 (причинение тяжких телесных, повлекшее смерть). Она наговаривала на меня еще в деле по взятке. <...>

Третья – Ольга Яковлевна. Она подтверждает про ограничения в зарплате, утверждаемой по мизерной тарифной ставке. Рассказывает, что из бюджета был только гарантированный минимум, что большинство денег редакция зарабатывала сама, еще что-то, наверное, полезное об общей организации работы редакции. «Пригласите следующего свидетеля», – вот и Ольгу Яковлевну когда и где я еще увижу? Живем в разных концах города, общих знакомых не осталось. В любом случае, вспоминать буду добрым словом. А в протоколе ее допроса написано черт-те что было. Ах, Матвей Г., кудесник, пошивочных дел мастер. Не судите о людях по протоколам их допросов – мир лучше, чем он описан следователем по особо важным делам (в сфере экономики и госуправления). <...>

С Д. после суда плотно поговорить не успеваем, договариваемся через два дня созвониться: «домашнее задание» все то же – попытаться вспомнить, куда и как я рассовывал деньги и какие были надбавки и доплаты. Да и, кстати, об «измене», о чем писал три дня назад,

беру свои слова обратно. Еще до начала заседания мы с Д. «объяснились», что речь не идет о показаниях до вызова всех свидетелей и на милость победителю мы не сдаемся. Д. планирует запрашивать зарплатные ведомости. Завтра, наверно, встретимся, хотя «домашнего задания» я так и не выполнил.

Натали нашла мобильник Цапина, бывшего мэра и вице-губернатора, – если приспичит, через него можно будет связаться с Олегом Михайловичем, судьей в отставке из Верховного Суда, отчимом моей одноклассницы. Удобным моментом будет подача Д. жалобы в Верховный.

А еще мы узнали, что в Москве совершенно неожиданно под наркозом при стерилизации умерла воспитанница нашего питомника Зайка, мать Щепки. Мать и дочь умерли в один день. Ко всем кошачьим бедам подросток Ювентус свалился с лестницы и получил сильнейшее сотрясение мозга – координация полностью нарушена, а энергии хоть отбавляй. Бегаёт кругами и валится набок через шаг или бегаёт, но опираясь боком о стены. И смешно, и грустно. И что хуже всего – никаких улучшений. Через день энергия улетучилась – сразу валится на бок, потом перестал ходить, потом почти пропали рефлексy. Ест с трудом, кормим с руки, долго-долго держим корм перед носом, пить не может – не попадает. Закрыли на карантин в туалет. Натали колет уколы. Ювентус не дается и кусается. Есть совсем перестал, воду даем через силу в шприце – прокусил мне большой палец.

Возили в ветклинику на последние буквально деньги. Диагноз: врожденная или приобретенная в детстве недоразвитость мозжечка, усугубленная травмой. Лечение от месяца до полугода. Какова вероятность выздоровления – непонятно. Будем бороться. Ему важно общение, уход, питать и поить – насильно, делать массаж – тискать то есть. Поставили ему в центре зала манеж для котят. Так он может общаться со взрослыми кошками и никуда не вывалиться. Когда я или Натали в зале, тащим к себе на диван, делаем тискательный массаж. Иногда мурлычит, иногда злится. Проблемы и с туалетом, как решать, пока не придумали. Писать просто: подносишь к лотку и щекочешь низ живота, пока не появится струйка. Щекочешь, пока струйка не исчезает. А вот как какать совсем не понятно. Итак, на нашей шее парализованный кот. Но человек только тогда человек, когда ему есть о ком заботиться.

А еще коты зассали мои судебные документы, лежавшие на кухонном столе. Когда ссали на ответы Генпрокуратуры или на неправосудные решения – я радовался. А теперь вот зассали мою «главную»

справку из поликлиники. Сначала расстроился – как зассатое в суд сдашь. Теперь же понимаю, что это знак. Не надо ее в суд тащить и перед носом Г. на допросе махать. Пусть сам по себе лжесвидетельствует. А потом сделаем судебный запрос. Может, все-таки коты ссут к счастью? Коты да суды – вся моя жизнь. <...>

Натали твердо хочет, чтобы я не играл в героя «для фейсбука», а вел дело к нереабилитирующему прекращению «за давностью». «Надо сбросить этот груз и начинать новую жизнь». Только вот у «давности» в чистом виде – шесть лет срок (будет, если переквалифицируют «растрату» на «злоупотребления») – получается для событий 2006–2007 годов, а следующие год и девять месяцев не подпадают вроде бы – но это пусть уж суд мучается. Да, «Лисова» в этом раскладе все равно надо закрывать за отсутствием состава. Задача непростая, но решать ее не мне. Очень плохо, что я начинаю торговаться внутри себя и раньше времени – кто торгуется, того облапошат. Будут-будут еще в этом суде неожиданности. Надо быть к ним готовым. «А ты расслабился опять, и в эйфории». Отвечаю (молча): «Не эйфория это, а депрессия».

(Окончание следует.)

Борис Пантелеев

Профессиональная защита – не верь, не бойся и вежливо требуй!

Многие заключенные, защищая свои права, не знают элементарных основ процедуры и делопроизводства. Я и мои коллеги предлагаем основные алгоритмы защиты.

Первое, что следует помнить, – отстаивание своих прав возможно осуществлять лишь тогда, когда каждый из вас сам лично выполняет все законные требования администрации. В случае хотя бы малейшего нарушения режима все попытки заключенного добиться справедливости рухнут в пропасть надзирательского беспредела и двойных стандартов. Можно требовать, чтобы тебя НЕ избивали, но, если перед избиванием кто-то выкушал четверть бражки, после вышел на плац и стал кричать, мол, видал я вас там-то и там-то, то ни один прокурор, ни один правозащитник помочь не сможет, даже если спецсредства к нему были применены незаконно. Можно требовать, чтобы тебе платили зарплату нормальную, но, если гражданин начальник точно знает (а он, как правило, *знает*), что ты, например, *купил* (не желая заморачиваться какими-то там законами) свидание, пусть тебе и положенное, то этот самый гражданин начальник точно сделает у себя очень четкую зарубочку. То же самое с УДО, например. Заплатил кто-то за то, чтобы его по УДО побыстрее отпустили. А гражданин начальник решил «кинуть» соискателя быстрой и легкой свободы. Обманутый решил написать жалобу. А на что обманутый заявитель может опираться при написании жалобы, если и он сам, и тот, на кого жалуются, знает: все его поощрения купленные?

Является ли требование законным, вы сможете узнать, если найдете в себе силы и умение настоять на том, чтобы сотрудники СИЗО

(колонии) ознакомили вас с вашими правами, а именно с Законом «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых», правилами внутреннего распорядка СИЗО, также с Уголовным кодексом и Уголовно-исполнительным кодексом РФ. Это самый минимум того, что необходимо знать всегда и везде.

Далее рекомендуем завести тетрадку, ручку, запастись бумагой и конвертами и помнить о том, что любой свой шаг, действие, заявление, жалобу, обращение (даже устные) желательно как-либо визуализировать и о веществе. Обратился кто-то из вас к инспектору по корпусу СИЗО (жилой, производственной зоны) с устной или письменной просьбой, жалобой, заявлением – в тетрадку, в нее, родимую. Мол, такого-то числа обратился (в соответствии со ст. 21 Закона «О содержании под стражей обвиняемых и подозреваемых» или ст. 15 УИК РФ) к такому-то сотруднику с такой-то просьбой, жалобой, заявлением. Спустя такое-то время получен ответ такой-то. Не смущайтесь и не ленитесь все это записывать: человеческая память – штука, как правило, ненадежная.

Отдельный вопрос, если срок ответа на ваши заявление, жалобу, обращение просрочен (что бывает редко, но бывает). Тут уже есть реальные шансы обжаловать неисполнение нормы ФЗ № 59 «О порядке рассмотрения обращений граждан РФ». Точнее, п. 1 ст. 12 этого закона, предписывающего любому должностному лицу дать ответ строго в течение месяца. А если в отношении вас как заявителей станут применяться репрессии (не дай бог, но об этом ниже), вы можете воспользоваться и п. 1 ст. 6 этого же закона, запрещающего преследование за критику. Какими бы наивными ни казались наши советы, но в них суть и соль правозащиты вообще и вашей защиты в частности – без борьбы нет победы.

Ссылки на действующие законы и нормативные акты всегда очень кстати. Если вы будете указывать на них и на конкретные статьи, пункты, параграфы, гражданин начальник будет видеть, что вы знаете предмет обращения четко и досконально.

Но вот дальше начинается самое главное. Как только вы вступаете на путь, если можно так выразиться, официальной защиты своих прав на юридическом поле, то сразу встаете на негласный учет в оперотделе или отделе по безопасности и режиму (что конечно же никто и никогда из сотрудников не признает). По причине более чем понятной – система привыкла, что основные методы защиты у заключенных это эмоции, крик, возмущение, нижайшие просьбы. В самом «лучшем» случае – отказы от приема пищи или нанесение повреждений в различных ча-

стях тела. Почему я взял слово «лучшем» в кавычки? Да потому что ко всему вышеописанному система давно уже привыкла и научилась противостоять всем этим вскрытиям вен и голодовкам. Единственное, с чем система никак не может совладать (при обязательном условии, что каждый из заявителей прав в том или ином случае) до сих пор – грамотно написанные и поданные заявления-жалобы, лежащие во времени. Последнее более чем важно.

Мало, явно недостаточно квалифицированно написать то или иное обращение, мало добиться, чтобы обращение было зарегистрировано в установленном порядке с присвоением исходящего номера и отправлено по назначению в установленный законом срок (а не через пару-другую месяцев или вообще прокурору Корзинкину). Мало быть готовым, получив спустя месяц-другой стандартную формальность казенного равнодушия, обжаловать отписку в порядке главы 25 ГПК РФ¹. Также недостаточно научиться писать четким, разборчивым почерком, с пробелами между строк, строго по существу вопроса, с описанием пошагового алгоритма предыдущих действий. Мол, такого-то числа послал письмо такому-то, через столько-то времени получил стандартную отписку (с указанием исходящего номера отписки, в идеале – приложив копию отписки) такого-то числа такому-то и т. д. Мол, считаю, что полученный ответ дан мне не по существу, что грубо противоречит духу и букве п. 1.1² и 1.4³ ст. 10 Федерального закона № 59 «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации». Полагаю, что проверка проведена поверхностно, не изучены должным образом такие-то мои аргументы, мол, такие-то слова-объяснения тех, на кого жалуюсь не восприняты критически (тут не грех и про круговую поруку, и про коррупцию вспомнить, но очень осторожно), в связи с чем прошу привлечь к ответственности такого-то по ст. 285 УК РФ (см. комментарий к этой статье⁴). Всего этого мало и явно недостаточно.

¹ Производство по делам об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих.

² Государственный орган... обеспечивает объективное, всестороннее и своевременное рассмотрение обращения, в случае необходимости – с участием гражданина, направившего обращение.

³ Государственный орган... дает письменный ответ по существу поставленных в обращении вопросов.

⁴ Уголовную ответственность влечет использование должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы.

Про испытания и несовершенство закона

Каждый из вас может задать себе вопрос в самом начале дистанции: смогу ли я выдержать «искушение пряником» на любом из «этапов большого пути»? Помню, начальник ИК-23 (пос. Ревда Мурманской области) после очередной серии моих жалоб, предложил мне стать... заведующим столовой. Я сразу же согласился, но с маленьким условием-просьбой. Попросил дать мне право отобрать по одному осужденному из каждого отряда, чтобы они на завтрак, обед, ужин могли бы приходиться в столовую и наблюдать, что именно из продуктов и как именно закладывается в котел. Странно, но почему-то после этой моей простенькой, маленькой просьбы у начальника колонии не только пропало всякое желание ставить меня во главе пищеблока, но ко мне даже перестали подкатывать блатюки-смотряги, требовавшие, чтобы я их «курсовал» перед отправкой жалоб (согласовывал с ними свои тексты)...

Поэтому, если у вас есть реальные шансы «уйти на УДО», «уйти на поселок», но имеются нарушения в другом и вы задумываетесь о возможном ухудшении в случае написания жалоб, тогда, может быть, права человека и обождут?

Кстати, про телевизоры и холодильники. В ст. 94 УИК четко прописано право одного осужденного или группы осужденных заказать за свой счет или получить от родственников теле- и аудиоприемники. Другое дело, что статья эта является мертворожденной – норма п. 5 Приложения № 1 ПВР ИУ⁵ (подзаконного акта, призванная лишь уточнять и детализировать вышеуказанную статью) полностью подменяет суть статьи федерального закона – УИК РФ. В законе же «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых» такой нормы не содержится вообще. Лишь говорится, что телевизоры и холодильники выдаются в камеры «по возможности». А вот поди ж ты определи – имеет в данный момент администрация возможность выдать телевизор в камеру или не имеет. Правозащитникам известны случаи, когда на территорию тюремного учреждения даже сотрудников налоговой полиции или представителей Минюста не пускали...

Кроме того, существует инструкция, изданная бывшим директором ФСИН РФ А. Реймером (ныне, правда, пребывающем в СИЗО «Лефортово»), якобы препятствующая коррупции, краткий смысл которой заключается в двух посылах – телевизор, холодильник, иную гуманитар-

⁵ Телевизионные приемники и радиоприемники могут приобретаться только для коллективного пользования и устанавливаться в местах, определенных администрацией.

ную помощь учреждения могут принимать только от юридических лиц. Второе – эта гуманитарка обязательно обезличивается. Другими словами – вовсе не факт, что после принятия, например, холодильника от родственников заключенного X администрация обязана передать этот холодильник именно заключенному X.

Далее, если вы все же решили идти до конца, защищая свое достоинство и свои права, категорически рекомендуем забыть про лагерную субкультуру (насколько это вообще возможно). Или права человека, или воровской (черный) ход. Совмещать эти две материи невозможно.

Также рекомендуем запомнить следующие «можно» и «нельзя». При отстаивании своих прав крайне не рекомендуется: повышать голос в разговоре с любым сотрудником, размахивать руками, употреблять ненормативную лексику, перебивать своего оппонента в погонах, тем более угрожать ему. Кстати, о них. Угрозой, в соответствии с диспозицией ст. 119 УК РФ и комментарием к ней, является лишь явно выраженное намерение причинить вред здоровью или жизни. Но среди сотрудников УИС есть немало людей с очень тонкой душевной организацией, для которых обещание вроде «...я на вас жалобу напишу» или «...вы за это ответите» тоже почему-то является угрозой. Поэтому рекомендуется не разбрасываться словами, а просто молча делать дело.

Нежелательно использовать в разговоре жаргонизмы, даже несмотря на то, что многие сотрудники сами этим грешат. Зато очень полезно, например, в каждой своей жалобе писать-ссылаться на то, что все ваши попытки найти понимание среди сотрудников СИЗО (колонии) (а если жалуетесь во ФСИН или Генеральную прокуратуру, то в УФСИН (ГУ ФСИН) региональному прокурору) не дали никакого результата. Пусть четко и однозначно будет видно не ваше стремление к кверулянству⁶, но тяга к справедливости и конструктивному решению того или иного вопроса. Соответственно, отсутствие вышеуказанного желания и подхода у местного начальства.

Дополнительный контроль со свободы

Неплохо было бы также заручиться поддержкой со свободы. Самыми надежными союзниками вашими являются ваши родственники или

⁶ Непреодолимая сутяжническая деятельность, выражающаяся в борьбе за свои права и ущемленные интересы (зачастую — мнимые или преувеличенные). Кверулянт осуществляет подачу жалоб во всевозможные инстанции, исковых заявлений в суд. Любые принятые решения по этим искам оспариваются.

друзья. Первый путь у тех, кто на свободе, – попытаться достучаться до сердца или разума того или иного начальника, что конечно сложно. Ну а если не помогает – жалобы в вышестоящие инстанции. Правозащитники тоже готовы помочь, но у них, как правило, и без того хватает своих «сынов лейтенанта Шмидта», которым нужна помощь. Кроме того, следует помнить, что правозащитники, особенно состоящие в ОНК, ни в следствие, ни в судебное разбирательство не имеют права вмешиваться, да и ресурсов у них на это нет. Ведь одно лишь ознакомление с самым маленьким набором документов (приговор, кассация и ответ на нее, протокол судебного заседания при условии, что все эти документы пришлют правозащитникам) может занять целый день.

Хорошим средством в защите ваших прав является предание гласности тех или иных претензий, обращений в надзирающие инстанции и т. д. Одним из эффективнейших ресурсов являются такие социальные сети, как ГУЛАГУ.НЕТ (<http://gulagu.net/>) и НЕТ КОРРУПЦИИ (<http://no-corruption.ru/signal/>).

Рекомендации для написания жалоб и заявлений, основанные на многолетней работе по обращениям заключенных

Первое правило: любое заявление или жалоба должны быть предельно лаконичны и содержательны. Если «растекаться мыслью по древу» листов эдак на 10–12, да еще в качестве аргументов использовать обороты вроде «я не делал то-то потому, что попросту не способен на такое», то это – бесполезная работа. Наилучший размер любого послания, в котором коротко, но не упуская важных деталей, изложена суть, – две, максимум три страницы. Или два листа с оборотом (но лучше этого не делать).

Второе правило: обойдитесь без предисловий и вступлений. Только основное: а) каким судом (и судьей) и по какой статье вы были осуждены; б) официальная формула обвинения; в) какие обстоятельства или улики легли в основу обвинения; г) допущенные во время следствия и суда процессуальные нарушения (какие именно, кем или чем это подтверждается); д) какие следственные действия (экспертиза, очная ставка, уличный эксперимент и т. д.) не были проведены или осуществлены с нарушением УПК РФ, какие доказательства не исследованы надлежащим образом; е) в чем именно вы не согласны с выводом суда или следствия; ж) кто из свидетелей защиты или обвинения (бывает, что и они свидетельствуют в пользу подсудимого) не был допрошен и т. д.

Третье правило: пишите сухо. Обращения часто пишут эмоционально: «вопиющая несправедливость», «чудовищное беззаконие».

Это очень мешает анализу текста, и также раздражает чиновника, к которому попадает ваше заявление: он работает с такой почтой ежедневно и – с учетом его опыта работы – несколько привык к беззаконию. Такой накал страстей часто производит обратный результат – вызывает подозрения в наигрыше. Поэтому постарайтесь при изложении избегать лирических отступлений, длинных, сложных предложений, неубедительных фактов – сухо, коротко, по существу.

Четвертое правило: что очевидно для вас, для суда или надзирающей инстанции может и не быть столь же однозначным и непреложным. Старайтесь пользоваться строго юридическим стилем, формулируя объективно, избегая категоричных суждений. Например, вместо фразы *«...так как свидетели снимали у потерпевшей комнату, то находились от нее в полной зависимости и оболгали меня»* лучше написать *«...учитывая то, что показания свидетелей Ж. и Б. противоречивы (л. д. такой-то), а также то, что они снимали комнату у потерпевшей Г., можно предположить зависимость свидетелей от потерпевшей, и, соответственно, отнестись к их показаниям критически»*.

Пятое правило: чиновник – тоже человек. Не нужно «давить на жалость», но постарайтесь изложить вашу проблему максимально искренне. Это может сыграть дополнительную, положительную роль при рассмотрении вашего обращения.

Шестое правило: будьте аккуратны и последовательны. Желательно, как уже говорили выше, завести тетрадь и в ней фиксировать: а) дату отправки и исходящий номер (его обязан сообщать работник спецотдела) каждого послания; б) тему обращения; в) дату и номер ответа на него; г) исходящий номер и дату обращения в следующую инстанцию и т. д. Это может показаться трудоемким, но это – наиболее эффективно! Чиновник в аппарате Верховного суда или Генеральной прокуратуры, увидев четкую аргументацию, знание закона, обозначение, к кому и когда вы обращались из нижестоящих инстанций, отнесется к этой жалобе с чуть большим вниманием.

Седьмое правило: не рекомендуется писать что-либо неразборчивым почерком, бледными чернилами, на желтой или оберточной бумаге. Понятно, что в условиях несвободы зачастую сложно достать нормальные принадлежности для письма. И тем не менее, если вы хотите добиться хоть какого-то результата, а не просто поучаствовать в процессе, постарайтесь эти пожелания соблюдать. С левой стороны листа (на обороте – с правой) следует оставлять поля в 3–4 см для подшивания в папки. Старайтесь писать небольшими абзацами из 5–6 предложений.

Александр Сидоров

Валюта Зекландии: «колючая бонистика»

Страной Зекландией российские арестанты называют места лишения свободы. Как и во всяком государстве, в Зекландии существуют свои товарно-денежные отношения – и своя валюта. История ее начинается после установления советской власти: в царских тюрьмах было принято рассчитываться купюрами, имевшими хождение по всей матушке-России.

Все начиналось со «слонов»

Первые лагерные дензнаки появились на Соловках – в монастыре, который в 1922–1923 годах был переоборудован в концлагерь. Выгнав несчастных монахов с Соловков, доблестные чекисты устроили там настоящее островное лагерное государство. А какое же государство может обойтись без лагерной валюты? Не обошлись и Соловки. На лагерных купюрах изображался... слон. Вот что пишет об этом Александр Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГ»:

«Симпатичный слон, а на попоне его – “У” – значит У-СЛОН (Управление Соловецких Лагерьей Особого Назначения). И тот же ребус – на соловецких бонах, ходящих как деньги этого суверенного государства...»

По прибытии в лагерь даже все чины администрации и охраны, тем более заключённые, должны были сдать все имеющиеся у них советские деньги и получали взамен “книжечки расчетных квитанций” (на плотной бумаге, с водяным знаком) достоинством в 2, 5, 20, 50 копеек, 1, 2, 5 рублей, выпуски разных годов отличались подписями разных членов Коллегии ОГПУ – Г. Бокия, Л. Когана или М. Бергмана. За укрытие в лагере государственных денег полагался расстрел. (Одна из целей строгости была – затруднить побег.) На террито-

рии всех лагерей ГПУ для всех расчётов применялись эти квитанции. При освобождении владелец снова обменивал их на государственные деньги. После 1932 года, при резком росте лагерной системы, все эти квитанции были изъяты».

Следует поправить Александра Исаевича. Соловецкая «валюта» дошла до наших дней, и можно убедиться в том, что водяных знаков на бонах нет. Зато есть предупредительная надпись: «Имеют хождение только в пределах Соловецких лагерей особого назначения». Подпись Глеба Бокия стоит на бонах первого выпуска, Лазаря Когана – на бонах второго выпуска, Матвея Бермана – на бонах третьего выпуска. Была отпечатана и дополнительная купюра достоинством в 10 рублей. Боны размером 75x52 мм в 2, 5, 20 и 50 копеек («горизонтальные») и размером 75x102 мм в 1, 2, 5, 10 рублей («вертикальные»).

До введения бумажных денег в пределах СЛОНа использовались расчетные квитанции – «квитанция до 5 рублей» и «квитанция до 10 рублей». Заключение за перевыполнение нормы получал не более 5–6 рублей в месяц. Выдавались боны в финансовой части лагеря. При покупке продуктов в лагерном ларьке ставилась отметка – от кого получена «купюра» и на какую сумму товара приобретено.

Кстати, немного о соловецких ценах: 1 кг рыбы (сельдь) стоил 1 рубль 30 копеек, колбасы – 2 рубля 50 копеек, сахара – 63 копейки. За флакон одеколона платили 5 рублей 25 копеек, за английскую булавку – 30 копеек.

По иронии судьбы, «валюту» для Соловецких сидельцев ввел... уголовник-рецидивист! До марта 1917 года Бокий 12 раз арестовывался за уголовные преступления и отбывал срок, помимо всего прочего, в «одиночке» Петропавловской крепости. Свои привычки «пламенный революционер» не оставил и позднее. Ходила байка о том, что Бокий заключил пари с Литвиновым: дескать, он сумеет украсть секретные документы из сейфа в Наркомате иностранных дел. Литвинов приставил к двери часового, но рано поутру спецкурьер привез дипломату его бумаги. Будущий нарком иностранных так обиделся, что написал жалобу Ленину...

Но мы отвлеклись. Возвращаясь к «денежной» теме, следует заметить: «полезное начинание» администрации Соловецких лагерей было позднее подхвачено на Беломорканале, который, как известно, тоже рыли заключенные. В Белбалтлагере ОГПУ деньги были уже отпечатаны профессионально. На них стояли две подписи – начальника лагеря и начальника финотдела.

Талон на выживание

Французский исследователь сталинской лагерной истории француз Жак Росси (сам отмотавший больше 20 лет в СССР за «колючкой») писал в «Справочнике по ГУЛАГу»: «До 1932–1933 гг. премвознаграждение выплачивалось заключенным лишь в бонах. Лагерные ларьки денег не принимали». Ах да, читатель ведь не в курсе, что такое премвознаграждение и за что получал боны советский ээк! Это понятие было введено большевистскими гуманистами еще в 1919 году. Согласно их мудрому принципу, содержание лагеря со всей его администрацией должно окупаться трудом заключенных. Поэтому лагерь присваивал 100 процентов их выработки, а вот то, что сверх этих ста процентов, и считалось премвознаграждением. Разумеется, расценки были занижены, к тому же из заработка удерживались всевозможные штрафы. Но после 1933 года и эти боны были отменены. А на черта они, в самом деле, нужны, когда у ээка есть кровная паечка? Вот пусть ее и отрабатывает, а будет плохо вкалывать – и эту птюху урежем!

Однако и в эти трудные для лагерной «бонистики» времена гулаговская валюта продолжала существовать – в пределах арестантской столовой. Это были так называемые «талоны на премиальные блюда» – добавки за ударный труд ээков. Варлам Шаламов писал в рассказе «Тифозный карантин»:

«Дневальный хозчасти иногда платил Андрееву талонами в кухню. Это были куски картона с печатью, вроде жетонов – десять обедов, пять вторых блюд и т.п. Так, дневальный дал Андрееву жетон на двадцать порций каши, и эти двадцать порций не покрыли дна жестяного тазика. Андреев видел, как блатные совали вместо жетонов в окошечко сложенные жетонообразно тридцатирублёвки. Это действовало безотказно. Тазик наполнялся кашей, выскакивая из окошечка в ответ на жетон».

Эпоха Сметанлагов

После смерти Сталина по лагерям прокатилась волна забастовок. Их спровоцировала «бериевская» амнистия 27 марта 1953 года, выпустившая на свободу огромные массы уголовников, кроме «политиков», «бытовиков» со сроками свыше пяти лет и особо опасных рецидивистов. В первую очередь встали на дыбы спецлагы, где с 1948 года изолировались «политики». «Контриков» поддержал «мужицкофраерский» мир и даже воры. Поднимаются Воркута, Норильск, Тайшет, Казахстан... Требования – сокращение рабочего дня, улучшение

питания, отмена номеров и в том числе заработная плата за эзковский труд!

Власти жестоко подавили восстания, но вынуждены были пойти на уступки. В дело вмешалась Международная федерация вольных профсоюзов. Да к тому же в 1960 году Советский Союз подписал ряд международных соглашений. Из них следовало, что труд, за который не выплачивается зарплата, является рабским. Но разве может существовать рабский труд в стране победившего социализма? Это же нонсенс! И, горестно вздохнув, пролетарское государство милостиво согласилось выплачивать заключенным зарплату. Не всю, конечно. Но «не менее 10 процентов начисленного заработка»!

А с началом хрущевской «оттепели» по зонам начинают свободно ходить обычные деньги! Многие работники стали зарабатывать приличные суммы (особенно на лесоповале и на рудниках). Старый «каторжанин» Виктор Аникиенко вспоминает:

«Появились коммерческие столовые; магазины ломались от обилия шмоток и продуктов, которых и на свободе не купишь. По выходным шумные базары, барахолки. Вечерами гитары в бараке разрывались от тоски: шла игра по-крупному, “ширево”, “шмаль”. В промзоны и на объекты шастали девочки и срывали куш чистоганом».

Хрущев «закручивает гайки»

«Эпоха Сметанлаггов» (как называют конец 50-х годов старые арестанты) завершилась быстро. Причиной тому – волюнтаристская кампания Никиты Хрущева по борьбе с преступностью. Органы рапортовали вождю о сокращении числа уголовников, а тот заодно требовал сокращать и бойцов правопорядка (зачем они нужны, раз преступники исчезают)? В начале 60-х это привело к скачку преступности. Бюро ЦК КПСС издает паническое Постановление «О состоянии борьбы с уголовной преступностью в РСФСР и политико-воспитательной работе в местах заключения». В нем отмечена слабая работа по перевоспитанию преступников и либеральные условия их содержания. Вывод: покончить с «неоправданным либерализмом». Вводятся драконовские ограничения: на переписку с родными, получение посылок и передач, приобретение продуктов питания и пр. Малолеткам разрешалось не более 6 посылок в год, взрослым – от одной до трех передач в год. Вес – не свыше 3-х килограммов. К тому же право даже на передачу осужденный получал лишь после отбытия ПОЛОВИНЫ СРОКА НАКАЗАНИЯ! Администрация могла «за нарушения режима» лишить ээка по-

сылки. Запрещались к передаче чай, кофе, шоколад, свежие фрукты, колбасные и мясные изделия, молоко, творог и т.д. В тюрьмах передач и вовсе не полагалось.

«Жидкая валюта»

Вернулся запрет на наличные деньги, в колониях возродились боны – карточки на определенную сумму, которую арестант может потратить в «зонавском» ларьке, приобретая продукты и промтовары. Такой бон представляет собой небольшой чек, вырезанный из картона или бумаги, на котором указывается срок действия (обычно в течение месяца), номинал (на какую сумму может приобрести товар в ларьке владелец «бона») и данные осужденного (фамилия и отряд). На каждом чеке стоит подпись «бонщицы» – бухгалтера-операциониста, который проводит и фиксирует все операции по безналичному расчету осужденных.

После «отоварки» потраченная сумма списывается с лицевого счета («карточки») арестанта. И до сих пор боны остаются своеобразной валютой: ими зэки расплачиваются друг с другом, погашают долги. Боны ставятся на кон во время карточной игры.

В качестве «натуральной оплаты» в зоне стали рассматриваться продукты: колбаса, шоколад и прочее. На первом же месте – чай, водка, сигареты... Все это потекло в колонии, СИЗО и тюрьмы через подкупленных сотрудников. Их называли просто – «ноги». «Загнать ноги» значило отправить сотрудника (с погонями или вольнонаемного) на волю за продуктами или запрещенными предметами. По колониям денег гуляло не меньше, чем в благословенные 50-е. Но теперь они проникали сюда нелегально. Цены – баснословные (250-граммовая пачка чая – 25 рублей, бутылка водки – до 50 рублей; на воле чай стоил 96 копеек, водка – 4 рубля 12 копеек). Постепенно цены между «зоной» и «волей» стали выравниваться: сказались хорошо отлаженные нелегальные «дороги». Кроме того, после перестройки исчез дефицит товаров на воле, что способствовало снижению цен. К началу 90-х коробок анаши на воле стоил 10 рублей, на «зоне» – 15 рублей; водка – до 25 рублей в зависимости от тары; в грелке – ниже по цене, в «стекле» – наиболее престижно и дорого (на свободе «поллитровка» стоила от 10 до 15 рублей). Стоимость товара также зависела от расположения колонии. На «дальняке» (зона, удаленная от города) цены резко возростали.

«Поделится по-братски»

Ужесточение условий содержания привело к усилению позиций профессиональных уголовников. Система запретов вынудила работяг обратиться за помощью к «блатным», имеющим отлаженную систему нелегального снабжения «зоны». Вновь расцвели «общаки» под контролем «братвы».

«Мужик» колыхнулся в сторону «законников». Это способствовало возрождению власти «воров». Тем более что те стали выдвигать идеи «справедливости», «братства честных арестантов», защиты осужденных от «ментовского беспредела»... Между тем «уркаганы» сами беспредельно пользовались «шоколадным» положением, которое фактически им создали «менты». «Бродяги» беззастенчиво кормились за счет «общака», сбиваемого с арестантов. Особые отчисления делались с «игровых» – эзков, играющих в азартные игры; с «чернушников» (арестантов, которые мастерят различного рода поделки – выкидные ножи, нарды, наборы кухонных досок). Время от времени «братва» «страдала за сидельцев» – отбывала наказание в помещении камерного типа (на жаргоне – «бур»). Попадали туда за драку с активистами, за пьянку, за отказ от работы. Но и в «буре» «отрицалово» кормилось «от пуза». В камерах у «бродяг» было все, начиная от копченой колбасы и кончая анашой (весь этот «грев» передавался через подкупленных прапорщиков). Срок в «буре» стал для «уркаганов» праздником. А оплачивал все безропотный «мужик».

Обналичка через волю

Именно в это время рождается система «отмывания» заработанных арестантом на «зоне» денег. В местах лишения свободы была огромная производственная база – фабрики, заводы, мастерские, лесозаготовки. Действовали профессионально-технические училища, многие эзки приобретали по несколько рабочих профессий. На производстве можно было неплохо заработать. Хороший специалист (например, токарь-универсал) порою получал по 200, а за Уралом и по 400 рублей (при средней зарплате 150–200 рублей на свободе). Правда, половина заработка сразу отчислялась «хозяину» (на содержание колонии), а из оставшейся высчитывались алименты, иск в пользу потерпевшего, расходы за содержание и проч. То есть на расчетный счет эзка попадала примерно треть заработанной суммы. Ее можно было потратить лишь в колонистском «ларьке» на слипшиеся конфеты и убогие консервы. Да и то всего от 5 до 15 рублей в месяц: больше не

позволял закон. И тогда мудрый эзковский народ придумал ловкую операцию. Часть зарплаты арестант официально перечислял на волю «в помощь родным» (это разрешается). Те же, получив в сберкассе от непутового сына живые деньги, нелегальными путями переправляли их назад в колонию, где ээк тратил их на «черном рынке».

В сетях и сетках нового времени

С приходом перестройки дела изменились. Формально процесс гуманизации ослабил гнет бессмысленных запретов. Увеличилось количество посылок и передач, их вес. Посылки можно получать с первого же дня отбывания наказания. Да и ассортимент «ларьков» в зоне стал побогаче. Но при нынешнем убогом уровне жизни населения большинству арестантов не приходится надеяться на помощь родных. Заработать «за колючкой»? Производство находится, по выражению эзков, «ниже уровня городской канализации». На «зоне», как и на воле, происходит массовое имущественное расслоение обитателей. Все больше бродит «чертяк» (замызганных, оборванных арестантов).

И в новых условиях неожиданно появился тоже новый, уникальный вид зоновской валюты. Это... овощные сетки! Или, как их называют на официальном языке, «сетчатые мешки». Работа не требует особого обучения, товар ходовой, в «зонах» не нужно оборудования (только челноки да нитки)... И сел эзковский народ за вязку «сеток» от Ростова до Магадана.

Причем занялись плетением не только «пахари». Новые веяния привели к тому, что за челнок взялась и «братва». Пока труд был обязательным и кодекс – исправительно-трудовым, делом доблести и героинства «правильного пацана» был категорический отказ от работы. А основная масса арестантов обязана была «греть босяков», то есть поддерживать материально «отрицаловку», «страдавшую за сидельцев» («прикалываясь» за их счет в ПКТ колбаской, сыром и анашой). Но вот «начальничкам» было дано указание не считать труд «за колючкой» обязательным. Хочешь – работай, не хочешь – собирай по зоне бычки. И «бродяги» неожиданно потеряли возможность «страдать за идею». За отказ от работы никто не наказывал. Как рассказал мне один из питерских «босяков», Грузинчик: *«Общак на зоне стал хилый: пахари не зарабатывают, отстегивают мало; а жрать-то хочется... Да и безделье одуряет. Вот у нас вся зона и вяжет. Я тоже пошел»*. Сетками стали расплачиваться за долги; сетки ставят на кон в азартных играх; за сетки можно купить на «черном рынке» все что угодно – от сигарет до героя.

И сегодня овощные мешки можно считать очередной «лагерной валютой». Конечно, после долларов и рублей, которых по-прежнему ходит в местах лишения свободы немерено. Сохраняет «валютную значимость» и «лагерный квартет» – водка, чай, сигареты, наркота. Причем, если прежде основными поставщиками этих «запретных плодов» являлись «вольняшки» – водители, мастера цехов и т.д., теперь их практически полностью вытеснили сотрудники мест лишения свободы – от рядовых до офицеров. А как же иначе? Ведь производства на «зонах» почти не осталось, число «вольняшек», имеющих связь с волей, ничтожно. Поэтому тяжкая ноша подпольного бизнеса легла на плечи людей в погонах.

И чем дальше, тем таких «барыг в погонах» больше. Вряд ли есть в России зона, где не существует «черного рынка» и нет купленных зэками сотрудников. Не был исключением даже знаменитый соликамский «Белый лебедь», в свое время заслуживший сомнительный титул «самой беспредельной российской тюрьмы» (здесь «ломали» воров и «авторитетов»). В 1992 году дошло до того, что в этом заведении два офицера – командир охраны подполковник Юрьев и начальник отделения боевой подготовки подполковник Большаков – продали осужденным гранаты и боеприпасы, что привело к последующему захвату «покупателями» заложников, гибели прокурора и тяжелому ранению одного из сотрудников колонии. Что уж говорить о других зонах...

В тоске по лагерю?

Неожиданное продолжение история с соловецкими деньгами получила в марте 1997 года. 7 марта Центральный Банк Российской Федерации выпустил банкноту достоинством 500 тысяч рублей, на оборотной стороне которой был изображен Соловецкий кремль. Казалось бы, ничего криминального. Однако это событие вызвало бурю негодования среди многих узников сталинских лагерей и правозащитников. Дело в том, что художник додумался изобразить купола кремлевских башен... без крестов!

Одним из тех, кто обратил внимание на эту несуразицу, был ветеран Великой Отечественной войны Д. Иванов. Он направил гневное письмо в «Московский комсомолец»:

«Это же гулаговский кремль!!! Как только ГПУ превратило Соловки в концлагерь, купола Преображенского собора (5 “луковиц” с крестами) были разрушены. Над башенками куполов сделали деревянные шатры, покрытые рубероидом, чтобы дождевая вода не проникала в

здание собора, где была устроена столовая для заключенных. В 1937 году, после того как были установлены звезды на башнях Московского Кремля, на колокольне также установили звезду вместо креста.

В 1985 году, когда монастырь еще был туристским объектом, начались реставрационные работы, и маленькие купола собора уже были восстановлены как «луковицы» с крестами. А в 1988 году, когда монастырь был передан Русской Православной Церкви, все купола зашверкали позолотой. В том же году альпинисты сняли звезду с колокольни, передали ее в музей и водрузили святой крест.

Думаю, что пятисоттысячную купюру нужно немедленно изъять из обращения, а оставшиеся на руках станут экспонатами нашей очередной глупости».

Однако чиновники ЦБ не согласились с ветераном. Они заявили, что **Соловецкий монастырь на оборотной стороне банкноты изображен без крестов неспроста. Это «своего рода дань памяти узникам, жертвам сталинских репрессий».** Но имя художника, нарисовавшего банкноты, на всякий случай разглашать не стали.

Однако после деноминации упрямые банкиры так и оставили гулаговский кремль – уже на 500-рублевой купюре. Чтобы помнили...

Но и это еще не всё! В 1997 году была выпущена серебряная монета из серии «Памятники архитектуры России» достоинством 3 рубля с изображением Соловецкого монастыря. Монета общей массой 34,88 г., проба сплава – 900/1000, диаметр – 39,0 мм, толщина – 3,3 мм. Чеканили монеты на специальных станках. Всего таких «соловецких трешек» отштамповали 15 тысяч штук.

Если вы думаете, что этим история соловецкой «валюты» завершилась, то сильно ошибаетесь. В 1999 году свое веское слово сказала Башкирия. В Уфе тиражом 2 тысячи экземпляров было выпущено новое средство оплаты услуг: карточка для таксофона, на которой изображена... стена Соловецкого монастыря с башней на переднем плане! Какое отношение имеет Башкирия к Соловкам – Бог весть... Но в среде коллекционеров эта карточка уже стоит приличных денег!

Легендарные тюрьмы, знаменитые заключенные и знаменитые преступления

И ты, Брут...

История несправедлива к Бруту, который, убив своего «приемного отца», хотел лишь оказать тем самым услугу Республике. После этого убийства он проживет недолго. Девятнадцать месяцев спустя Брут закончит жизнь самоубийством.

Вспоминать о Бруте лишь как об убийце Цезаря неправильно, поскольку он преследовал не какую-то личную цель, а искренне полагал, что служит Республике... 23 октября 42 года до н.э., после того как он был разбит легионами Марка Антония, Брут, не желая видеть последствия своего разгрома, приказывает своему рабу умертвить его. Этот человек, полное имя которого – Марк Юрий Брут Цепион, столь презираемый историей, является настоящим идеалистом! Он – ревностный сторонник республиканского строя.

Начнем с того, что Брут вовсе не являлся, как о том часто говорят, сыном Цезаря. Он всего лишь сын его любовницы Сервилии. Кроме того, хозяин Рима лишь на 15 лет старше его. В действительности Брут является сыном... Брута, римского патриция, убитого Помпеем. Сирота с самого детства, он воспитывается в Греции своим дядей Катонном Утическим¹, который приобщает его к стоицизму и философии Платона. Юноша убежден, что идеальное государство должно управляться разумом, а не силой оружия. Да здравствует Республика! К черту тиранов! В конце концов молодой Брут приезжает в Рим, где на тот момент сложилась весьма запутанная политическая ситуация. Брута обвиняют в участии в заговоре против Помпея, что вынуждает

¹ Марк Порций Катон Утический – древнеримский политический деятель. Для современников был наиболее известен как образец строгих нравов, сторонник республиканских идей, лидер аристократии в сенате, принципиальный противник Цезаря и видный философ-стоик.

его покинуть Рим. Цезарь, ставший к этому времени любовником его матери, способствует снятию обвинений, но Брута, вместе с Катоном, отправляют на Кипр, сражаться с остатками армии Птолемея. Брут прекрасно выполняет поставленную перед ним задачу и, кстати, весьма великодушно обходится с местным населением. Во время этой войны ему удается сколотить немалое состояние. Он возвращается в Рим и женится на Клодии². Благодаря протекции Цезаря Брут получает место квестора в провинции Сицилия.

В этот период в Риме нарастает напряженность между двумя партиями: Помпеем, который контролирует столицу Республики и Испанию, и Цезарем, только что триумфально завоевавшим Галлию. Два великих полководца борются за власть. Начинается гражданская война. Цезарь, перейдя Рубикон³, движется на Рим. Он произносит свою знаменитую фразу: «Жребий брошен»! Брут должен бы присоединиться к Цезарю – любовнику своей матери, но он предпочитает примкнуть к Помпею – убийце своего отца. Молодой патриций желает остаться верным своим республиканским принципам. Но Бруту не везет: удача на стороне Цезаря. Однако диктатор, будучи великодушным человеком, прощает Бруту его неверность и даже способствует его продвижению по политической лестнице. Более того, Цезарь называет его своим вторым наследником, после Октавиана. Но Брут остается неисправимым идеалистом. Его все больше начинает беспокоить, что Цезарь постепенно сосредотачивает в своих руках всю власть и неограниченные полномочия.

В конце концов Брут присоединяется к заговору, который составили около 60 сенаторов, ради спасения Римской республики. Все эти сенаторы весьма наивны, полагая, что смерть Цезаря сможет застопорить превращение республики в империю. Наконец, 14 февраля 44 года до

² Представительница знаменитого патрицианского рода Клавдиев.

³ Рубикон – небольшая река на Апеннинском полуострове. До 42 г. до н. э. служила границей между Италией и римской провинцией Цизальпийская Галлия. Известна благодаря выражению «перейти Рубикон», означающему принятие бесповоротного решения. История этого выражения восходит ко времени, когда Юлий Цезарь еще не стал диктатором, а являлся одним из римских военачальников (проконсулом) и сам Рим был республикой. По закону проконсул имел право возглавлять войско только за пределами Италии. Однако 10 января 49 г. до н. э. Цезарь со своими легионами подошел к Рубикону. Будущий император не был до конца уверен в силе своего войска и поэтому какое-то время колебался, ведь в случае неудачи он мог полностью потерять власть. Однако Цезарь все-таки перешел через реку и после гражданской войны был провозглашен диктатором. С тех пор выражение «перейти Рубикон» означает рискнуть всем ради великой цели. Аналогичный фразеологизм – «жребий брошен».

нашей эры, когда Сенат объявляет Цезаря пожизненным диктатором, заговорщики решают его убить. Это очень легко сделать, поскольку властитель Рима, полагая, что никто его пальцем не осмелится тронуть, отказывается от личной охраны. Даже когда слухи о готовящемся заговоре достигают его ушей, Цезарь не предпринимает никаких мер безопасности. Он попросту не желает верить ни в какой заговор. Доброжелатели нашептывают ему, что к заговорщикам примкнул и Брут. «Посмотрим, чем это все закончится», – спокойно отвечает Цезарь, и даже зловещие приметы, которые, по мнению прорицателей, не сулят ничего хорошего, не производят на него никакого впечатления.

15 марта 44 года до н.э. всесильный хозяин Рима присутствует на заседании Сената, находящемся на Марсовом поле. Заговорщики, под предлогом отдания ему подобающих почестей, группируются вокруг его кресла. Ближе всех стоит Луций Тиллий Цимбер. Цезарь машинально пытается его отодвинуть, но тот неожиданно хватается за плечи. «Что это еще за насилие?!» – кричит диктатор. И тут сенаторы валят его наземь, нанося удары кинжалами. Всего на теле Цезаря потом насчитают 23 раны. Цезарь не говорит ни слова вплоть до того момента, когда к нему подходит последний из заговорщиков, чтобы в свою очередь нанести удар. Это Брут. И только тут Цезарь удивленно спрашивает: «И ты, мой сын?»

Цезарь мертв, но власть, а равно и все накопленные Цезарем богатства, захватывает Марк Антоний. Брут вместе с сообщниками должны бежать. Новая гражданская война начинается между сторонниками Марка Антония и Октавиана, который в будущем станет Августом и который, по завещанию, является наследником Цезаря. Брут и Кассий пытаются воспользоваться этой ситуацией и собирают войска в греческих и азиатских провинциях. Видя такую опасность, Октавиан и Марк Антоний на время забывают о своей вражде и объединяются, чтобы окончательно уничтожить этих заговорщиков. Осенью 42 года до н.э. легионы под предводительством Октавиана и Марка Антония пересекают Адриатическое море, чтобы захватить Брута и Кассия⁴.

Сначала войска Кассия терпят поражение от Марка Антония. Считая, что Брут также разбит, Кассий первым кончает жизнь самоубийством. Спустя три недели Брут, измотанный Марком Антонием, также решает покинуть этот бранный мир. Существует несколько версий мелодрама-

⁴ Гай Кассий Лонгин – римский патриций, талантливый полководец. Гай Юлий Цезарь, несмотря на расположение к Кассию, не вполне доверял ему, чем мало-помалу и возбудил против себя его ненависть. Кассий вошел в число заговорщиков и убийц Цезаря.

тического суицида Брута. Так, Плутарх пишет: «Храня вид безмятежный и даже радостный, он простился со всеми по очереди и сказал, что для него было огромною удачей убедиться в искренности каждого из друзей. Судьбу, продолжал Брут, он может упрекать только за жестокость к его отечеству, потому что сам он счастливее своих победителей – не только был счастливее вчера или позавчера, но и сегодня счастливее: он оставляет по себе славу высокой нравственной доблести, какой победителям ни оружием, ни богатством не стяжать, ибо никогда не умрет мнение, что людям порочным и несправедливым, которые погубили справедливых и честных, править государством не подобает». Затем он позвал одного из самых близких своих друзей по имени Стратон и попросил его помочь отправиться в мир иной. Видя, что Стратон колеблется и пытается его отговорить от самоубийства, Брут зовет одного из своих рабов, чтобы тот вместо Стратона оказал ему эту услугу. Видя такое дело, Стратон говорит: «Нельзя просить о такой услуге раба – только друга!» И тут же пронзает тело Брута своим мечом, отправив его с миром в царство мертвых. Прежде, чем испустить последний вздох, Брут прошептал: «Добродетель – это всего лишь слово...»

Так вот и умер самый пылкий сторонник и защитник республики.

Приговор: 2 смертные казни, 34 пожизненных заключения и 693 года тюрьмы

Свидетельство 17-летней Лизы позволило арестовать серийного убийцу и насильника, на счету которого было более десяти трупов.

Как же неблагодарны женщины... Впервые Бобби Джой Лонг не захотел удушить свою только что изнасилованную жертву, а она побежала и сдала его полиции! Ведь он отсрочил ей дорогу в рай, этой 17-летней малышке Лизе Мак-Вэй, которую похитил 3 ноября 1984 года. А она... Впрочем, кому можно доверять в наши дни?

Бобби – 31 год, и он работает техником в медицинской лаборатории во Флориде. И ему постоянно хочется любви. Но мастурбировать по пять раз в день в гордом одиночестве – это не для него. И этот сексуально озабоченный маньяк насилует все, что движется, а потом убивает... Так все и длится вплоть до 3 ноября 1984 года. Он сидит в засаде на одном небольшом шоссе во Флориде. Еще раньше он заметил, что по этой дороге частенько катаются на велосипедах юные девушки. А вот как раз одна из них и появляется. Она кажется такой невинной, наверное, ее очаровательная головка набита всякими милыми глупостями. Как только она приближается к его укрытию, Бобби яростно кидается на нее, валит на землю, демонстрирует револьвер и нож и приказывает

не кричать. Затем моментально связывает девушку веревкой, завязывает ей глаза и тащит в свою машину. Парализованная от страха Лиза думает, что он хочет ее убить. Она умоляет Бобби не причинять ей боль и обещает сделать все, что он только пожелает. Бобби обожает таких девчонок. Он развязывает ей руки, приказывает раздеться догола и сделать ему минет. У малышки нет выбора. Но, несмотря на весь ужас и отвращение, Лизе удастся сохранить хладнокровие. Не противоречить этому монстру – единственная возможность остаться в живых. Для своего возраста она демонстрирует великолепное мужество.

Такой вот поворот: вместо того чтобы удушить девчонку на месте, Бобби говорит себе, что она еще раз сможет доставить ему удовольствие, а раз так, то он увозит ее к себе домой. По дороге он останавливается, чтобы снять в банкомате наличные. Лиза, пользуясь моментом, слегка сдвигает повязку с глаз, чтобы запомнить, как выглядит машина убийцы изнутри для того, чтобы потом описать полиции. Сняв деньги, Бобби садится за руль, едет к своему дому, паркуется и осторожно, чтобы никто не заметил, ведет Лизу в свою квартиру. Он настоятельно приказывает ей не смотреть по сторонам, но Лиза тихонько отмечает для себя все, что видит. Она даже подумывает о том, чтобы незаметно оставить под кроватью свою заколку для волос. Это будет доказательством того, что она была именно здесь.

Весь день Бобби ее насирует. Он просто ненасытен. Чтобы его успокоить и привести в хорошее расположение, Лиза говорит без умолку обо всем подряд. Что он ей нравится, что она уже была изнасилована собственным отцом... Она изо всех сил пытается его разжалобить. И это срабатывает! Постепенно Бобби, сам того не замечая, уже не называет ее шлюхой, а зовет «малышка». Он полностью расслабляется и говорит, что хочет навсегда оставить ее у себя. Лиза не противоречит, чтобы, не дай бог, не вызвать в нем ярость. На следующий день, спустя 26 часов после похищения, Лиза начинает наскучивать Бобби. Он опять надевает повязку ей на глаза и сажает в машину. Убьет он ее или нет? К ее огромному удивлению, он неожиданно высаживает девушку на обочину дороги, и – не поверите! – говорит ей: «Береги себя!»

Лиза ошеломлена, но она тут же берет себя в руки. Звонит своему отцу, чтобы он поставил в известность полицию. Полиция приезжает мгновенно, и Лиза со всеми подробностями описывает как самого убийцу, так и его машину – «Додж Магнум», коричневого или темно-бордового цвета. Она также рассказывает о месте, где совершала велосипедную прогулку, в общем, обо всем, что ей удалось подметить

из-под повязки. Полицейские намерены поставить в известность ФБР, которое вот уже несколько месяцев разыскивает серийного убийцу. Неимоверная удача: на Лизе обнаруживают такие же красные волокна, которые были и на многих других обнаруженных в этом регионе – изнасилованных и убитых девушках.

Пока сравниваются и систематизируются все эти улики, Бобби Лонг 5 ноября находит и убивает еще одну жертву. Эта несчастная, в отличие от Лизы, пыталась сопротивляться, когда убийца тащил ее в машину. Наконец, 15 ноября, два инспектора, патрулирующие в Тампе⁵, замечают автомобиль, похожий на тот, о котором рассказывала Лиза. Под предлогом проверки по подозрению в краже полицейские приказывают водителю остановиться. Заглянув внутрь, они убеждаются, что это именно та машина, которую описала Лиза.

Полицейские не арестовывают сразу же убийцу, они позволяют ему уехать. Дальнейшее расследование устанавливает, что водитель «Доджа» – это некий Бобби Джой Лонг, который снял деньги в том же банкомате, в тот же день и в то же время, что и насильник Лизы. Еще выясняется, что у него есть судимость за нападение на женщину. Теперь ясно, что это точно тот человек, которого разыскивают уже несколько месяцев! За ним устанавливают наблюдение, а спустя несколько дней арестовывают, когда он выходит из кинотеатра. Во время обыска у него дома следователи под кроватью обнаруживают заколку, брошенную туда Лизой. В его машине эксперты обнаруживают частицы, принадлежащие убитым и изнасилованным девушкам. Итак, серийный убийца пойман! Да он и сам вскоре во всем признается следователям: «Думаю, что, когда я признаюсь, мне станет легче... Да, это я их убил... Да, всех этих, фото которых вы мне показали... Это я...» А потом, когда ему говорят о Лизе, добавляет: «Я знал заранее, что так будет. Когда я ее отпустил, я понимал, что это лишь вопрос времени, когда меня поймают. Я даже не просил ее не рассказывать что-то полиции или кому-то еще... Мне было наплевать, я хотел, чтобы все быстрее закончилось. Я – весь больной внутри себя».

В принципе Бобби действительно нельзя считать абсолютно здоровым человеком, так как родился он с лишней X-хромосомой, которая вырабатывает женские гормоны. Психические травмы, и неоднократно, он получал еще будучи ребенком. Ну представьте, как будет себя чувствовать мальчишка, у которого грудь почти как у женщины. Ему даже делали операцию по ее удалению. Ну и наконец, у Бобби

⁵ Город в штате Флорида.

есть двоюродный брат – Генри Ли Лукас, самый «плодовитый» серийный убийца в США, который только что признался в убийстве шестисот человек, из которых 199 подтверждены документально. Свою роль сыграла и жуткая неуклюжесть Бобби, который в детстве и юности неоднократно падал головой то с велосипеда, то с мотоцикла, то с пони. И мамаша постаралась: она его укладывала спать с собой, когда тому исполнилось уже 13 лет! Интересно, что ненасытная тяга к сексу развилась у него в армии, когда он в очередной раз упал с мотоцикла и сильно ударился головой.

Начиная с 1980 года Бобби разрабатывает план, как можно насильничать без особого риска. Он просматривает объявления в газетах от желающих продать ненужную вещь. Старается Бобби находить объявления о продаже кровати, потому что в этом случае у него есть предлог попросить ее опробовать. «Опробовав», он уходит, а потом возвращается. Если в этот момент женщина дома находится одна, он угрозами заставляет ее сделать все, что ему хочется. Он так описывал эти сцены в письме одному своему приятелю: «Я ей говорю: у тебя выбор – либо я тебя трахну, либо порежу». А еще Бобби понимает, что иногда он доставляет-таки удовольствие некоторым женщинам, которые несчастны со своими мужьями. Тогда как с ним... Несколько раз ему попадаются совсем юные девочки – 12 или 13 лет. И к ним он не проявляет никакой жалости. В 1981 году его ловят и арестовывают, но он находит свидетеля, который подтверждает, что секс между Бобби и жертвой был по обоюдному согласию. Бобби снова на свободе, чтобы приняться за старое. Точное число жертв до сих пор неизвестно, но в этот период он изнасиловал от 50 до 150 женщин. А в последние перед арестом месяцы насильник совсем теряет голову и начинает убивать свои жертвы. Не менее десяти из них удалось идентифицировать.

После многочисленных и долгих процессов, в которых по очереди рассматривались все дела, Бобби Джой Лонг дважды приговаривается к смертной казни, тридцати четырем пожизненным заключениям и 693 годам тюрьмы. В настоящее время он ожидает своей участи в камере смертников.

Самый юный заключенный, казненный в США

Электрический стул был для него велик. Виновным его признали в течение нескольких минут. Произошло это в 1944 году. Джорджу Стинни было всего 14 лет. В новейшей истории США он по сей день остается самым юным заключенным, приговоренным к смертной каз-

ни. Осуждение, а затем и казнь несовершеннолетнего американца во всем мире стали символом варварства и несправедливости, которые представляет собой смертная казнь.

Чернокожий мальчишка Джордж был осужден за двойное убийство двух белых девочек: 11-летней Бетти Бинникер и 8-летней Мэри Эммы Тамес, которое произошло в округе Кларендон штата Южная Каролина. 23 марта 1944 года тела этих двух девочек, которых искали в течение суток, были найдены в наполненной мутной водой канаве. У обоих были обнаружены тяжелые ранения головы.

Что же связывает Джорджа с этим ужасным двойным убийством? Ничего, кроме его собственного признания: по всей видимости, он был последним, кто их видел живыми. При этом он сам пошел и рассказал поисковой группе, что эти девочки катались на велосипедах и останавливались у его дома, чтобы спросить у него и его сестры, где они могут найти цветы под названием «страстоцвет».

Наутро, после того как были найдены тела, его арестовывают, а день спустя обвиняют в совершении убийства первой степени. 24 апреля, молниеносно, проходит судебный процесс. Джордж является единственным обвиняемым. В суде не представлено никаких доказательств его вины. После десятиминутного совещания жюри присяжных, состоявшее исключительно из белых, выносит свой вердикт: смертная казнь на электрическом стуле.

На суде свидетелями обвинения выступили трое белых полицейских, которые заявили, что мальчик сознался в убийстве. И хотя не было представлено ни одного письменного протокола допроса, суд поверил им на слово. Кроме полицейских в качестве свидетелей были заслушаны нашедший тела житель и два врача, проводивших вскрытие тел. Естественно, что подтвердить или опровергнуть вину Джорджа они не могли. Со стороны же защиты свидетелей не было вовсе. Кстати сказать, в зале суда вообще не было ни одного чернокожего – им просто запретили приходить.

За юного чернокожего американца вступаются профсоюзы, религиозные и правозащитные организации – бесполезно: решение суда остается в силе.

Несладко пришлось и семье Джорджа. Его отца тут же уволили с работы, а затем жители предложили им выбор: немедленно покинуть город или быть подвергнутыми линчеванию. Так 14-летний мальчик остался один, без всякой поддержки.

Казнь состоялась 16 июня 1944 года в тюрьме города Колумбия, спустя три месяца после того, как были обнаружены тела мертвых де-

вочек. Честно сказать, жителям США в этот момент было совсем не до казни чернокожего подростка: все их внимание устремлено на Европу, где американские войска в составе антигитлеровской коалиции пытаются высадиться во Франции. А Джорджа в это время с Библией в руках ведут в помещение, в котором установлен электрический стул. Во время казни присутствуют несколько человек: их рассказ через несколько дней потрясет весь мир. Палачи никак не могут привязать мальчика к стулу – уж слишком он маленького роста, всего 157 сантиметров. Чтобы хоть как-то усадить подростка, ему подкладывают на сиденье ту самую Библию, которую он принес с собой. Ремни спадают, на них не хватает отверстий, чтобы нормально застегнуть – ведь вес Джорджа всего-то 40 кг. Специальная маска, которую казненным надевают на лицо, тоже велика и все время спадает. Во время первого разряда мощностью 2400 вольт маска падает, и взорам присутствующих открывается полное мучительных страданий лицо мальчика, из огромных, широко открытых глаз катятся слезы, а изо рта течет пена. Исполнители приговора кое-как вновь натягивают на него маску и дают еще два разряда. Спустя четыре минуты врач констатирует смерть.

Все последующие годы дело Джорджа Стинни является предметом постоянных споров. Одни утверждают, что его казнили правильно, другие говорят, что были нарушены все мыслимые и немыслимые судебные и постсудебные процедуры и правила, и требуют хотя бы по-смертной реабилитации мальчика.

Наконец, в 2005 году трое адвокатов из Южной Каролины, проведя тщательное расследование, заявляют о том, что Джордж Стинни был абсолютно невиновен.

Как утверждают исследователи этого дела, настоящим виновником убийства девочек был некий представитель одной весьма уважаемой белой семьи. Вроде как на смертном одре он признался в содеянном, но было принято решение не «ворошить» это дело.

Так это или нет, но вот что странно: действительно дело Джорджа Стинни никогда не пересматривалось американскими судами. И это притом что правосудие в США всегда осуществляется весьма и весьма скрупулезно и тянется иногда десятилетиями. Впрочем, это теперь не так уж и важно. Даже без всякого пересмотра, Джордж Стинни, ребенок, приговоренный к смерти, а затем и казненный, стал символом того, что и хваленое американское правосудие допускает грубейшие и непоправимые ошибки.

Руфь Зернова. **Иная реальность.**
Новосибирск: Свиньян и сыновья, 2013. 572 с.

Алексей Мокроусов

По скользкой тропе воспоминаний

Сборник Руфи Зерновой (1919–2004) состоит из 26 новелл-воспоминаний, написанных в разные годы. Автор – писатель и переводчик, прошедшая через фронты гражданской войны в Испании, тюрьмы и лагеря ГУЛАГа. Она была знакома с выдающимися учеными и писателями, переводила книги, в 1976-м вместе с мужем, литературоведом-филологом Ильей Серманом, эмигрировала в Израиль.

Уроженка Бессарабии, Зернова провела детство в Одессе, учиться уехала в Ленинград (филологический факультет университета из-за войны ей удалось окончить лишь в 1947-м), работала переводчицей на фронтах гражданской войны в Испании, а в 1949 году ее вместе с мужем арестовали «за распространение антисоветских клеветнических измышлений». Из десяти лет лагерей отсидела только пять: смерть генсека освободила раньше срока. Но биографию не переписать, «такое уж наше поколение. Начнешь рассказывать о приятном – и тут же, с плитки дивного горького шоколада соскальзываешь в сталинские лагеря. Скользящая это тропа – воспоминания».

Жизнь была богата на события, как богата на имена и книга. Здесь и статья о Валентине Катаеве «Самый благополучный советский писатель», и воспоминания об авторе повести «В окопах Сталинграда» Викторе Некрасове, и заметки о визите 17-летней студентки без приглашения к Ахматовой, чей ленинградский адрес в 30-е можно было получить за 20 копеек в любом справочном бюро.

Литература становится одним из сквозных сюжетов сборника. Чтение для человека с лагерным опытом – занятие особое. Зернова рассказывает, как по одной сцене можно опознать «своего». Ее рассказ о собственном сидении – печататься она начала в 1955-м – уже в «оттепель» подвергся «тщательной редакторской чистке», «все лагерные концы были тщательно упрятаны в сюжетную воду» – и все равно «чуткие лагерники сразу во всем разобрались». Евгения Гинзбург прислала автору письмо: «Знаю я, знаю, где филологи работают сучкорубами и ходят за шесть километров полоть свеклу». Точно так же сама Зернова по одной сцене разговора у костра в книге «Обезьяна приходит за своим черепом» «угадала» лагерника в писателе Юрии Домбровском.

Одни вошедшие в книгу тексты, датированные 60–90-ми годами, публиковались прежде, другие увидели свет впервые. Они охватывают всю жизнь автора, включая годы, когда газета «Известия» была полна объявлений о смене фамилии Троцкий. Однофамильцы проклятого вождя революции меняли ее на Тронский, Троицкий или какие еще – лишь бы не иметь ничего общего с человеком, объявленным преступником без решения суда.

В лагере Зернова встретила жену профессора-историка Исаака Троцкого, получившую второй срок (таких в лагерях звали «повторницы») после доноса соседей. Им казалось странным, что отбывавшая ссылку женщина все время печатала на пишущей машинке. Та подрабатывала машинисткой, но в кафкианском воздухе повседневности такие подробности мало кого интересовали.

Собственный предстоящий арест не был для Зерновой и Сермана неожиданностью. Об интересе к ним со стороны соответствующих органов предупредила – после собственного допроса – ближайшая подруга. А слухи, что о супругах спрашивают многих, в том числе и совсем дальних знакомых, доходили и прежде; несмотря на атмосферу всеобщего страха, люди пытались оставаться в рамках прежних понятий о порядочности.

Реакция же самой Зерновой на слухи о расспросах выглядит типичной для советского человека той поры: «Мы сердились, но более для приличия, и, пожалуй, даже были польщены: вот, значит, и мы станем видными людьми. Ведь если органы тобой не интересуются – значит, у тебя просто нет социального статуса.

Мы ждали, когда нас вызовут, чтобы и нас расспросить о ком-нибудь».

Это признание позволяет многое понять в мышлении поколения, выросшего при советской власти и потому воспринимающего атмосферу всеобщего соглашательства как нормальную, свою, родную; любой готов дать соответствующую информацию в нужный час – ведь все же вокруг так делают?!

Отношение к информаторству (слово «стукач», пишет мемуаристка, еще не было в ходу, были «провокатор» и «тихарь») отдавало инфантилизмом: «Мы ждали, когда нас вызовут, чтобы и нас расспросить о ком-нибудь. Просто так, для картотеки. Должны же органы знать, чем мы дышим. Учреждение – оно и работает как учреждение, верно? Спросят нас о ком-нибудь, мы скажем, что почти его не знаем, потом передадим ему, что – спрашивали...»

К аресту готовилась почти три месяца. Чистили домашние архивы. Жгли книгу с портретами «всех членов клики Тито», переписку, в том числе и письма Карла Либкнехта – во-первых, те были на немецком, что уже подозрительно, во-вторых, адресованы г-же и г-ну Радекам (одно время мать Сермана была гражданской женой расстрелянного в конце 30-х политика и публициста Карла Радека). Так прошли 86 дней ежедневного, еженощного ожидания. Если бы он знали, что в основе обвинения будут лежать записи, сделанные в комнате, где они вдвоем разговаривали с мужем! Техника тогда входила в моду, подслушивающие устройства все чаще использовались при аресте как доказательства вины.

Тем не менее арест произошел неожиданно: утром зашел приветливый человек, пригласил с ним проехать, ребенку сказал, что мама скоро вернется.

Зернова вспоминает, как вели себя на суде некогда лучшие подруги, в том числе та, с которой довелось работать в Испании (ее имя не называется). Дочь профессиональных революционеров, среди домашних знакомых которых были и Киров, и Орджоникидзе, она отличалась строгостью и принципиальностью прежде всего по отношению к себе самой.

На следствии подруга держалась достойно. Она не сообщала новых сведений, лишь подтверждала и без того известные факты. Но когда на суде Зернова решила уточнить, что она говорила о бытовом антисемитизме в стране, о «трамвайном» – и тут «вспыхнули ее (подруги. – Ред.) узкие глаза, и она гневно возразила: «Нет, сверху! Сверху!».

Возможно, не стоило задавать такого вопроса, но, считает мемуаристка, она все же спросила, поскольку «хотела ей помочь», «дать ей возможность <...> не винить себя потом, говорить себе, что она

сделала только “от сих до сих”, сколько от нее требовали, и “ни грамма больше”, как в лагерях говорили».

Неизвестно, винила ли в чем себя сама подруга или ей удалось благополучно забыть все произошедшее в суде как страшный сон. В любом случае такие сцены накладывают отпечаток не только на подсудимую, но и на свидетелей. Психика оставшихся на воле оказывалась в большей опасности, чем психика отправленных в лагерь. Последним нечего было терять, но первым приходилось всю жизнь юлить перед собой, оправдываться, убеждать себя, что в произошедшем нет их вины, все случилось согласно логике истории – и приговор ближнему, и его последующая реабилитация. В этом смысле внутренняя граница между зоной и свободой стиралась до неразличения, несвободны оказывались все, хотя разница во внешнем комфорте была ощутима.

Суд – последнее место, где встречались обвиняемый (в сталинской России практически всегда – осуждаемый) и свидетельствующий против него. После дачи показаний один отправлялся в тесный «бюкс» для арестованных, другой – в мирную жизнь. После окончания заседаний свидетель говорит жене: «Ты сейчас, значит, едешь на Невский?» Второй, проигравший, этой фразой вычеркивался из реальности. Свидетель не хотел думать – надолго ли? Может, навсегда?

Лагерь построен на унижении, в том числе через принудительное обнажение. Автор описывает прибытие на новую зону: все «как положено: баня, прожарка и смотрины; офицеры за столами, за списками: в парадных кителях, с орденами-медалями; мы – перед столами, голые, с бритыми лобками... Одна выпросила разрешение: в голубой короткой шелковой рубашечке стояла, с нежными розочками... Эта была из номенклатуры. А мы рабочая скотинка, стояли спокойно, не стыдились. Как говорила потом Маша Лукина: а чего стыдиться? Мы не кривобокие. И вообще – пятьдесят восьмая: у всех тело чистое, никаких таких...»

Зернова пытается понять психологию сидевших за столом, «потеющих в своей парадной форме» офицеров (интересно, могли ли среди них быть ее бывшие товарищи по испанской войне?). Сцена отдает разгулом античных сатурналий: «блеск погон – и наши белые торсы с загорелыми руками и ногами» (заключенных женщин привезли в лагерь после летних работ, где им разрешали трудиться в майках). Советские офицеры выглядят здесь римскими патрициями, «которые рабов за людей не считали». И все же: «Кем они себя в этот момент видели? Кем воображали? Нас они видели хорошо, им полагалось

смотреть, может – и рассматривать. А себя? Ведь дано человеку воображение. Или так уж привыкли?»

Даже недавнее прошлое остается без ответа. Сегодня не понять природу этого унижения – осуществлялось ли оно в рамках узаконенной процедуры или было личной инициативой начальника лагеря? С каких пор появилась такая практика в лагерях? Но смысл мемуаров не только в том, чтобы приоткрывать тайны, загадывать или разгадывать загадки, напоминать живым о мертвых.

В описании лагерной жизни неожиданно встречается много человеческого. Среди немногочисленных табу быта выделялся запрет на воспоминания, он касался прежде всего детей. То есть вслух читать письма от них было можно, а вот рассказывать о мирной жизни, общении с детьми – нет. Детям и внукам тех детей адресована эта книга о реальности, которую многие предпочли бы скорее забыть и не знать, чем помнить. Кажется, что так безопаснее, – но только на первый взгляд.

РУСЬ СИДЯЩАЯ

WWW.ZEKOV.NET

«Русь сидящая» ненавидит тюрьмы и зоны, не терпит несправедливости, оскорбления российских законов и граждан. **«Русь сидящая»** – это неформальное объединение родственников заведомо неправосудно осужденных людей и, конечно, самих пострадавших от незаконного преследования граждан. Это предприниматели и артисты, офицеры и поэты, доктора и учителя – те, кто не в силах отстраненно наблюдать за судебным произволом, ломающим сотни тысяч судеб наших соотечественников, за равнодушием прокуратуры, следственных органов и прочей опогоненной нечисти. Для них продажность стала нормой существования, а совесть, достоинство, гордость и честь – старомодными атавизмами. Они считают, что победили. Они уверены, что являют собой реальную российскую власть. Они убеждены в своей безнаказанности и неподсудности. Мы объединились для того, чтобы доказать им – это не так. Для того, чтобы вернуть нашей стране справедливый и независимый суд. Вернуть гражданам право на защиту и презумпцию невиновности. Заставить полицию и следственные органы ловить и изобличать преступников, а не выбивать из граждан незаконную ренту и обезжиривать предпринимателей. Заставить суды вершить правосудие, а не выполнять заказы.

Заставить прокуратуру – надзирать за соблюдением законности, а не крышевать незаконный бизнес и обвинять всех, кто не заплатил, в совершении самых страшных преступлений. Заставить тюремщиков исправлять оступившихся, а не прессовать невиновных, помогая следствию добиваться показаний, цена которых бывает несовместима с жизнью.

Наша судьба не принадлежит вам. Пора прекратить геноцид против собственного народа, пора прекратить репрессии против самых талантливых и креативных российских граждан. Руки прочь от нашего будущего, продажные судьи и силовики должны остаться в прошлом.

Общая почта для обращений: rus.anketi@gmail.com

Адрес редакции:
119021, Москва, Зубовский бульвар,
дом 4, Союз журналистов, комната 448
Редакция журнала «Досье на цензуру»
Тел./факс: +7(495) 637-5086
e-mail: nevol@index.org.ru
Веб-сайт: <http://index.org.ru>

Издание зарегистрировано
Федеральной службой по надзору
за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и
охране культурного наследия.
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-18641
от 19.12.2004 г.
Номер подписан в печать 10.07.2015 г.
Отпечатано в типографии ИПЦ «МАСКА»

Тираж 2000 экз. Заказ №
Распространяется бесплатно